

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 1 (67). № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2015

**Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского, протокол № 19 от 23 декабря 2015 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (выпускающий редактор)
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Таран Павел Евгеньевич, к. ю. н., к. ф. н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать 26.11.2015. Формат 70x100 1/16
30 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № НП/22
Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
<http://sn-law.cfuv.ru>

УДК 347.7 : 656.612

УПОРЯДОЧЕНИЕ ФРАХТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СССР В 1925 – НАЧАЛЕ 1926 ГГ.

Благодатная Е. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В 1925 – начале 1926 гг. были сделаны важнейшие шаги у упорядочению фрахтовой деятельности в СССР. Наиболее важными из них стали, во-первых, создание центрального фрахтового совещания (7 января 1925 г.) с соответствующими органами на местах, а во-вторых – принятие положения о морской перевозке (28 мая 1926 г.). Данный документ определил в советском праве основные составляющие договора морской перевозки (фрахта и чартерпартии); установил ответственность и ее пределы грузо-владельца и фрахтовщика, условия их взаимоотношений и т. д. Безусловно, данный документ базировался как на отечественном, так и на зарубежном правовом опыте и потому стал эссенцией как советского, так и зарубежного права, насколько это оказалось возможным. Доработка данного документа впоследствии продолжалась с расширением практического опыта в этой сфере.

Ключевые слова: фрахт, коносамент, фрахтовщик, арматор, положение, закон, ответственность, груз, судно.

Восстановление и развитие экономики страны к середине 1920-х гг. и, как следствие этого, усиление внешней торговли привело к необходимости более четкого регулирования совершения фрахтовых сделок и определения самого понятия фрахта. Первым шагом на этом пути стало принятие Советом Труда и Оборона (далее – СТО) 7 января 1925 г. положения о центральном фрахтовом совещании (далее – ЦФС) при Народном комиссариате внешней торговли (НКВТ). Его задачами было установление порядка фрахтования морских судов как в заграничных сообщениях, так и в большом каботаже, регулирование деятельности фрахтующих организаций в области фрахтования. В ведение ЦФС вошли также вопросы фрахтования тоннажа для перевозок грузов и массовых перевозок пассажиров как по отдельным фрахтованиям, так и в постоянных рейсах.

Для осуществления вышеозначенных задач ЦФС обязывалось:

- а) определять круг фрахтующих организаций;
- б) руководить деятельностью всех фрахтовых Бюро и Совещаний в СССР и при торговых представительствах за границей;
- в) регулировать и контролировать деятельность организации по фрахтованию судов иностранных и плавающих под флагом СССР;
- г) разрабатывать правила и инструкции, относящиеся к фрахтовым вопросам;
- д) рассматривать и устанавливать план морских перевозок в связи с экспортно-импортным планом СССР.

При этом разрешения на зафрахтование иностранных судов для совершения рейсов в большом каботаже выдавались в порядке ст. 4 постановления СНК СССР от 8 июля 1924 г. о морской перевозке в заграничных сообщениях и о большом и малом каботаже (п. 2).

В состав ЦФС входили: председатель, назначаемый СТО по согласованному представлению НКВТ и НКПС, заместитель председателя, назначаемый СТО из числа членов Сопредседательства, два представителя от НКВТ, два представителя от НКПС, по одному представителю от ВСНХ СССР, Народного Комиссариата по внутренней торговле СССР, Наркоминдел и СТФ, а также представитель, назначаемый по соглашению народных комиссариатов земледелия РСФСР, УССР, БССР и Закавказских Республик, и один представитель от кооперации по соглашению кооперативных центров союзных республик.

Каждому члену ЦФС ведомства и организации, выделившие их, назначали заместителя (п. 3).

Заседания ЦФС считались действительными при наличии председателя или его заместителя и не менее 4 постоянных членов или их заместителей (п. 4). Постановления ЦФС вступали в силу по утверждению их НКВТ (п. 5).

Вошедшие в законную силу постановления ЦФС были обязательны для всех учреждений, организаций и лиц, имеющих отношение к фрахтованию морских судов (п. 6).

Ведомствам СССР, а равно представленным в ЦФС учреждениям и организациям предоставлялось право, не приостанавливая исполнения, обжаловать в СТО постановления ЦФС в пятидневный срок со дня их утверждения (п. 7) [1].

С целью урегулирования ранее принятых нормативных актов в соответствии с вышерассмотренным документом 9 марта 1925 г. было принято постановление СНК СССР от «Об изменении порядка выдачи разрешений на зафрахтование иностранных судов для совершения рейсов в большом каботаже». Данным документом, во изменение ст. 4 постановления от 8 июля 1924 г. о морской перевозке в заграничных сообщениях и о большом и малом каботаже и примечания к ст. 2 положения о ЦФС от 7 января 1925 г., разрешение зафрахтовать иностранное судно для совершения рейса в большом каботаже в случаях, предусмотренных ст. 3 постановления от 8 июля 1924 г., давалось НКПС и НКВТ по взаимному соглашению [2].

6 мая 1925 г. СТО было принято постановление «О регистрации фрахтовых сделок». Согласно ему, все сделки по фрахтованию тоннажа СССР и иностранного для заграничного плавания и большого каботажа подлежали регистрации во Фрахтовом Бюро НКВТ по месту совершения сделки (п. 1). Сделки же по фрахтованию, заключаемые за границей, следовало регистрировать в соответствующих заграничных фрахтовых бюро при торговых представительствах СССР.

Обязанность предъявления сделки к регистрации возлагалась на соответствующую фрахтовую организацию (п. 2). При фрахтовании судов непосредственно грузоотправителем обязанность предъявления сделки к регистрации возлагалась на фрахтовщика (арматора).

На покрытие расходов, связанных с регистрацией фрахтовых сделок, устанавливался регистрационный сбор в размере, определяемом фрахтовым бюро, но не выше ¼ % суммы фрахта и во всяком случае не выше размера, взимаемого местный биржевой комитет за регистрацию внебиржевых сделок (п. 3).

Оплата регистрационного сбора возлагалась на организацию, предъявляющую сделку к регистрации (п. 4). Наблюдение за проведением в жизнь данного постановления и издание инструкций по применению его возлагалось на ЦФС.

В развитие и дополнение вышеассмотренных нормативных актов 14 мая 1925 г. было принято постановление СТО СССР «О предоставлении Народному комиссариату внешней торговли права организовывать местные фрахтовые бюро и совещания» при уполномоченных НКВТ в союзных республиках, областных уполномоченных НКВТ и торговых представительствах СССР за границей.

Несмотря на принятие вышеассмотренных нормативных актов централизации фрахтового дела добиться не удалось. Это объясняется тем, что, во-первых, продолжали действовать и даже усиливали свою активность на фрахтовом рынке самостоятельные организации. Так, к примеру, распоряжением № 53 по АО «Экспортхлеб» от 13 мая 1925 г. было объявлено положение о Коммерческой и Портовой частях правления Экспортхлеба. На иностранную коммерческую часть, кроме прочего, возлагалось «руководство фрахтованием пароходов и распределением их по портам» [3, л. 29–30 об.].

Во-вторых, весьма непростой ситуацией на фрахтовом рынке, что выражалось в усилившейся конкуренции между частными и государственными (Совторгфлот) перевозчиками. В связи с чем СТФ был вынужден прибегнуть в мае 1925 г. к введению на некоторые грузы льготных ставок фрахта вплоть до 31 декабря 1925 г. [4, л. 3–4].

Важнейшим шагом в урегулировании вопросов перевозки грузов морским транспортом и взаимоотношений участвующих в данном процессе сторон стало принятие ЦИК и СНК СССР 28 мая 1926 г. положения о морской перевозке. В его разделе I «Общие положения» устанавливался круг ведения закона (ст. 1–2). Раздел же II был посвящен уже непосредственно морской перевозке грузов. Им, в частности, устанавливалось, что по договору морской перевозки грузов одна сторона (фрахтовщик) обязывается перевезти на судне в определенный пункт за вознаграждение (фрахт) принятый от другой стороны (фрахтователя, отправителя) к перевозке груз.

При этом указывалось, что договор морской перевозки мог быть заключен: а) с условием предоставления для перевозки всего судна, части его или определенных судовых помещений или; б) без такового условия. В случае, предусмотренном п. «а», договор морской перевозки назывался цертепартией (ст. 3).

Правоотношения сторон по договору морской перевозки определялись их соглашением, выраженным в коносаменте (ст. 8), а в случае заключения договора цертепартии – также и в цертепартии; при неполноте соглашения оно восполнялось постановлениями данного закона. Однако в случаях, прямо указанных в законе, соглашение сторон, не соответствующее постановлениям закона, объявлялось недействительным. Также подчеркивалось, что при отсутствии цертепартии и коносамента условия соглашения сторон могли быть устанавливаемы исключительно письменными доказательствами (ст. 4). Устанавливалось, что правоотношения между фрахтовщиком и получателем груза определялись коносаментом (ст. 5).

Условия цертепартии объявлялись обязательными для получателя только в том случае, когда они были изложены в коносаменте или же когда в последнем была сделана на них соответствующая ссылка (ст. 6).

Закон также предписывал, что фрахтовщик обязан был заблаговременно, до начала рейса, привести судно в состояние, годное к плаванию, надлежащим образом снарядить его, укомплектовать экипажем и снабдить припасами, а равно привести трюмы, кладовые и холодильники в состояние, обеспечивающее надлежащий прием, перевозку и сохранение груза. Тем не менее фрахтовщик не нес по данной статье ответственности за скрытые недостатки, которые не могли быть обнаружены при проявлении им должной заботливости. При этом соглашение о сложении с фрахтовщика ответственности по настоящей статье объявлялось недействительным (ст. 7).

По приеме груза к перевозке отправителю следовало выдавать коносамент за подписью фрахтовщика, уполномоченного им на то лица или капитана судна. Данный документ следовало составлять на основании письменного объявления, подписанного отправителем. При этом отправитель обязывался возместить фрахтовщику всякий вред, происшедший вследствие неточности или неправильности, допущенных им в поданном объявлении. Оговорка же отправителя о сложении с себя ответственности по третьей части настоящей статьи также была недействительна (ст. 8).

Коносамент следовало составлять не менее чем в двух экземплярах, причем один экземпляр выдавался отправителю, а другой следовал при грузе. По желанию отправителя ему мог быть выдан коносамент в нескольких экземплярах тождественного содержания, причем в каждом из них отмечалось число составленных экземпляров коносамента.

Если коносамент был выдан фрахтователю более чем в одном экземпляре, то после выдачи груза по одному из них остальные теряли силу. Именно коносамент служил доказательством принятия фрахтовщиком описанного в нем груза (ст. 9).

При этом коносамент мог быть составлен: а) на имя определенного получателя; б) приказу отправителя или получателя; в) на предъявителя.

Коносамент, выданный на имя определенного получателя, позволялось передавать третьим лицам по именным передаточным надписям. Коносамент, выданный приказу отправителя или получателя, мог передаваться третьим лицам по бланковым или именным передаточным надписям (ст. 10).

Устанавливалось, что в коносаменте должны были быть обозначены под страхом его недействительности:

- а) название и флаг судна, если груз должен был быть перевезен на определенном судне;
- б) наименование фрахтовщика;
- в) наименование пункта отправления и отправителя;
- г) наименование пункта назначения или, в случае договора цертепартии, направление судна;
- д) наименование получателя либо указание, что коносамент выдан по приказу отправителя, либо наименование получателя с указанием, что коносамент выдан получателю или его приказу, либо указание, что коносамент выдан на предъявителя (см. ст. 10);

е) наименование груза, его знаки и марки, а также число отдельных мест либо количество или вес согласно письменному объявлению отправителя;

ж) размер фрахта и другие причитающиеся фрахтовщику платежи или указание, что фрахт должен быть уплачен, согласно цертепартии;

з) время и место выдачи коносамента;

и) число выданных экземпляров коносамента.

Если данные, указанные в п. «е», не были проверены, фрахтовщик был вправе включить таковые в коносамент с соответствующей оговоркой. Предусматривалось, что в коносамент могли быть включаемы по соглашению сторон и иные условия перевозки, а равно оговорки (ст. 11).

После выдачи коносамента право распоряжения грузом (т. е. право требовать возвращения груза или его переадресовки), а равно право требовать выдачи его принадлежало правильному держателю коносамента, каковым устанавливались:

а) по коносаментам, выданным на имя определенного получателя, – отправитель, либо лицо, указанное в коносаменте в качестве получателя, либо лицо, указанное в именной передаточной надписи;

б) по коносаментам, выданным приказу отправителя, – отправитель, либо лицо, указанное в передаточной надписи, либо предъявитель коносамента с бланковой надписью;

в) по коносаментам, выданным приказу получателя, – отправитель, либо получатель, либо лицо, указанное в передаточной надписи, либо предъявитель коносамента с бланковой надписью;

г) по коносаментам на предъявителя – держатель коносамента.

Для осуществления своего права распоряжаться грузом и требовать его выдачи в случаях, предусмотренных подп. «а» и «в» настоящей статьи, отправитель обязан был предъявить все выданные ему экземпляры коносамента. Кроме того устанавливалось, что с фрахтовщика слагается ответственность перед другими правильными держателями коносамента, если им было выполнено распоряжение одного из перечисленных выше лиц или был выдан груз одному из них (ст. 12).

В свою очередь отправитель обязан был своевременно передать фрахтовщику все документы, требуемые портовыми, таможенными или иными правилами, и отвечать перед фрахтовщиком и третьими лицами за убытки, происшедшие вследствие несвоевременной передачи, неправильности или недостаточности этих документов, а равно всякого неисполнения им (отправителем) означенных правил (ст. 13).

В случае если груз должен быть перевезен на определенном судне, он не мог без согласия отправителя быть погружен не на то судно, которое поименовано в коносаменте. Правило это не применялось к случаям перегрузки вследствие технической необходимости, наступившей после начала погрузки (ст. 14).

Груз размещался по усмотрению капитана, но не мог быть помещен на палубе судна без письменного согласия отправителя (ст. 16). Продолжительность же срока погрузки определялась соглашением сторон (ст. 17). Также сторонам предоставлялось входить в соглашение о дополнительном, по окончании срока погрузки, сроке ожидания (простое). При этом в счет срока простоя не засчитываются только те дни, когда погрузка на судно не могла состояться вследствие причин, связанных с фрахтовщиком (ст. 18).

Размер вознаграждения за простойные дни определялся нормами, принятыми в соответствующих портах и опубликованными подлежащими биржевыми комитетами; в случае же отсутствия таких норм размер означенного вознаграждения определялся расходами по содержанию судна и экипажа. Также фрахтователь обязан был по требованию капитана уплачивать вознаграждение за простойные дни по истечении каждого простого дня.

Если же фрахтователь этого требования не исполнил и не обеспечил его исполнения, то капитан был вправе или прервать погрузку с отказом от договора и взысканием фрахта полностью, или же, не прерывая погрузки, сделать отметку на коносаменте о причитающемся ему вознаграждении за простой и требовать этого вознаграждения от получателя груза (ст. 19).

При этом ст. 20 устанавливала, что в случае зафрахтования всего судна капитан был не вправе отказаться от приема груза, доставленного до окончания срока погрузки или до окончания срока простоя, если стороны условились о простое, хотя бы принятие и укладка груза могли задержать судно более условленного срока. За каждый лишний день задержания судна фрахтователь обязан был вознаградить фрахтовщика как за простойный день и возместить причиненные ему (фрахтовщику) задержанием убытки.

В тех же случаях, когда по договору морской перевозки были зафрахтованы часть судна или определенные судовые помещения, капитан был вправе по истечении вышеуказанных сроков отказаться от приема такого груза, который вследствие опоздания отправителя можно было поместить на судне надлежащим образом и без вреда для остального груза не иначе как с задержанием судна.

При этом фрахтовщик сохранял право на получение полного фрахта (см. ст. 28).

Закон также устанавливал, что фрахтователь, зафрахтовавший все судно, не вправе был занимать своим грузом каюты и помещения, предназначенные для судового экипажа, для хранения судовых припасов, предметов судового снаряжения и топлива (ст. 21).

При этом фрахтователь, зафрахтовавший часть судна или определенные судовые помещения, мог потребовать удаления постороннего груза из зафрахтованных им помещений или части судна, если подобный груз был погружен туда без его согласия. Фрахтователь, зафрахтовавший судно целиком, был вправе потребовать выгрузки такого груза в порте отправления или в любом порте захода, а равно вправе потребовать соответствующего уменьшения фрахта (если груз не был удален в порту отправления) и возмещения причиненных ему убытков (ст. 22).

Учитывая ответственность капитана за судно и груз, оказавшийся на судне груз, помещенный без ведома капитана, позволялось выгружать в любом порту по усмотрению капитана со взысканием в двойном размере фрахта, причитающегося от пункта отправления до пункта выгрузки, и сверх того всех убытков, которые понесет фрахтовщик вследствие помещения означенного груза (ст. 23).

Груз легковоспламеняющийся, взрывчатый или вообще опасный по своей природе, на погрузку которого фрахтовщик (или капитан) не дал бы своего согласия, если бы знал природу и свойство груза, мог быть во всякое время до сдачи его выгружен в любом пункте либо уничтожен или обезврежен без вознаграждения отправителя, который нес при этом ответственность за издержки и убытки,

происшедшие непосредственно или косвенно вследствие погрузки означенного груза.

Это право осуществлялось лишь в том случае, если груз был сдан под неправильным наименованием или если при его приемке фрахтовщик (или капитан) не могли путем наружного осмотра удостовериться в свойстве груза. Фрахт за перевозку такого груза не возвращался, а если он при отправлении судна не был уплачен, взыскивается полностью (п. 25).

Если обладающий указанными в ст. 24 свойствами груз, погруженный с ведома и согласия фрахтовщика (или капитана), стал опасным для судна, то с таким грузом разрешалось поступить согласно ст. 24. Отправитель не нес в таких случаях ответственности, за исключением случаев общей аварии (п. 25).

Устанавливалось, что фрахтователь был вправе сдать иной груз вместо установленного в договоре лишь с согласия фрахтовщика (ст. 26). Также указывалось, что капитан обязан по требованию фрахтователя, зафрахтовавшего все судно, отправиться в плавание с сохранением права на полный фрахт, хотя бы не весь условленный груз был погружен на судно.

При этом фрахтовщик был вправе отказаться от договора морской перевозки, если стоимостью наличного груза не могли быть покрыты фрахт и другие издержки фрахтовщика по грузу и если притом отправитель не внес полностью фрахта перед отправлением судна или не предоставил дополнительного обеспечения (ст. 27).

Также в случае зафрахтования части судна или определенных судовых помещений капитан был вправе по истечении сроков для погрузки и простоя отправиться в плавание по своему усмотрению, хотя бы не весь условленный груз был погружен на судно, причем сохранялось право на получение полного фрахта (ст. 28).

Закон также предусматривал, что если в случаях, предусмотренных ст. 27 и 28, вместо непогруженной части условленного груза принимался груз другого фрахтователя, то требование фрахтовщика соответственно уменьшалось (ст. 29).

Безусловно устанавливалось, что не считалось нарушением договора перевозки всякое отклонение судна от намеченного пути в целях спасания на море человеческих жизней, судов и грузов, а равно иное отклонение, вызванное действительной необходимостью (ст. 30).

Соблюдая интересы фрахтователя, зафрахтовавшего все судно, ему давалось право отказаться от договора с уплатой следующих сумм:

а) если отказ последовал до истечения обусловленного срока для погрузки или простоя или до дачи фрахтователем капитану разрешения отправиться в плавание, смотря по тому, какой из этих двух моментов наступит ранее, – половины полного фрахта, полного вознаграждения за простой, если он имел место, а равно других израсходованных фрахтовщиком за счет груза сумм, не включенных в стоимость фрахта;

б) если же отказ последовал после одного из указанных в пункте «а» моментов, то в случае зафрахтования судна на один рейс – всего фрахта полностью и прочих сумм, указанных в п. «а»; в случае же зафрахтования судна на несколько рейсов – полного фрахта за первый рейс, прочих сумм, указанных в п. «а», и половины фрахта за остальные рейсы.

В случае отказа фрахтователя, зафрахтовавшего все судно, от договора фрахтовщик обязывался подчиниться задержке, причиненной выгрузкой груза, и в том случае, если вследствие задержки время простоя продлилось более обусловленного срока, причем за все дни после истечения означенного срока фрахтователь обязывался уплатить как за простой. Вместе с этим указывалось, что фрахтователь имел право требовать разгрузку судна во время рейса только в том порту, куда судно зашло во исполнение договора морской перевозки или в силу необходимости (ст. 31).

Если же по договору морской перевозки не было зафрахтовано все судно, то отказ от договора мог последовать лишь при условии уплаты полного фрахта и прочих сумм, указанных в п. «а» ст. 31, причем фрахтовщик обязывался произвести выгрузку груза по требованию отправителя лишь в том случае, если этим не наносился ущерб интересам фрахтовщика и других отправителей (ст. 32).

Предусматривалось и то, что как фрахтовщик, так и фрахтователь были вправе отказаться от договора без вознаграждения другой стороны, если до отхода судна из места погрузки:

- а) объявлена война, могущая угрожать опасностью захвата судну или грузу;
- б) объявлена блокада места отправления или места назначения груза;
- в) по распоряжению властей задержано судно по причинам, не зависящим от той и другой стороны;
- г) судно взято для надобностей государства;
- д) воспрещен вывоз из места отправления или ввоз в место назначения того груза, который предположен к перевозке.

При этом случаи, предусмотренные в подп. «в» и «д», не могли служить для фрахтователя основанием к отказу от договора без вознаграждения другой стороны, если задержка предвиделась кратковременная.

В случаях, предусмотренных этой статьей, расходы по разгрузке судна возлагались на фрахтователя (ст. 34).

Каждая из сторон имела право вследствие наступления какого-либо из обстоятельств, перечисленных в ст. 33, отказаться от договора также и во время рейса с тем, что в этом случае фрахтователь уплачивал фрахтовщику фрахт пропорционально пройденному расстоянию, а равно все понесенные фрахтовщиком по грузу расходы. В этом случае выгрузка производилась также за счет фрахтователя (ст. 34).

Договор морской перевозки прекращал без отказа сторон и без обязанности одной стороны вознаградить другую, если после заключения договора и до отхода судна из места погрузки вследствие какой-либо случайности:

- а) судно погибло, признано законным призом или будет признано негодным к плаванию по причинам, не зависящим от фрахтовщика;
- б) погиб груз, индивидуально определенный в договоре перевозки, или
- в) погиб груз, состоящий из вещей, определенных родовыми признаками, после сдачи его капитану для погрузки, и отправитель не успел сдать другой груз вместо погибшего.

Договор морской перевозки прекращался вследствие указанных в первой части настоящей статьи обстоятельств также и во время рейса, причем в случае, предусмотренном п. «а» этой статьи, фрахтовщику причиталось фрахт

пропорционально пройденному пути, а в случаях, предусмотренных п. «б» и «в», – фрахт из расчета стоимости спасенного и сданного груза также пропорционально пройденному пути (ст. 35).

Когда же было зафрахтовано все судно и оказывалось невозможным войти в порт назначения груза вследствие блокады, войны, запрещения, льда или иной причины, капитан обязан был отвести судно в один из ближайших портов и уведомить фрахтователя о препятствии, ожидая его распоряжения. При невозможности уведомить фрахтователя или выждать его распоряжения капитан был вправе разгрузить судно или же возвратиться с грузом обратно, смотря по тому, что представлялось более выгодным для фрахтователя (ст. 36).

По требованию получателя или фрахтовщика груз до сдачи его получателю мог быть подвергнут осмотру через экспертов, приглашенных начальником порта. Расходы по осмотру нес тот, кто его потребовал. Если же при осмотре обнаруживались частичная утрата или повреждение груза, за которые должен отвечать фрахтовщик, то расходы падали на последнего (ст. 39).

При приеме груза получатель обязывался уплатить фрахтовщику, если это не было сделано ранее, причитающиеся фрахтовщику фрахт и простойные деньги, произведенные капитаном за счет груза необходимые расходы, прочие платежи и сборы, а также, в подлежащих случаях, выдать обеспеченный грузом аварийный взнос или представить соответствующее обеспечение (ст. 40).

За груз, погибший вследствие крушения судна или иного несчастного случая, а равно захваченный в качестве законного приза, фрахт не взимался; если же он был внесен вперед, то возвращался. Если после гибели судна груз оказывался спасенным или после захвата он был освобожден, то фрахтовщик имел право на фрахт пропорционально пройденному пути; если в таких случаях груз был доставлен фрахтовщиком в место назначения, то фрахт причитается полностью за уцелевший груз (ст. 41).

За груз, погибший или поврежденный вследствие его естественных свойств (внутренней порчи, усушки, раструски, обыкновенной утечки), неудовлетворительности упаковки или по иным причинам, зависящим от отправителя, фрахт уплачивался полностью (ст. 42).

Фрахтовщик получил право не выдавать груз до уплаты фрахта и всех других причитающихся ему в силу договора морской перевозки платежей (ст. 43). Также фрахтовщику принадлежало залоговое право на груз в обеспечение причитающихся ему от получателя платежей, пока груз находился в руках фрахтовщика или его агентов или же на хранении по его распоряжению. Требование фрахтовщика о причитающихся ему по перевозке платежах удовлетворялось из стоимости груза преимущественно перед всеми другими долгами хозяина груза и взысканиями с него. Однако залоговое право фрахтовщика не распространялось на причитающееся владельцу груза страховое вознаграждение (ст. 44).

С приемом груза получателем без оговорки погашались его требования к фрахтовщику как за утрату или повреждение груза, так и за просрочку в его сдаче, за исключением требований за такие повреждения или частичную утрату груза, которые не могли быть замечены при обыкновенном способе приема груза с судна. В последнем случае получатель, желающий отыскивать вознаграждение, должен был не позднее 48 ч. со времени приема груза сделать соответствующее заявление

фрахтовщику или капитану. Здесь получатель груза обязан доказать, что обнаруженная недостача или повреждение груза произошли в течение времени между приемом груза к перевозке и сдачей его получателю или в таможенные склады (ст. 45).

В случае неявки получателя груза или отказа получателя от принятия груза капитану следовало выгрузить груз и сдать на хранение в склад или иное надежное место. Если сданный на хранение груз не был востребован в течение 2-х месяцев со дня прихода судна в порт выгрузки и если при этом фрахтователь не уплатил фрахтовщику всех причитающихся по данной перевозке сумм, фрахтовщик был вправе продать груз с публичного торга.

Продажа груза могла производиться лишь с разрешения соответствующего народного суда, поскольку иное не было предусмотрено уставом данного мореходного предприятия. Скоропортящийся невостребованный груз мог быть продан без разрешения суда и до истечения указанного во второй части данной статьи срока (ст. 46).

В случае если груз перевозился по договору чартерпартии, правила ст. 46 применяются со следующими изменениями: о неявке или отказе получателя капитан обязан немедленно уведомить фрахтователя. Выгрузка и сдача груза на хранение, предусмотренные в ст. 46, производились лишь по истечении сроков выгрузки и простоя (ст. 37) и при том лишь условии, если в эти сроки не поступило иное распоряжение фрахтователя. Время, потраченное фрахтовщиком на сдачу груза на хранение, вознаграждалось как простой (ст. 47).

Деньги, вырученные от продажи груза (ст. 46), за покрытием причитающихся фрахтовщику платежей по перевозке и расходов по хранению и продаже, вносились фрахтовщиком в депозит суда по месту продажи. В том случае, если вырученных от продажи сумм было мало для покрытия причитающихся фрахтовщику платежей и расходов по хранению и продаже, фрахтовщик имел право взыскать все недополученное с фрахтователя (ст. 48).

Фрахтовщик отвечал с момента приема груза к перевозке до момента выдачи его за утрату и повреждение груза и за задержку в его сдаче, за исключением случаев, указанных в следующей статье, причем применялся особый Закон об ограничении ответственности владельцев морских торговых судов (ст. 49) (Собр. Зак. СССР, 1926, № 39, ст. 285).

Фрахтовщик не отвечал за утрату, повреждение и задержку в сдаче груза, происшедшие вследствие обстоятельств, которые не могли быть устранены заботами добросовестного фрахтовщика, а именно:

- а) вследствие действия непреодолимой силы (стихийных бедствий, пожаров, военных действий, народных волнений и т. д.);
- б) вследствие опасностей и случайностей на море и в других судоходных водах;
- в) вследствие действий и распоряжений власти (задержания, ареста, карантина и т. п.);
- г) вследствие действий или упущений отправителя или получателя;
- д) вследствие свойств груза (внутренней порчи или нормальной убыли), в частности, его скрытых недостатков;
- е) вследствие незаметных по наружному виду недостатков упаковки груза;
- ж) вследствие недостаточности или неясности марок;

з) вследствие падежа или болезни перевозимых животных.

Кроме того, фрахтовщик не отвечал, если утрата, повреждение и задержка были последствием:

а) действий или упущений капитана, прочих лиц судового экипажа и лоцмана в судовождении или управлении судном, т. е. так называемых ошибок мореплавания, причем таковыми не считались ошибки в отношении приема, погрузки, сохранения, выгрузки или сдачи груза;

б) спасания человеческих жизней, судов и грузов на море (ст. 50).

Фрахтовщик, принявший к перевозке груз в поврежденном виде или с заметными по наружному виду недостатками упаковки или же без числа, меры или веса, хотя груз данного рода по своему свойству мог быть при приеме сосчитан, измерен и взвешен, мог оградить себя от ответственности за повреждение и утрату груза только включением в коносамент соответствующей оговорки. Однако включение в коносамент этой оговорки не лишало фрахтователя или получателя груза права доказывать, что повреждение или утрата груза произошли вследствие действий или упущений фрахтовщика или его служащих (п. 51).

Вознаграждение за утраченный груз определялось стоимостью груза в месте назначения судна в то время, когда туда пришло или должно было прийти судно. Вознаграждение за поврежденный груз определялось разницей между стоимостью поврежденного груза по оценке сведущих лиц и стоимостью того же груза в неповрежденном состоянии. При этом стоимость груза определяется его биржевой или рыночной ценой, а при отсутствии таковой – оценкой через сведущих лиц.

Из вознаграждения за утраченный и поврежденный груз вычитались полностью фрахт и те сбережения в расходах по перевозке груза и очистке его пошлинами, какие грузохозяйну оказалось возможным сделать вследствие повреждения груза (ст. 52).

И, наконец, закон устанавливал, что иски, вытекающие из договора морской перевозки, погашались годичной исковой давностью, исчисляемой со дня сдачи груза получателю или с того дня, в который груз должен был быть сдан, если сдача не последовала. Днем, в который груз должен был быть сдан, считался день истечения срока выгрузки без причисления к нему дней простоя.

К требованиям, вытекающим из договора перевозки, применялись правила о перерыве и приостановлении течения давности, установленные законодательством союзных республик. В случае если после приостановления течения давности остающийся срок на предъявление иска составил меньше трех месяцев, то он удлиняется до трех месяцев (ст. 53) [5].

Как видно из представленного материала, в 1925 – начале 1926 гг. были сделаны важнейшие шаги у упорядочению фрахтовой деятельности в СССР. Наиболее важными из них стали, во-первых, создание центрального фрахтового совещания с соответствующими органами на местах, а во-вторых – принятие положения о морской перевозке. Данный документ определил в советском праве основные составляющие договора морской перевозки (фрахта и чертепартии); установил ответственность и ее пределы грузовладельца и фрахтовщика, условия их взаимоотношений и т. д. Безусловно, данный документ базировался как на отечественном, так и на зарубежном правовом опыте и потому стал эссенцией как советского, так и зарубежного права, насколько это оказалось возможным.

Доработка данного документа впоследствии продолжалась с расширением практического опыта в этой сфере.

Список литературы:

- 1.Собр. Зак. СССР, 1925, № 2, ст. 30.
- 2.Собр. Зак. Союза ССР, 1925, № 16, ст. 121
- 3.Государственный Архив Николаевской области, ф. Р-945, оп. 1, д.56. Постановления СНК УССР, циркуляры и распоряжения «Экспортхлеб». 1.11.1924-13.11.1925. 206 л.
- 4.Государственный архив Одесской области, ф. Р-1965, оп. 6, д. 8. Приказ Гос. Черноморскому пароходству, циркуляры главной конторы и переписка с мурманским морagenством о перевозках и других вопросах. 1925.
- 5.Собр. Зак. Союза ССР, 1926, № 39, ст. 284.

Blagodanaya E. Yu. Organization of the chartered activity in the USSR in 1925 – beginning 1926 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 3 –14.

In 1925 – beginning 1926 were done major steps at to organization of the chartered activity in the USSR. Most essential them them became creation of the central chartered conference (on January, 7 1925) with corresponding organs on places, and second is an acceptance of position about marine transportation (on May, 28 1926). This document defined the principal making contracts of marine transportation (freight) in a soviet right; set responsibility and her limits of owner of goods and charterer, condition of their mutual relations etc. Undoubtedly, that this document was based both on home and on foreign legal experience and that is why became essence both soviet and foreign right, as far as it appeared possible. The revision of this document farther more proceeded with expansion of practical experience in this sphere.

Keywords: freight, bill of lading, charterer, position, law, responsibility, load, ship.

Spisok literaturyi:

- 1.Sobr. Zak. SSSR, 1925, № 2, st. 30.
- 2.Sobr. Zak. Soyuza SSR, 1925, № 16, st. 121
- 3.Gosudarstvenniy Arhiv Nikolaevskoy oblasti, f. R-945, op. 1, d.56. Postanovleniya SNK USSR, tsirkulyari i rasporyazheniya «Eksportkhleb». 1.11.1924-13.11.1925. 206 l.
- 4.Gosudarstvenniy Arhiv Odesskoy Oblasti, f. R-1965, op. 6, d. 8. Prikaz Gos. Chernomorskому parohodstvu, tsirkulyari glavnoy kontoryi i perepiska s murmanskim moragenstvom o perevozkah i drugih voprosah. 1925.
- 5.Sobr. Zak. Soyuza SSR, 1926, № 39, st. 284.

УДК 342.951:35.088

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье проведен анализ федерального и республиканского законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Основное внимание уделено правовым основам режима чрезвычайной ситуации, деятельности уполномоченных органов по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, а также терминологии в этой сфере. Охарактеризованы основания и процедуры введения режима чрезвычайной ситуации в Республике Крым и других субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательство, ликвидация, правовой режим, предупреждение, режим чрезвычайной ситуации, угрозы, чрезвычайные ситуации техногенного и природного характера.

Сегодня человечество функционирует в противоречивой реальности: с одной стороны – беспрецедентный рост информационных, технологических и других возможностей, а с другой – усиление негативных факторов, создающих угрозы для безопасности отдельных государств и международного мира. Кроме того, в связи с ухудшением экологической ситуации в большинстве стран значительный ущерб наносят стихийные бедствия, эпидемии, эпизоотии, эпифитотии, иррациональное природопользование и т. д.

Очевидно, что риски возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, появляющиеся в процессе глобального изменения климата, хозяйственной деятельности или в результате крупных техногенных аварий и катастроф (в частности, связанных с экстремистской или террористической деятельностью отдельных граждан и их групп на границе полуострова с Украиной), несут значительную угрозу для населения и объектов экономики Республики Крым. Так, за 2010–2014 гг. в Республике Крым произошло 40 чрезвычайных ситуаций, из них 20 – техногенного и 20 – природного характера; материальный ущерб, нанесенный чрезвычайными ситуациями, составил более 1 млрд. руб. [1]. А в 2015 г. от последствий чрезвычайных происшествий (1965) пострадало – 1072 человека, в том числе погибло – 256. Сегодня негативные факторы техногенного и природного характера также представляют одну из наиболее реальных угроз для устойчивого и безопасного развития Республики Крым, а также повышения качества жизни населения.

Учитывая изложенное, особую значимость приобретает так называемое «чрезвычайное законодательство» как федерального, так и республиканского уровней. Развивая выводы С. А. Кузниченко [2, с. 6] и О. В. Зиборова [3], таким законода-

тельством предлагаем считать систему нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения особого рода, связанные с предупреждением возникновения, локализацией и ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций на определенной территории.

Проблемы становления и развития чрезвычайных правовых режимов рассматривали в своих трудах такие ученые, как О. Г. Александров, И. Н. Иванов, В. Я. Настюк, А. Н. Померлян, С. В. Пчелинцев, О. А. Ралитная, В. Б. Рушайло, А. А. Фомин, Т. Н. Шмидт, А. Х. Юсуфов, Н. Г. Янгол, внесшие весомый вклад в исследование проблем государственного управления, правового обеспечения деятельности органов публичной власти, взаимодействия органов охраны правопорядка при предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В то же время проведение анализа нормативных правовых актов в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций обусловлено необходимостью совершенствования чрезвычайного законодательства Республики Крым, оптимизации деятельности органов управления и сил территориальной подсистемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Одним из первых постановлений Государственного Совета Республики Крым после вхождения полуострова в состав Российской Федерации (далее – РФ) было утверждено Временное положение о Министерстве чрезвычайных ситуаций Республики Крым. Последнее отвечало за координацию деятельности, межотраслевое регулирование, реализацию исполнительных функций и полномочий в сферах гражданской защиты, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и предотвращения их возникновения, ликвидации чрезвычайных ситуаций, спасательного дела, тушения пожаров, пожарной и техногенной безопасности и безопасности людей на водных объектах, деятельности аварийно-спасательных служб, профилактики травматизма производственного характера [4].

Несколько позже было утверждено Положение о Службе по мобилизационной подготовке и гражданской обороне Республики Крым, к основным задачам которой отнесены: участие в реализации единой государственной политики в области мобилизационной подготовки, гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций военного, природного и техногенного характера; заблаговременная подготовка к переводу на работу в условиях военного времени исполнительных органов государственной власти Республики Крым, удовлетворение потребностей Вооруженных Сил и других войск, обеспечение государственных нужд и нужд населения Республики Крым в военное время; организация и совершенствование мобилизационной подготовки, повышение мобилизационной готовности; планирование и участие в проведении мероприятий по подготовке к эвакуации населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы; организация и проведение в пределах своей компетенции мероприятий по гражданской обороне [5]. Указанные выше исполнительные органы государственной власти непосредственно реализуют функции по защите населения и территорий Республики Крым от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Что касается законодательных (представительных) органов, то ранее в составе крымского парламента функционировала постоянная комиссия по правовым вопросам, правопорядку и чрезвычайным ситуациям, но сегодня соответствующие про-

фильные комитеты и комиссии в структуру Государственного Совета Республики Крым не входят.

С целью недопущения злоупотребления дискреционными полномочиями должностными лицами во многих странах предусмотрены не только усложненные процедуры введения и продолжения чрезвычайных правовых режимов [6, с. 92–93], но и закреплена структура и содержание соответствующего нормативного правового акта. Так, конституционными процедурами введения, продолжения и отмены чрезвычайных правовых режимов предусмотрено, что в указе Президента РФ о введении чрезвычайного положения должны быть определены: обстоятельства, послужившие основанием для введения чрезвычайного положения; обоснование необходимости введения последнего; границы территории, на которой вводится чрезвычайное положение; силы и средства, обеспечивающие режим такого положения; перечень чрезвычайных мер и пределы их действия, исчерпывающий перечень временных ограничений прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений; государственные органы (должностные лица), ответственные за осуществление мер, применяемых в условиях чрезвычайного положения; время вступления указа в силу, а также срок действия чрезвычайного положения. Также законодательно определено, что чрезвычайное положение на всей территории РФ или в ее отдельных местностях вводится указом Президента РФ [7].

Однако в Федеральном законе «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и в соответствующих законах субъектов федерации не идет речь о структуре и содержании нормативного правового акта о введении режима чрезвычайной ситуации. Данные обстоятельства приводят к различному толкованию и применению правовых норм. Например, указом губернатора города Севастополя от 22.11.2015 № 113-УГ вводится режим чрезвычайной ситуации исключительно для органов управления и сил Севастопольской городской территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Распоряжение от 22.11.2015 № 226-РГ частично дублирует данный указ, а также устанавливает границы зоны чрезвычайной ситуации, определяет перечень и задачи задействованных сил и средств, механизм их взаимодействия и координации. Несколько позже вводится запрет на проведение строительно-монтажных работ в период действия режима чрезвычайной ситуации (указ от 28.11.2015 № 116-УГ).

В свою очередь, в указе главы Республики Крым от 22.11.2015 № 454-рг отсутствует информация о времени вступления его в законную силу. А в распоряжениях губернатора Ростовской области от 04.06.2014 № 150 и правительства Астраханской области от 27.06.2014 № 244-Пр вообще нет правовых оснований для введения режима чрезвычайной ситуации, поскольку они связаны не с техногенными или природными угрозами, а с ростом потоков мигрантов с юго-востока Украины.

Как положительный пример следует указать, что в постановлении губернатора Ярославской области от 19.08.2010 № 456 «О введении режима функционирования “Чрезвычайная ситуация” для территориальной подсистемы РСЧС Ярославской области» определены: обстоятельства, послужившие основанием для введения режима чрезвычайной ситуации, и обоснование необходимости его введения; границы территории, на которой возникла чрезвычайная ситуация; перечень привлекаемых сил

и средств, а также задействованных должностных лиц (в том числе осуществляющих информирование населения, опубликование постановления и контроль его исполнения); время вступления нормативного правового акта в силу. Кроме того, данным постановлением утвержден план мероприятий по снижению последствий чрезвычайной ситуации.

Как общий недостаток нормативных правовых актов глав субъектов федерации о введении режима чрезвычайной ситуации, отметим разнообразие их видов. Так, режим чрезвычайной ситуации на территории Республики Хакасия вводился *постановлением* главы Республики, председателем правительства от 30.05.2014 № 34-ПП, Астраханской области – *распоряжением* правительства от 27.06.2014 № 244-Пр, Оренбургской области – *указом* губернатора от 20.07.2015 № 571-ук. Сделаем акцент на том, что распоряжения считаются, как правило, актами организационно-оперативного характера, имеющими вспомогательное значение в правовом регулировании деятельности соответствующего субъекта права, которые, как правило, не носят нормативного характера. Именно поэтому такой режим должен вводиться указом главы субъекта федерации – нормативным правовым актом, издаваемым в целях реализации его полномочий и устанавливающим (изменяющим, отменяющим) определенные правовые нормы.

Что касается превентивных мер реагирования на чрезвычайные ситуации, то в законодательстве Республики Крым используются термины:

– *мониторинг опасных природных процессов и явлений* как система регулярных наблюдений и контроля за развитием опасных природных процессов и явлений в окружающей среде, факторами, обуславливающими их формирование и развитие, проводимых по определенной программе. Такой мониторинг должен осуществляться с целью своевременной разработки и проведения мероприятий по предупреждению чрезвычайных ситуаций, связанных с опасными природными процессами и явлениями, и снижению наносимого их воздействием ущерба;

– *прогнозирование чрезвычайных ситуаций*, под которым понимается система мероприятий, направленных на определение вероятности возникновения и развития чрезвычайных ситуаций. Например, прогнозирование техногенных чрезвычайных ситуаций является опережающим отражением вероятности появления и развития техногенных чрезвычайных ситуаций и их последствий на основе риска возникновения пожаров, взрывов, аварий и катастроф [8].

Несмотря на то, что результаты мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций должны быть основанием для принятия решений о проведении мероприятий по предупреждению чрезвычайных ситуаций и планированию действий при их возникновении, республиканская система мониторинга и прогнозирования (даже при наличии реальной угрозы подрыва ЛЭП в Херсонской области) оказалась неэффективной. Как следствие, с 01 ч. 42 мин 22 ноября 2015 г. в Республике Крым был введен режим чрезвычайной ситуации техногенного характера регионального уровня реагирования (см. распоряжение главы Республики Крым от 22.11.2015 № 454-рг).

Следовательно, силы и средства для защиты населения и территорий Республики Крым должны содержаться в готовности к применению, исходя из принципа необходимой достаточности и максимально возможного их использования по обеспечению безопасности жизнедеятельности населения и территорий. Силы и средства

должны предусматривать защиту персонала предприятий, учреждений, организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Республики Крым, и населения от вредных воздействий возможных аварий на потенциально опасных объектах, а также для предупреждения и ликвидации на территории Республики Крым аварий, катастроф, опасных природных явлений или иных бедствий, которые могут повлечь за собой человеческие жертвы, значительные материальные потери с нарушением условий жизнедеятельности людей, нанести ущерб здоровью людей или окружающей природной среде.

В соответствии с республиканским законодательством поддержание общественного порядка при возникновении и ликвидации чрезвычайных ситуаций осуществляется силами и средствами МВД по Республике Крым. Вместе с тем при непосредственной ликвидации чрезвычайных ситуаций указанные силы и средства применяются в соответствии с задачами, возложенными на ОВД нормативными правовыми актами РФ и Республики Крым, во взаимодействии с другими правоохранительными органами, ведомственной охраной, службами безопасности и охраняемыми предприятиями, учреждениями и организациями правоохранительной направленности. Кроме того, в установленном порядке может создаваться и объединенная группировка сил МВД, Министерства обороны и МЧС России.

Организация поддержания общественного порядка при возникновении чрезвычайных ситуаций осуществляется на основании решений Комиссии Совета министров Республики Крым по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности (см. постановление Совета министров Республики Крым от 30.04.2014 № 82). Однако по нашему мнению, использование в законодательстве Республики Крым термина *поддержание общественного порядка* не соответствует положениям федеральных нормативных правовых актов (см., например, Федеральный закон «О полиции», Указ Президента РФ от 01.03.2011 № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» и др.). Поэтому считаем целесообразным использовать общепринятые в законодательстве, науке и практике понятия *охрана общественного порядка* и *обеспечение общественного порядка*.

Вместе с тем декларация применения ОВД для непосредственной ликвидации чрезвычайных ситуаций в соответствии с задачами, возложенными на них нормативными правовыми актами [9], также является достаточно дискуссионной [10, с. 49–50]. Это связано с тем, что правовую основу деятельности полиции составляют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента и Правительства РФ, а также федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Полиция в своей деятельности руководствуется также законами субъектов РФ по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, изданными в пределах их компетенции (части 1 и 2 ст. 1 Федерального закона «О полиции» [11]).

То есть соответствующие задачи на структурные подразделения МВД по Республике Крым могут возлагаться исключительно республиканскими законами. Именно поэтому главы других субъектов федерации в аналогичных нормативных правовых актах ограничиваются *рекомендациями* руководителям МВД, ГУМВД,

УМВД относительно задач по ликвидации чрезвычайных ситуаций, в частности по: охране общественного порядка и имущества граждан в подтопленных населенных пунктах (см. п. 6 постановления главы Республики Хакасия от 30.05.2014 № 334-ПП); обеспечению соблюдения общественного порядка в пунктах временного размещения граждан Украины, правил реализации алкогольной продукции на прилегающей территории (см. подпункт 1 п. 9 постановления губернатора Волгоградской области от 01.07.2014 № 556); проведению ограничительных мероприятий, предоставлению информации о проводимой работе по выявлению лиц, виновных в возникновении лесных и других ландшафтных пожаров, а также проведению расследований по фактам возгораний (см. п. 7 постановления губернатора Забайкальского края от 13.04.2015 № 34); ограничению пребывания населения в лесах, установлению личностей нарушителей таких ограничений и привлечению их к ответственности и др. (см. п. 9 указа главы Республики Бурятия от 19.06.2015 № 98). Процедуры введения и отмены режимов чрезвычайных ситуаций, механизмы обеспечения таких режимов также должны быть урегулированы законами субъектов РФ, поскольку исследуемые режимы носят не только административно-правовую окраску, но и имеют выраженный конституционно-правовой характер, поскольку ограничивают конституционно-правовой статус человека и гражданина.

Таким образом, законодательство Республики Крым в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в целом корреспондирует с нормами федерального законодательства и отвечает имеющимся и потенциально возможным угрозам возникновения чрезвычайных ситуаций на Крымском полуострове. Однако при дальнейшем совершенствовании чрезвычайного законодательства крымским парламентариям предлагается обратить внимание на следующие нормы Закона Республики Крым «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» [8]:

1) использование в ст. 1 понятий *природная чрезвычайная ситуация* и *техногенная чрезвычайная ситуация* не совсем корректно, поскольку в федеральном законодательстве, отечественной науке и практике уже сложилось использование терминов *чрезвычайная ситуация техногенного характера* и *чрезвычайная ситуация природного характера*.

Кроме того, видится нецелесообразным введение в оборот понятия *биолого-социальная чрезвычайная ситуация*, так как большинство из ее составляющих входят в термин *чрезвычайная ситуация природного характера*. В подтверждение наших выводов можно привести и распоряжение главы Республики Крым от 08.02.2016 № 52-рг, которым вводится режим чрезвычайной ситуации природного характера, связанный с выявлением на территории Белогорского и Раздольненского районов африканской чумы свиней, а также с целью предотвращения ее дальнейшего предотвращения;

2) понятия *зона чрезвычайной ситуации*, *ликвидация чрезвычайных ситуаций*, *специализированные технические средства оповещения и информирования населения в местах массового пребывания людей*, *оповещение населения о чрезвычайных ситуациях*, *информирование населения о чрезвычайных ситуациях*, *зона экстренного оповещения населения* и некоторые другие полностью заимствованы из ст. 1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [12];

3) пункт 1 ч. 1 ст. 4 изложить в такой редакции:

«1) законности и гласности»;

4) статью 9 изложить в такой редакции:

«Статья 9. Компетенция Главы Республики Крым в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций

К компетенции Главы Республики Крым относятся:

1) внесение на рассмотрение Государственного Совета Республики Крым проектов законов Республики Крым в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций регионального (межмуниципального) характера, создания и деятельности аварийно-спасательной службы, аварийно-спасательных формирований Республики Крым;

2) контроль в пределах своих полномочий деятельности Совета министров Республики Крым и исполнительных органов государственной власти Республики Крым в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;

3) установление регионального (межмуниципального) уровня реагирования в порядке, установленном Федеральным законом от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»;

4) определение руководителя работ по ликвидации чрезвычайной ситуации, который несет ответственность за проведение этих работ в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Республики Крым;

5) принятие решения о персональном руководстве по организации и проведению аварийно-спасательных работ и об оказании помощи в случае возникновения чрезвычайных ситуаций;

6) принятие решения о проведении эвакуационных мероприятий в чрезвычайных ситуациях регионального (межмуниципального) характера и их обеспечении».

Проблемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера носят межведомственный и межрегиональный характер, требуют комплексного подхода к их решению на федеральном уровне, повышения ответственности органов публичной власти и их должностных лиц за своевременное и надлежащее проведение превентивных мер, а в случае их возникновения – за организованную, оперативную ликвидацию их последствий. Основной причиной возникновения таких чрезвычайных ситуаций является отношение к данной проблеме как к второстепенной, о чем свидетельствуют: систематические сокращения численности аварийно-спасательных служб; значительные объемы отходов опасных (вредных) веществ; прогрессирующий износ основных фондов; получение максимальной прибыли с одновременным снижением уровня техники безопасности и причинением вреда природной и техногенной безопасности; упущения и ошибки при проектировании, строительстве и реконструкции производственных объектов.

Список литературы

1. Об утверждении Государственной программы Республики Крым «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, развитие пожарной охраны и обеспечение безопасности людей на водных объектах в Республике Крым» на 2016–2018 годы: Постановление Совета министров Республики Крым от 10 ноября 2015 г. № 705. – Симферополь, 2015. – 80 с.

2. Кузниченко С. А. Становление и развитие института чрезвычайных административно-правовых режимов в Украине: автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.07. – Харьков, 2010. – 32 с.
3. Зиборов О. В. Современное чрезвычайное законодательство: чрезмерная жестокость или единственный способ навести порядок? // Общество и право. – 2014. – № 2 (48). – С. 272–275.
4. Временное положение о Министерстве чрезвычайных ситуаций Республики Крым: Утверждено постановлением Государственного Совета Республики Крым от 4 апреля 2014 г. № 1945-6/14. – Симферополь, 2014. – 16 с.
5. Положение о Службе по мобилизационной подготовке и гражданской обороне Республики Крым: Приложение к постановлению Совета министров Республики Крым от 27 июня 2014 г. № 168. – Симферополь, 2014. – 10 с.
6. Бокий А. Н., Микитенко В. В. Контроль и надзор за служебно-боевой деятельностью сил охраны правопорядка в Украине // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 14 (4). – С. 92–99.
7. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 12.03.2014) // Парламентская газета. – 2001. – № 99.
8. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций: Закон Республики Крым от 9 декабря 2014 г. № 25-ЗРК/2014. – Симферополь, 2014. – 13 с.
9. О поддержании общественного порядка при возникновении чрезвычайных ситуаций на территории Республики Крым: Постановление Совета министров Республики Крым от 10 февраля 2015 г. № 37. – Симферополь, 2015. – 4 с.
10. Лазицкий С. Л. Тактико-специальные учения как форма подготовки сотрудников органов внутренних дел к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2011. – № 4. – С. 49–52.
11. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
12. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 35. – Ст. 3648.

Butkevich S. The emergency legislation of the Republic of Crimea: state and ways of improvement

// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 15 – 23.

The article analyzes the federal and republican legislation in field of protection of population and territories from emergency situations. Major attention is paid to the legal basis of regime of emergency situation, activity of competent authorities for prevention and liquidation of emergency situations of technogenic and natural character, as well as terminology in this area. The grounds and procedures for introduction of regime of emergency situation in the Republic of Crimea and other subjects of the Russian Federation are characterized.

Justified that prevention and liquidation of emergency situations of technogenic and natural character have interdepartmental and interregional nature, require an integrated approach to its solution at the federal level, to increase the responsibility of public authorities and its officials for timely and proper prevention, and in case of its occurrence – for organized, rapid liquidation of its consequences.

The basic types of emergencies that could be a reason for imposing of the state regime of emergency situation are described. Analyzed acts of introducing of regime of emergency situation, with all the properties of public administration acts by its nature having both administrative nature and constitutional characteristics. Basing on the positive experience and legislation of the Russian Federation and its subjects, proposals to improvement of certain provisions of normative legal acts of the Republic of Crimea are developed.

Keywords: legislation, liquidation, legal regime, prevention, regime of emergency situation, threats, emergency situations of technogenic and natural character.

Spisok literatury

1. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy Respubliki Krym «Zashchita naseleniya i territoriy ot chrezvychaynykh situatsiy, razvitiye pozharnoy okhrany i obespecheniye bezopasnosti lyudey na vodnykh

obyektakh v Respublike Krym» na 2016-2018 gody: Postanovleniye Soveta ministrov Respubliki Krym ot 10 noyabrya 2015 g. № 705. – Simferopol, 2015. – 80 s.

2. Kuznichenko S.A. Stanovleniye i razvitiye instituta chrezvychaynykh administrativno-pravovykh rezhimov v Ukraine: avtoref. dis. ... doktora yurid. nauk: 12.00.07. – Kharkov, 2010. – 32 s.

3. Ziborov O.V. Sovremennoye chrezvychaynoye zakonodatelstvo: chrezmernaya zhestokost ili edinstvennyy sposob navesti poryadok? // Obshchestvo i pravo. – 2014. – № 2 (48). – S. 272–275.

4. Vremennoye polozheniye o Ministerstve chrezvychaynykh situatsiy Respubliki Krym: Utverzhdeno postanovleniyem Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 4 aprelya 2014 g. № 1945-6/14. – Simferopol, 2014. – 16 s.

5. Polozheniye o Sluzhbe po mobilizatsionnoy podgotovke i grazhdanskoy oborone Respubliki Krym: Prilozheniye k postanovleniyu Soveta ministrov Respubliki Krym ot 27 iyunya 2014 g. № 168. – Simferopol, 2014. – 10 s.

6. Bokiyy A.N., Mikitenko V.V. Kontrol i nadzor za sluzhebno-boevoy deyatelnostyu sil okhrany pravoporyadka v Ukraine // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2013. – № 14 (4). – S. 92–99.

7. O chrezvychaynom polozhenii: Federalnyy konstitutsionnyy zakon ot 30 maya 2001 g. № 3-FKZ (v red. ot 12.03.2014) // Parlamentskaya gazeta. – 2001. – № 99.

8. O zashchite naseleniya i territoriy ot chrezvychaynykh situatsiy: Zakon Respubliki Krym ot 9 dekabrya 2014 g. № 25-ZRK/2014. – Simferopol, 2014. – 13 s.

9. O podderzhanii obshchestvennogo poryadka pri vozniknovenii chrezvychaynykh situatsiy na territorii Respubliki Krym: Postanovleniye Soveta ministrov Respubliki Krym ot 10 fevralya 2015 g. № 37. – Simferopol, 2015. – 4 s.

10. Lazitskiy S.L. Taktiko-spetsialnyye ucheniya kak forma podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del k deystviyam pri vozniknovenii chrezvychaynykh obstoyatelstv // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – № 4. – S. 49–52.

11. O politsii: Federalnyy zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ (v red. ot 13.07.2015) // Sobraniye zakonodatelstva RF. – 2011. – № 7. – St. 900.

12. O zashchite naseleniya i territoriy ot chrezvychaynykh situatsiy prirodnogo i tekhnogennogo kharaktera: Federalnyy zakon ot 21 dekabrya 1994 g. № 68-FZ (v red. ot 30.12.2015) // Sobraniye zakonodatelstva RF. – 1994. – № 35. – St. 3648.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 24–32.

УДК 341.225.3 «1920/29»

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ТОРГОВЫЕ СУДА В 1917–1930 Г.

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Советская власть изначально и достаточно категорично отвергла право частной собственности на суда в своих первых же декретах («О воспрещении продажи, залога и отдачи по чартер-партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений»; «О национализации торгового флота»). Безусловно, в руках частника остались лишь относительно небольшие суда, чаще всего служащие единственным средством существования или передвижения, специальные суда. Однако инструкцией Высшего совета народного хозяйства от 18 мая 1918 г. начался возврат части судов их собственникам, продолжавшийся до принятия декрета «О прекращении возврата неправильно национализированных судов» от 26 июня 1923 г. Кодекс Торгового Мореплавания 1929 г. закрепил существовавшие формы собственности на торговые суда (государственную, кооперативную, частную), вместе с этим закрепив и существовавшие ограничения для частной формы собственности. Ликвидация же частной собственности на торговые суда была положена постановлением от 13 апреля 1930 г. «О национализации некоторых категорий частновладельческих судов» и принятыми в его развитие нормативными актами.

Ключевые слова: право собственности, формы собственности, частная собственность, торговые суда.

Одним из первых декретов советской власти относительно торговых мореходных судов стал декрет, изданный еще в ноябре 1917 г. «О воспрещении продажи, залога и отдачи по чартер-партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений». Им действие соответствующих ст. тома 11 ч. 2-й кн. 2-й Свода законов о праве продажи, залога и отдачи по чартер-партии русских торговых судов в руки иностранцев в связи с революционными обстоятельствами приостанавливалось [1].

Кроме того, все сделки по передаче русских судов за границу, заключенные после 19 июля 1914 г., признавались недействительными, а на будущее такие сделки также воспрещались. Также все проданные, заложенные и застрахованные по таким сделкам суда выводились из России воспрещалось [2, с. 47]. Следует, очевидно, указать, что, заботясь о послевоенном развитии торгового судоходства, еще правительство Российской империи и его министерство промышленности издало серию нормативно-правовых актов (2 ноября 1915 г., 16 января, 7 и 17 мая, 8 июля 1916 г.), которыми ограничило продажу российских судов иностранцам [2, с. 470].

Не вдаваясь в цели этой акции, укажем, что уже 26 января 1918 г. был опубликован декрет СНК «О национализации торгового флота». Им объявлялись «общенациональной неделимой собственностью Советской Республики» судоходные предприятия, принадлежащие акционерным обществам, паевым товариществам, торговым домам и единоличным крупным предпринимателям и владеющие морскими и речными судами всех типов, служащими для перевозки грузов и пассажи-

ров, со всем движимым и недвижимым имуществом, пассивом и активом этих предприятий (п. 1).

В собственность государства не переходили: а) суда, служащие для мелкого промысла, дающие владельцам необходимые для существования средства (прожиточный минимум) и принадлежащие мелким предприятиям, основанным на трудовых артельных началах; б) суда китобойные, рыболовные, лоцманских обществ и товариществ, городских и сельских самоуправлений, а также все суда, непригодные для перевозки грузов и пассажиров, за исключением судов, принадлежащих акционерным предприятиям (п. 2).

Советской власти на местах совместно с профессиональными рабочими и судоходными организациями, отделами всероссийского совета моряков и речного торгового флота и в согласии с экономическими советскими организациями (районными СНХ, экономическим комитетами и т. п.) следовало немедленно принять меры к охране судов и всего имущества, переходящего в собственность советской республики. В приморских портах принятие этих мер возлагалось на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и отделы всероссийского союза моряков и речников торгового флота, а где таких не было – на портовые комитеты (п. 3).

Этим учреждениям и организациям поручалось назначить временно комиссаров в крупные и мелкие конторы и агентства судоходных предприятий, не приостанавливать работ в конторах и агентствах и в особенности работ по ремонту судов; требовать продолжения таковых от служащих под угрозой предания революционному суду. Комиссары, назначаемые в конторы, получили право распоряжения всеми денежными средствами судоходных предприятий и обязаны были заботиться о своевременной выплате рабочим этих предприятий заработной платы в прежнем размере, об ассигновании средств на ремонты и т. п. (п. 4). Предполагалось, что подробные условия и порядок национализации судоходных предприятий будут изданы особым декретом (п. 5) [1, с. 302].

В развитие данного документа 4 марта (19 февраля) 1918 г. было издано решение «О дополнении декрета о национализации торгового флота». Им предписывалось к перечисленным в п. 2 декрета о национализации торгового флота судам причислить все суда, составляющие собственность какого-либо завода или фабрики и служащие для перевозки перерабатываемых этими предприятиями материалов. К указанным судам были отнесены также и те, продажа которых заводам или фабрикам состоялась до опубликования декрета о национализации торгового флота, с уплатой более 50% общей стоимости [1, с. 400].

На местах представители новой власти, конечно же, попытались внедрить это проставление в жизнь. К примеру, в постановлении исполнительного комитета союза моряков Херсона и Николаева 25 января 1918 г. находим: «...весь водный транспорт взять в свои руки, для чего немедленно конфисковать весь имеющийся на Днепре и Южном Буге флот, а также все плавучие средства, доки как пароводных кампаний так и частных лиц, с материалами, капиталами и прочим инвентарем» [3, с. 174]. Тем не менее развертывание гражданской войны воспрепятствовало данному процессу. Так, лишь 7 июля 1922 г. в УССР вышло постановление 30-463 Украинского Экономического Совета «Про націоналізацію річної фльоти на Україні» [4, с. 490].

С окончанием основных событий гражданской войны и интервенции советская власть, как известно, в 1921 г. объявила новую экономическую политику. Одним из направлений этой политики стал возврат части судов их прежним владельцам. Относилось эта мера в первую очередь к небольшим и средним судам и была направлена на возрождение экономики вообще и деятельности транспортной инфраструктуры как ее составляющей в частности. К тому же следует указать и на то, что значительная часть таких судов не была национализирована, находясь в руках мелких собственников.

Так, к примеру, 9 декабря 1922 г. начальнику Керченского Торгового порта поступило заявление от Доры Александровны Шелковниковой, в котором она просила его ходатайствовать перед ЦУМОРОМ в Москве о возвращении принадлежащего ей баркаса «Дельфин» грузоподъемностью от 300 до 500 пуд. В своем заявлении гражданка указывала, что данное судно, «Согласно декрета народных комиссаров национализации не подлежит» [5, л. 91]. По подобной схеме многие суда возвращались в руки своих бывших владельцев.

Одновременно с этим процессом шло активное создание государственного торгового флота. Именно отстаивая его интересы 26 июня 1923 г. СНК РСФСР принял декрет «О прекращении возврата неправильно национализированных судов», ссылаясь на постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 27 октября 1921 г. Напомним, что в нем, в частности, указывалось: «Все предприятия, фактически до 17-го мая с. г. поступившие во владение органов государственной (центральной и местной) власти, являются предприятиями национализированными» [6].

Исходя из этого, предписывалось «возврат неправильно национализированных морских, речных и озерных судов, предусмотренных инструкцией Высшего Совета Народного Хозяйства от 18 мая 1918 года, – прекратить. Новых заявлений о возврате судов не принимать; заявления, поступившие после 17-го мая 1921 года, как рассмотренные, так и еще не законченные рассмотрением, оставить без последствий.

24 сентября 1926 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О праве собственности на торговые суда, плавающие на внутренних водных путях Союза ССР, о праве постройки и эксплуатации указанных судов и о приписке их к управлениям внутренних водных путей». В нем, в частности, указывалось, что торговые суда, плавающие на внутренних водных путях СССР, могут принадлежать на праве собственности как государству в лице соответствующих учреждений и предприятий, так и кооперативным организациям и частным лицам (ст. 1).

Другие статьи данного документа установили ограничения в отношении постройки, владения и эксплуатации судов частными лицами. Так, в ст. 2 указывалось, что лишь состоящим в ведении НКПС «государственным речным пароходствам принадлежит право постройки и эксплуатации плавающих на внутренних водных путях торговых судов всякого рода без ограничений в порядке, предусмотренном уставами указанных пароходств».

В ст. 4 указывалось, что «Частным лицам принадлежит право постройки и эксплуатации без особых разрешений торговых судов с тем, чтобы число рабочих и служащих, обслуживающих в совокупности все суда данного частного лица, не превышало 12 человек, а для Волжского бассейна – 16 человек».

Статьей 5 устанавливалось, что постройка и эксплуатация судов государственными органами, кооперативными организациями и частными лицами сверх указанных в ст. 3 и 4 норм допускалась лишь с разрешения НКПС в каждом отдельном случае, причем частным лицам могла быть разрешена эксплуатация лишь 1 судноходного предприятия с тем, чтобы общее число рабочих и служащих этого предприятия не превышало 50 человек, а для Волжского бассейна – 75 человек.

Важнейшим документом, установившим четкие нормы в отношении прав владения судами в рассматриваемый период, безусловно, был Кодекс торгового мореплавания (КТМ), утвержденный 14 июня 1929 г. В нем вопросы собственности на торговые суда излагались в главе II «О Судне», в разделе «А. О праве плавания под флагом СССР и о праве собственности на суда».

В КТМ устанавливалось, что право плавания под флагом СССР предоставлялось судну, если оно принадлежало на праве собственности:

а) СССР, союзным республикам и республикам, входящим в их состав, местным советам, а также обладающим самостоятельной правоспособностью государственными учреждениям и предприятиям;

б) кооперативным организациям, входящим в соответствующую кооперативную систему, а также иным кооперативным организациям, все члены которых состоят гражданами СССР, при условии в том и другом случае, что правление их находится на территории СССР;

в) смешанным предприятиям (акционерным обществам и товариществам с ограниченной ответственностью) при условии, что в них не участвует иностранный капитал и все члены правления и иных руководящих органов и директоры-распорядители являются гражданами СССР;

г) акционерным обществам и товариществам, имеющим целью занятие торговлей или иным промыслом, при условии, что в них не участвует иностранный капитал и все члены правления и иных руководящих органов, а также директоры-распорядители являются гражданами СССР;

д) советским общественным организациям, выполняющим определенные задачи государственного и общественного значения, возложенные на них законом;

е) организациям профессиональных союзов СССР;

ж) обществам, не преследующим цели извлечения прибыли, действующим на основании соответствующих законов СССР и союзных республик, при условии, что все их члены являются гражданами СССР или советскими юридическими лицами и что все члены их руководящих органов являются гражданами СССР и правления их находятся на территории СССР;

з) гражданам СССР. Изъятия из правил настоящей статьи могут устанавливаться СНК СССР (ст. 6).

При это ст. 7 гласила, что граждане СССР, юридические лица, указанные в подп. «г», «е» и «ж» ст. 6, а также кооперативные организации ниже окружного значения могли владеть на праве собственности лишь парусными судами, имеющими или не имеющими вспомогательного двигателя, а также судами, указанными в п. «г» ст. 1, или судами валовой вместимостью не свыше 20 рег. тонн с механическими двигателями. Подчеркивалось, что парусным судном со вспомогательным двигателем считается судно с механическим двигателем, сообщающим судну без помощи парусов на тихой воде скорость хода не более 6 миль в час.

Гражданам СССР и кооперативным организациям ниже окружного значения позволялось иметь на праве собственности, кроме судов, указанных в ст. 7, также и суда валовой вместимостью более 20 рег. тонн с механическими двигателями при условии, что эти суда имеют в длину не свыше 150 футов по мерительному свидетельству, а также что эти граждане или члены кооперативной организации участвовали в эксплуатации указанных судов личным трудом и не имеют других судов (ст. 8)

При этом указывалось, что юридические лица, указанные в подп. «а», «в» и «д» ст. 6, а также кооперативные организации не ниже окружного значения могли иметь на праве собственности всякого рода суда без ограничения тоннажа.

Ст. 10 КТМ подчеркивала, что все частновладельческие суда, подлежащие национализации на основании декрета СНК РСФСР от 26 января 1918 г. и изданной в развитие его инструкции ВСНХ ГУ водного транспорта от 18 мая 1918 г., а также соответствующих узаконений других союзных республик, считаются национализированными независимо от того, состоялось или не состоялось о том постановление органов власти, и безотносительно к тому, в чьем фактическом владении эти суда находятся.

Статьи 11–15 КТМ содержат нормы, регулирующие изменение права собственности на суда со стороны их владельцев [7].

Признание различных форм собственности на суда в КТМ 1929 г., в том числе и частной, еще совсем не означало, что государство не собирается в этом вопросе более ничего менять в ближайшее время.

В начале 1930 г. вышло постановление СТО «Об основных моментах реконструкции и улучшения водного транспорта и о работе Волжского Госпароходства». Кроме указанной в названии проблемы, оно имело секретный пункт под номером 7. В нем, в частности, указывалось: «... отмечая значительный рост за предшествующие годы частновладельческого флота и усиление его роли в перевозках водного транспорта, в целях вытеснения его из этой области в кратчайший срок, считать необходимым: 1) Войти с представлением ЦИК СССР об отмене постановления ЦИК и СНК СССР от 24.09.1926 г. «о праве собственности на торговые суда, плавающие на внутренних водных путях Союза ССР, о праве постройки и эксплуатации указанных судов и о приписке их к Управлению внутренних водных путей» и просить ЦИК издать новый закон, предусматривающий максимальное ограничение тоннажа по количеству, тяговой мощности, грузоподъемности, а также наемной рабочей силы с тем, чтобы суда средней емкости были изъяты у частного и переданы соответствующим государственным органам» [8, л. 62–64].

Кроме того, известно, что 30, 31 января 1930 г. состоялось расширенное совещание под председательством В. И. Зоф по вопросу о реорганизации управления морским и речным транспортом. На нем присутствовали представители от ЦКВод, Цумор, СТФ Центрорека, ЦПУ, Севрайкомвода, представители различных профильных организаций с мест. На этом совещании также был поднят вопрос о вытеснении частновладельческого флота с 1930 г. Эту задачу ставили ЦК партии и правительство, хотя не везде пароходства с этим соглашались [8, л. 83].

Общая линия государства в данном вопросе, как видим, к началу 1930 г. прояснилась. 13 апреля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О национализации некоторых категорий частновладельческих судов». Во изменение ранее при-

нятых законоположений подлежали национализации следующие категории частновладельческих судов, плавающих под флагом СССР:

- а) морские суда грузоподъемностью свыше 50 тонн;
- б) речные и озерные суда грузоподъемностью свыше 25 тонн;
- в) морские, речные и озерные суда, снабженные двигателями мощностью свыше 15, а в отдельных районах, список которых утверждался НКПС, – свыше 20 индикаторных сил (ст. 1).

Подлежали национализации плавающие под флагом СССР частновладельческие суда, составляющие во владении 1 лица излишек сверх: а) одного морского судна; б) двух речных или озерных судов и в) одного самоходного речного или озерного судна (ст. 2). Что правда, СНК СССР предоставлялось устанавливать изъятия из правил, изложенных в ст. 1 и 2.

Национализации не подлежат спортивные суда, лодки и ялики, в том числе моторные, если мощность их двигателей не превышала 10 индикаторных сил (ст. 3). При этом подлежащие национализации суда безвозмездно передавались НКПС (ст. 4).

Единственным утешением бывшим владельцам могло послужить лишь то, что государственные учреждения и предприятия, в ведение которых переходили национализированные суда, обязывались в пределах стоимости передаваемого им имущества покрывать задолженность бывших его собственников по социальному страхованию и заработной плате рабочим и служащим, а также недоимки по государственным и местным налогам и сборам, за исключением пени, если для покрытия этой задолженности и недоимок не хватало остальной части имущества недоимщика (ст. 6).

Несколько спохватившись, постановлением СНК СССР от 9 мая были избавлены от национализации спортивные моторные суда членов о-ва «Автодор» независимо от мощности. Эти изъятые суда следовало возвратить владельцам для использования по назначению без права совершения коммерческих перевозок. Выполнение постановления возложили на суднадзор и начальников портов [10, л. 11].

Окончательно «добывая» частный флот, вышло постановление ЦИК и СНК от 23 ноября 1930 г. «Об изменении Кодекса торгового мореплавания Союза ССР». В нем предписывалось, во-первых, ст. 7, 8 и 10 изложить в следующей редакции:

- «6. Плавать под флагом Союза ССР могут только суда, принадлежащие:
 - а) советским государственным учреждениям и предприятиям;
 - б) кооперативным организациям, входящим в соответствующую советскую кооперативную систему;
 - в) другим юридическим лицам, за исключением организаций с участием иностранного капитала;
 - г) гражданам Союза ССР.

7. Основным органом, в ведении которого сосредоточивается государственный морской транспортный флот, является подведомственное Народному комиссариату путей сообщения Всесоюзное объединение морского транспорта – «Совторгфлот».

Прочие государственные органы и кооперативные организации могут владеть судами лишь в пределах, необходимых для обслуживания их внутрипроизводственных нужд.

Изъятия из этого правила устанавливаются Советом труда и обороны.

Советские общественные организации, на которые законом возложено выполнение функций государственного или общественного значения, могут владеть всякого рода судами, согласно положениям об этих организациях и их уставам.

8. Граждане Союза ССР и юридические лица, не указанные в ст. 7, могут владеть на правах собственности лишь:

а) судами грузоподъемностью не свыше 50 тонн;

б) судами с механическими двигателями мощностью не свыше 15, а в отдельных районах, перечень которых устанавливается Народным комиссариатом путей сообщения, 20 индикаторных сил;

в) судами, используемыми для спорта, за исключением судов и лодок с моторами мощностью свыше 10 индикаторных сил;

г) всякого рода судами, используемыми для рыболовных и зверобойных промыслов, за исключением судов с механическими двигателями, если валовая вместимость судна превышает 20 регистровых тонн.

Одному лицу может принадлежать не более одного судна из числа предусмотренных подп. «а» и «б» настоящей статьи.

Примечание 1. Судами с механическими двигателями в смысле настоящей статьи не считаются парусные суда с вспомогательными механическими двигателями, сообщающими судну на тихой воде, без помощи парусов, скорость менее 6 миль в час.

Примечание 2. Совету народных комиссаров Союза ССР предоставляется право устанавливать изъятия из правил настоящей статьи».

«10. Все частновладельческие суда, подлежащие национализации на основании декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 26 января 1918 г. и изданной в развитие его инструкции Высшего совета народного хозяйства Главному управлению водного транспорта от 18 мая 1918 г., а равно соответствующих узаконений других советских республик, а также постановления Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР от 13 апреля 1930 г., считаются национализированными, независимо от того, состоялось или не состоялось о том постановление органов власти и безотносительно к тому, в чьем фактическом владении эти суда находятся».

Во-вторых, ст. 9 кодекса исключили. В-третьих, в связи с изменением редакции ст. 6 кодекса: а) в ст. 11 кодекса ссылку на подп. «б» — «ж» ст. 6 заменили ссылкой на подп. «б» и «в» ст. 6.; б) ст. 37 кодекса изложили в следующей редакции:

«37. Отчуждение и залог судов, принадлежащих советским государственным учреждениям и предприятиям, производится с соблюдением законов об отчуждении государственного имущества».

в) Во вводной части ст. 38 КТМ ссылку на подп. «б» — «з» ст. 6 заменили ссылкой на подп. «б» — «г» ст. 6.

г) В п. «а» ст. 38 кодекса ссылку на подп. «а» — «з» ст. 6 заменили ссылкой на ст. 6.

д) В ст. 39 и 40 кодекса ссылку на подп. «б» — «з» ст. 6 заменили ссылкой на подп. «б» — «г» ст. 6.

Наконец, последний абзац ст. 239 КТМ изложили в такой редакции:

«Правила настоящей статьи не распространяются на суда, принадлежащие советским государственным учреждениям и предприятиям, а также на иностранные государственные суда, при условии взаимности».

Как видно из представленного материала, советская власть изначально и достаточно категорично отвергла право частной собственности на суда в своих первых же декретах («О воспрещении продажи, заклада и отдачи по чартер-партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений»; «О национализации торгового флота»). Безусловно, в руках частника остались лишь относительно небольшие суда, чаще всего служащие единственным средством существования или передвижения, специальные суда. Однако инструкцией Высшего совета народного хозяйства от 18 мая 1918 г. начался возврат части судов их собственникам, продолжавшийся до принятия декрета «О прекращении возврата неправильно национализированных судов» от 26 июня 1923 г. Кодекс торгового мореплавания 1929 г. закрепил существовавшие формы собственности на торговые суда (государственную, кооперативную, частную), вместе с этим закрепив и существовавшие ограничения для частной формы собственности. Ликвидация же частной собственности на торговые суда была положена постановлением от 13 апреля 1930 г. «О национализации некоторых категорий частновладельческих судов» и принятым в его развитии нормативными актами.

Список литературы:

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – М., 1942. – 1483 с.
2. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
3. Егоров А. Ю., Смоленцев В. Д. Херсон – первый порт на Черном море: Исторические хроники 1778–2008 годов. – Херсон: Наддніпряночка, 2008. – 230 с.
4. Збірник постанов і розпоряджень Робітничо-Селянського Уряду України. Ч. 2. вересень 1922 року.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. р-1584, оп. 2, д. 13. Сведения и доклады капитану и нач. порта. Списки команды судов. Апрель 1921 г. 16 л.
6. Собр. Узак., 1921, № 72, ст. 583.
7. СЗ СССР, 1929, № 41, ст. 366.
8. ГАРК, Р-1599, оп. 1, д. 120. Материалы по реорганизации морского транспорта и объединению управления Ялтинского торгового порта с Ялтинским морским агентством Совторгфлота (приказы, циркуляры, протоколы, штаты, функции по отделам и должностям служащих и рабочих Ялтинского торгового моагенства). 27.02.1930-25.04.1930. 97 л.
9. СЗ СССР, 1930 г., № 25, ст. 271.
10. ГАРК, Р-1599, оп. 1, д. 110. Протоколы совещаний работников управления Крымским районом Совторгфлота Черного моря, Феодосийского, Севастопольского, Евпаторийского, Сочинского торговых портов и переписка с управлением Крымским районом Совторгфлота Черного Моря, Управлением советским торговым флотом Черноморского бассейна по хозяйству порта. Ведомости на плавсредства порта. 8.05.1930-27.12.1930 г. 499 л.

Zmerzly B. Adjusting of right of ownership on merchantmen in 1917–1930 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – Р. 24 – 32.

Soviet power initially and emphatically enough rejected the right of private ownership on ships in the first decrees ("About prohibition of sale, заклада and return on чартер-партии of the Russian trade courts in the hands of foreign subjects or establishments"; "About nationalization of mercantile fleet"). Undoubtedly, there are only relatively small ships in the hands of private trader, mostly office workers by the only means of existence or movement, special ships. However from May, 18 1918 the return of part of courts began instruc-

tion of Higher Advice of National Economy to their owners, proceeding to the acceptance of decree "About stopping of return of the wrong nationalized courts" from June, 26 1923 Code of Trade Seagoing 1929 fastened the existing patterns of ownership on merchantmen (state, co-operative, private) together with it fastening existing limitations for the private pattern of ownership. Liquidation of peculiar on merchantmen was fixed by a decision from April, 13 1930 "About nationalization of some categories of частновладельческих courts" and accepted in by his development by normative acts.

Keywords: right of ownership, pattern of ownership, peculiar, merchantmen.

Spisok literatury:

1. Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitelstva za 1917-1918 gg. – m., 1942. – 1483 s.
2. Zmerzlyj B.V. pravovoe regulirovanie tovgovogo sudoxodstva v chernomorsko-azovskom regione v konce xviii – nachale xx v. / b.v. zmerzlyj. – simferopol: chp «predpriyatie feniks», 2014. – 512 s.
3. Egorov a.yu., smolencev v.d. xerson – pervyj port na chernom more: istoricheskie xroniki 1778-2008 godov. – xerson: naddnipryanochka, 2008. – 230 s.
4. Zbirnik postanov i rozporyadzen robitnicho-selyanskogo uryadu ukraїni. ch. 2. veresen 1922 roku.
5. Gosudarstvennyj arxiv respubliki krym (gark), f. r-1584, op. 2, d. 13. svedeniya i doklady kapitanu i nach. porta. spiski komandy sudov. aprel 1921 g. 16 l.
6. Sobr. uzak., 1921, № 72, st. 583.
7. S.Z. SSSR, 1929, № 41, st. 366.
8. GARK, r-1599, op. 1, d. 120. materialy po reorganizacii morskogo trasporta i obyadineniyu upravleniya yaltinskogo tovgovogo porta s yaltinskim morskim agenstvom sovtorgflota (prikazy, cirkulyary, protokoly, shtaty, funkciy po otdelam i dolzhnostyam sluzhashhix i rabochix yaltinskogo tovgovogo moagenstva). 27.02.1930-25.04.1930. 97 l.
9. SZ SSSR, 1930 g., № 25, st. 271.
10. GARK, r-1599, op. 1, d. 110. protokoly soveshhanij rabotnikov upravleniya krymskim rajonom sovtorgflota chernogo morya, feodosijskogo, sevastopolskogo, evpatorijskogo, sochinskogo tovgovyx portov i perepiska s upravleniem krymskim rajonom sovtorgflota chernogo morya, upravleniem sovetskim tovgovym flotom chernomorskogo bassejna po xozyajstvu porta. vedomosti na plavsredstva porta. 8.05.1930-27.12.1930 g. 499 l.

УДК 344.14:344.44 "17/18" (47+57)

СОЗДАНИЕ АРЕСТАНТСКИХ РОТ ВОЕННОГО И ВОЕННО-МОРСКОГО ВЕДОМСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Курабцева А. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В Российской империи форма наказания военнослужащих в виде привлечения к тяжелым работам была введена еще Петром I в его Уставе Воинском. Однако дальнейшего развития эта форма наказания не получила вплоть до начала XIX века. Именно в первой половине XIX века создаются и развиваются как правовые основы деятельности подобных подразделений, так и сами такие подразделения. Первоначально это были военно-рабочие подразделения, которые применялись вместе с трудом обычных солдат и осужденных на различных строительных работах, носящих в основном военный характер. Важнейшей правовой основой для деятельности подобных подразделений стало принятое 26 сентября 1826 г. «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты» (№ 598) с изданным в виде дополнения к нему «Положением о военных арестантских ротах». С их принятием наличие арестантских рот – как сухопутных, так и военно-морских – в российской армии стало нормой.

Ключевые слова: арестантские роты, армия, флот, Российская империя, указ, положение.

Проблемы поддержания в армии строгой дисциплины обычно в мировой практике возлагаются на весьма жесткое соответствующее отраслевое законодательство. В то же время система наказаний за совершенные военнослужащими преступления и проступки, особенно при ее постепенном перестроении с телесных и членовредительских к более цивилизованным формам, на рубеже XVIII–XIX вв. еще только начинала формироваться. Значительное влияние на этот процесс оказывала острая нехватка военнослужащих в результате огромных потерь в постоянных войнах, сложившееся в России традиционное пренебрежение к нуждам рядового солдата, его человеческому достоинству.

История формирования дисциплинарных частей, а также других подразделений из осужденных военнослужащих имеет свою и весьма богатую историю, обусловленную ходом исторического развития российской государственности, вооруженных сил, социально-экономического развития, системы исполнения наказаний вообще и военной пенитенциарной системы в частности.

Учитывая, что такая форма наказаний, как содержание в тюрьме, еще только развивалась в России в исследуемый период, а ее вооруженные силы не имели подобных собственных заведений, многих осужденных содержали в крепостях или же в общих с гражданскими тюрьмах. Однако в это время простое содержание в тюрьме не считалось достаточным наказанием, каторги же считались достаточно суровым наказанием, но в то же время были весьма обременительны и для казны. К тому же рабочих рук постоянно не хватало и в европейской части быстро расширяющейся и развивающейся страны.

Еще при Петре I широкий размах приобрела практика использования труда заключенных на различного рода работах, что было даже закреплено в Уставе Военском (№ 3006) от 30 марта 1716 г., в частности, в разъяснении к артикулам 63, 65 (с. 338) и 95 [1, с. 346]. В данном случае можно упомянуть и широко применявшийся труд украинского казачества при строительстве Санкт-Петербурга, отдельных крепостей и каналов. Безусловно, следует указать и на то, что и до петровского времени труд заключенных широко практиковался при строительстве крепостей, дорог и т. д.

С присоединением к России Юга Украины и Крыма и увеличением военных усилий в этом регионе началось широкомасштабное строительство различных сооружений. При острой нехватке в стране свободных рабочих рук из-за крепостного права, углублении проблемы бегства крестьян от помещиков и развития бродяжничества, чрезвычайных рекрутских наборов для пополнения регулярно воюющей армии, а также проблемах с дисциплиной в вооруженных силах труд заключенных, независимо от принадлежности к гражданскому, военному или военно-морскому ведомству, становится особо востребованным.

Так, к примеру, 7 марта 1805 г. выходит указ «О строениях в городе Феодосии» (№ 21652). В качестве рабочей силы для производства строительных работ выделялись солдаты инженерных команд и 200 невольников, осужденных в ближайших губерниях на работы [2, с. 887].

Использование заключенных в данном городе оказалось весьма удачным ходом и было продолжено в последующем. Так, известно, что в декабре 1811 г.: в магазине карантина Феодосии, который строился для бумажных товаров, была покрыта черепицей остальная часть крыши и начато мощение из отборного бутового камня плиток нижнего пола. Первое было сделано военными, а последнее – невольниками. Привлечение заключенных к строительным работам в Феодосии продолжалось и в последующем.

Впрочем, активная фаза войн с наполеоновской Францией ставила задачу укрепления всех западных границ государства, от Прибалтики до Черного моря. Во многом для достижения этой цели в 1806 г. в помощь армии было собрано народное ополчение, включавшее в себя более 600 тыс. милиционных ратников. Далеко не все из них оказались пригодными к строевой службе, а потому возникла проблема с использованием ущербных здоровьем и силами ратников. Часть из них отправили на заводы, изготавливавшие припасы, оружие и снаряжение для армии, другую же часть – на строительство укреплений. Причем Инженерный департамент, ведавший этим вопросом, ходатайствовал перед императором о создании специальных рот и команд, в которые вошли бы ополченцы [3].

С целью разрешения данной проблемы 25 ноября 1807 г. за № 22296 был принят указ «О содержании поступающих в крепости Милиционных ратников, употребляемых к производству строений». Им, в частности, предписывалось на основании указа от 27 сентября использовать неспособных к строевой службе к строительству в крепостях, для замены дорогих вольнонаемных рабочих. В последующем же было решено всех поступающих из ратников к работам в крепостях называть военными рабочими. Исходя из соединения военной организации и таких работников, обмундированием они снабжались из комиссариата. Более того, им даже предписывалось выдавать жалование по 8 руб. в год каждому.

Учитывая военизированный характер данных подразделений, сами рабочие состояли в тех самых крепостях, куда назначались, и находились под непосредственным ведением их комендантов. Где же таковых не было – под управлением начальников гарнизонов данных крепостей. Несмотря на военизированный подход, указ предусматривал, что в случае недостатка необходимых помещений в крепости военно-рабочие могли размещаться не только в крепости, но и в ближайших селениях, городе. Что правда, контроль за ними в таком случае возлагался на штаб или обер-офицеров, а также унтер-офицеров. Военно-рабочие не были приписаны к какому-то отдельному месту, а по необходимости могли переводиться из одной крепости в другую [4, с. 1330].

С окончанием эпохи наполеоновских войн острая необходимость восстановления и развития пострадавших в 1812 г. городов и крепостей при сохраняющейся острой нехватке свободных рабочих рук заставила государство шире применять уже имеющийся опыт, к тому же и отправка многих беглых и других преступников для работы в крепости стала массовым, а где то и бесконтрольным явлением в жизни страны, так как в крепостях происходило смешение самих военно-рабочих с осужденными к работам в крепости.

В связи с этим 27 апреля 1816 г. был принят указ «Об отсылке из осуждаемых в крепостные работы только преступников, кои к тому предназначены и к таковой работе способны». Из документа следует, что Инженерный департамент, при котором содержалось много невольников при крепостных работах, вынужден был обратиться к высшему руководству страны, так как количество таких невольников значительно увеличилось. Многие из них были неспособны к работам, а по другим слишком долго шло разбирательство, откуда они. В результате на них тратилось слишком много средств.

Было принято решение всем губернским правлениям предписать, чтобы впредь «осуждаемые за преступления в крепостные работы люди отсылаемы к ним были только те, кто по указу от 13 сентября 1797 г. п. 3 и в пояснение его в предписании сената от 23 марта 1798 г. для этого были предназначены». В то же время с теми лицами, которые были «присуждены в крепостную работу не за преступления, но только из-за одной лишь неспособности к военной службе», поступали, как Инженерный департамент, просили «звание военно-рабочих и получали содержание им положенное» [5, с. 616–617].

Разобравшись с этим, уже 2 мая 1816 г. за № 26252 был принят указ «О военно-рабочих батальонах в Москве». В нем предписывалось сформировать 2 батальона, один из рекрутов, а второй – из излишних людей, остающихся от парков, под номерами 1 и 2 соответственно. Командиры батальонов должны были состоять в звании майоров, а командиры рот – капитаны. В каждый батальон полагалось по 4 поручика, 4 подпоручика или прапорщика, 4 старших унтер-офицера и 20 младших. Все штаб, обер- и унтер-офицеры должны были набираться не из войск, а из подразделений внутренней стражи (п. 1–3) [5, с. 626]. Формировались данные подразделения сроком на 10 лет. Как и полагалось, их служащие получали содержание и плату за работу (п. 7–9). Форму получали бесплатно, а за работу в рабочие дни платили по 10 коп. на питание [5, с. 626].

Одновременно с этим по всей стране из-за нехватки свободных рабочих рук расширялся и перечень работ, для которых привлекались осужденные. Так, 5 октяб-

ря 1816 г. был принят указ за № 26450, согласно которому было принято решение содержащихся по городам арестантов употреблять для планировки улиц [5, с. 1040].

Тем не менее проблема с насыщением военно-рабочих рот нормальным контингентом оставалась, как и отдельные вопросы о статусе сосланных в крепостные работы. Для чего 20 августа 1818 г. за № 27487 был принят указ «О бродягах, кои быв отосланы в крепостные работы, сделались неспособными к оным». В нем находим лишь упоминание о создании из здоровых людей военно-рабочих рот. Но в своем большинстве документ посвящен проблемам освидетельствования и дальнейшей судьбе неспособных к работе заключенных обоего пола в крепостях [6, с. 473].

Окончательное же законодательное отделение военно-рабочих от применяемых в крепостях для работ осужденных лиц произошло на основании указа от 21 августа 1818 г. за № 27491 – «Положение о военно-рабочих ротах для Инженерного Корпуса». Положением, в частности, предусматривалось, что вместо имевшихся для работ Инженерного департамента мастеровых, военно-рабочих и фурлет создавалось 36 военно-рабочих рот. Каждая такая рота должна была состоять из мастеровых и рабочих и получить свой номер. В первоначальный состав данных подразделений входили: 2 роты Пионерные, находящиеся на Аланде, мастеровые по действующему штату Инженерного корпуса, фурлейты данного корпуса и те военно-рабочие, которые были к работам действительно способны. Также включались в роты и нижние чины саперных и пионерных батальонов, которые были действительно способны к работам, а еще те нижние чины саперных и пионерных батальонов, которые к продолжению службы в этих батальонах признавались неспособными, но были еще здорового сложения и не слишком стары. Оставшиеся еще после этого вакансии предполагалось укомплектовать рекрутами «такого разбора, какие поступают в рабочие батальоны Путей Сообщения».

Ежегодное комплектование данных подразделений из-за убыли людей планировалось производить из служащих саперных и пионерных батальонов, не вполне годными к дальнейшей службе, а также из крепостных арестантов. Однако только не тех, кто по суду в это звание попал, а такими, которые были «благонадежны в поведении и не суть еще старых лет, а остальных за тем рекрутами» (п. 4).

При подборе офицерского корпуса военно-рабочих рот преимущество отдавалось беспорочно выслужившим свои годы фельдфебелям и унтер-офицерам 1 класса саперных и пионерских батальонов, способным еще к службе в военно-рабочих ротах. В качестве офицеров разрешалось использовать и кондукторов «хорошего поведения, но не оказывающих довольно способности к наукам, чтоб поступить в инженерные офицеры» (п. 5). Состав и содержание рот производилось по специальному штату, а офицерам и прочим чинам выдавались соответствующие мундиры [6, с. 517–518].

Кстати говоря, использовался труд военных арестантов и в Крыму. Так, согласно штату комендантского 1 батальона Замоского егерского полка, в него входила и 38 военно-рабочая рота (Феодосия). В ее составе по состоянию на 6 марта 1935 г. числилось: 1 обер-офицер, 1 унтер-офицер, 26 рядовых, в командировке – 1 унтер и 5 рядовых, в отпуску – 2 рядовых, налицо – 1 штаб офицер и 19 рядовых [8, л. 11–12].

Форма наказания в виде отдачи в рекруты в России к этому времени существовала уже давно. Однако многие из наказанных таким образом были к ней

по разным причинам неспособны. Более того, армия не могла стать для закоренелых уголовников и прочих преступников местом перевоспитания. Скорее, они способствовали расшатыванию дисциплины в тех частях, где волею судеб оказались, ставя под угрозу их боеспособность. Известно, что с этой проблемой к Александру I обратились главнокомандующие 1-й армией: генерал от инфантерии граф Сакен и 2-й генерал от кавалерии граф Витгенштейн. Они жаловались на чрезвычайно частые случаи «побега поступающих в полки из бродяг и преступников воинских нижних чинов. Подготовка рядовых в этом случае резко падала, вместе с беглецами пропадало и их обмундирование, а иногда и не только оно». Для комплектации подразделений опять нужно было обращаться к рекрутским службам и т. д.

Стремясь решить эту проблему, 23 февраля 1823 г. за № 29328 был издан указ «Об отсылке в Сибирь на поселение бродяг и преступников, вместо отдачи их в военную службу и в крепостные работы». Им царь, стремясь навести в войсках порядок, а также учитывая отсутствие ранее существовавшего дефицита в рабочей силе в крепостях, постановил: «1) Отныне впредь обращать в полки тех только, кои, не быв судимы, представляются в рекруты в зачет будущих наборов, по приговорам мирских обществ, или по желанию помещиков. 2) Преступников и бродяг, кои по приговорам Судебных мест в военную службу назначались, отныне впредь отсылать в порты, на фабрику Екатеринославскую, в горные и соляные заведения и на работы в ведение Путей Сообщения, соответственно той надобности, какая в них Ведомствам сим быть может...» [8, с. 794]. Кроме того, предписывалось бродяг, которые только за одно бродяжничество или отсылались временно в крепости для работ, или отправлялись в военную службу, в дальнейшем из-за отсутствия надобности в таких людях при крепостных работах и в воинских подразделениях отправлять в Сибирь на поселение [8, с. 795].

Таким образом, опыт использования заключенных в различных работах к началу 1823 г. был накоплен весьма внушительный. К тому же этот фактор одновременно усилился и тем, что, как отмечают многие исследователи, в данный период жалобы на имя царя о переполненности мест поселения Сибири ссыльными и каторжными достигли критической отметки. Кроме того, в этапировании ссыльных принимали участие значительные воинские контингенты. Самих же ссыльных и каторжных также в местах отбытия ими наказаний необходимо было охранять. И это в то время как в Европейской части империи остро не хватало рабочих рук, пусть и не на крепостной работе. Таким образом, сами обстоятельства и имеющийся опыт организации военно-рабочих рот подтолкнули власть к формированию военно-арестантских рот, в которых без огромных усилий по этапированию и охране в отдаленных уголках страны заключенных можно было их использовать с большей эффективностью на местах. Военизированный же характер данных подразделений приписывают обычно идеологу их создания – тогда еще будущему императору Николаю I.

В современной литературе принято считать, что арестантские роты военного ведомства были созданы с принятием особого положения «...для образования крепостных арестантов в Динабурге и Выборге в арестантские роты» 3 июня 1823 г. Так, известный исследователь истории военных судов в России Н. А. Петухов в своей монографии «История военных судов в России» даже указывает на законода-

тельные акты, расположенные в первом Полном Собрании Законов Российской империи, которыми якобы были созданы данные роты и в которых, соответственно, содержится данное положение – «П. С. З., Т. 38, № 28984, 29597, 29006» [9, с. 65]. В то же время указ за № 28984 от 29 марта 1823 г. носит название «О облегчении цепей, налагаемых на содержащихся под стражею арестантов, и ограничения употребления оных», указ № 29597 от 27 августа 1823 г. «О наряде конвоя к арестантам при выпуске их на работы» и, наконец, упоминаемый им третий указ № 29006 от 18 апреля 1822 г. «О надзоре за крепостными арестантами в тюрьмах и на работах». Ни один из этих документов никак не относится к военно-арестантским ротам, тем более, в Динабурге и Выборге. Более того, ни один из них не был принят 3 июня 1823 г. К слову сказать, в первом Полном Собрании Законов Российской империи (т. 38) за 1822–1823 гг. нет ни за 3 июня, ни в другие ближайшие дни, как у некоторых исследователей, у которых стоит «3(15)», никаких указов о формировании военных арестантских рот. С одной стороны, можно было бы предположить, что он не был официально издан и был найден исследователями в архивах или других сборниках и хранилищах документов. Однако причины этого совершенно не ясны, так как последующая правовая регламентация деятельности военных арестантских рот в собраниях законов империи изложена совершенно подробно и без купюр. К тому же ссылок на такие хранилища или сборники они не делают.

В своих работах они обычно указывают, что, по данному документу, арестантские роты находились в заведовании крепостных комендантов, управлялись плацмайорами на правах батальонных командиров. Арестанты в обеих крепостях были из военных чинов. В первой крепости предполагалось сформировать 7 рот, во второй – 8. Личный состав арестантской роты делился на кадровый и переменный (арестанты). Кадровый состав арестантской роты состоял из одного штаб-офицера или обер-офицера, командующего ротой, 3 младших офицеров, одного фельдфебеля, 16 унтер-офицеров и 1 барабанщика, все из чинов корпуса внутренней стражи.

Впрочем, скорее всего, здесь просто произошла ошибка, так как приводимые исследователями данные слишком близки по смыслу к указу от 26 сентября 1826 г. № 598 под названием «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты». В нем, в частности, находим, что «...Военные арестантские роты в Динабурге и Бобруйске составят в 1-й из сих крепостей 7 рот, во второй 8 рот, которые и будут называться Арестантскими ротами» [10, с. 1011]. Однако, как уже указывалось, данный документ был принят только в 1826 г., а никак не 3 июня 1823 г. (Динабургской крепостью, кстати, крепостные арестанты давно уже использовались для производства фортификационных работ, впрочем, как и в других крепостях). Офицерский и унтер-офицерский состав данных подразделений также требовалось набирать из чинов внутренней стражи, как и военно-рабочих батальонов в Москве.

В этой связи следует также упомянуть, что еще 3 июля 1811 г. за № 24704 было принято «Положение для внутренней стражи». Согласно данному документу, внутренняя стража состояла из губернских батальонов, а также из команд служащих инвалидов. В каждой губернии обычно находился 1 батальон, а в каждом городе – более мелкие подразделения, не больше роты. Такие подразделения внутренней стражи состояли под непосредственным управлением своих воинских начальников, те же, в свою очередь, находились в подчинении военного министра. На внутреннюю стражу возлагалась обязанность действовать по требованию местного начальства во

всех тех случаях, «в коих прочие воинские команды к тому обязаны, и именно: 1) В помощь исполнению законов и приговоров суда» [11, с. 784], а также «13) На отряжение нужных часовых к Присутственным местам, тюрьмам и острогам» [11, с. 785]. Таким образом, внутренняя стража изначально использовалась в деятельности судебной и пенитенциарной систем, а потому и привлечение ее служащих в арестантские роты было разумным шагом по использованию их опыта.

Следует упомянуть и то, что важной составной частью Положения для внутренней стражи была «Инструкция батальонному командиру». В ней, в частности, указывалось, что «Арестанты разделяются на 2 рода: а) подсудимые, и б) осужденные. Подсудимые, не быв еще обвинены, не суть преступники, и закон для единой необходимой предосторожности лишает их свободы. Следовательно, обращение с ними команд, их провожающих, должно быть согласно с справедливостью и человеколюбием...» (п. 11) [11, с. 791].

Впрочем, к составу арестантских рот положения данной инструкции не относились, так как в них содержались именно осужденные, и в последующие после образования арестантских рот годы их контингент только расширялся.

Так, к примеру, 11 июля 1826 г. за № 459 был принят указ «Об отправлении наказанных за четвертый побег в крепостную работу для определения военно-арестантские роты» [10, с. 686]. Он, конечно же, касался в первую очередь нижних чинов армии, но поступили в данные подразделения и гражданские лица.

Чтобы придать всем заключенным арестантских рот единый статус, так как совместное содержание представителей военного и гражданского ведомств, имеющих разные гражданские права и подсудность, было неудобно и затруднительно, 23 марта 1826 г. за № 207 был принят указ «О суде и наказании арестантов гражданского ведомства, по крепостям в арестантских ротах находящихся». Им, в частности, предусматривалось, «1) арестантов, поступивших в арестантские роты из гражданского ведомства, какого бы рода они ни были, когда учинили преступления в бытность уже в сих ротах... судить военным судом и наказывать как бы не принадлежащих более гражданскому ведомству» [10, с. 306].

Таким образом, арестантские роты охватывали осужденных военного и гражданского ведомств. Еще одним самостоятельным ведомством также остро нуждавшимся в дешевой и многочисленной рабочей силе было военно-морское ведомство. Поэтому другая серия законодательных актов была посвящена созданию именно арестантских рот военно-морского ведомства в качестве развития системы наказаний для военнотружущих флота. Впрочем, в них направлялись не только осужденные морские служащие

Как уже выше упоминалось, 26 сентября 1826 г. за № 598 было принято «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты». В нем царь повелел: «арестантов Морского ведомства, в портах состоящих, сформировать на роты, и чтобы учреждение сих рот основано было совершенно на положении существующих в крепостях арестантских рот Инженерного ведомства...». Исходя из чего требовалось сформировать в Кронштадте из 250 арестантов 2 роты, по 125 человек в каждой. Офицеров необходимо было в них назначить 8, фельдфебелей 2, унтер-офицеров 32 и барабанщиков 2. В Свеаборге, куда необходимо было перевести заключенных из Роченсальма, из 100 человек формировалась 1 рота, в состав которой вошло 4 офицера 4, 1 фельдфебель, 16 унтер-офицеров и 1 барабанщик. В Реве-

ле, впредь до дальнейшего распоряжения, также из 100 заключенных формировалась 1 рота, с таким же числом офицеров и нижних чинов, как в Свеаборге. Офицеров и нижних чинов предлагалось назначить из состава внутренней стражи.

Важным дополнением к указу было «Положение о военных арестантских ротах». Его необходимо детально рассмотреть, так как отдельные его параграфы предусматривались и для созданных позже арестантских рот гражданского ведомства. Так, положение, в частности, предусматривало, что арестантские роты в Динабургской крепости будут созданы в составе 7 таких подразделений, а Бобруйской крепости – 8 рот, которые и будут называться Арестантскими ротами [10, с. 1011]. Эти подразделения предполагалось образовать следующим образом: каждая арестантская рота должна была состоять из 1 штаб или обер-офицера, командующего ротой, 3 младших офицеров, 1 фельдфебеля, 16 унтер-офицеров и 1 барабанщика. В такую роту поступали 120 заключенных, а каждые 8, 10 или 12 человек из них составляли отделения.

В тех случаях, когда количество заключенных арестантов требовало увеличения и количества унтер-офицеров, их предписывалось прикомандировывать из служащих или не служащих инвалидов.

Что касается формы одежды для служащих данных подразделений, то офицерам арестантских рот полагался мундир служащих инвалидов. Кроме того, во время нахождения на службе им вменялось в обязанность иметь в руке тростниковую трость с костяной головкой. Фельдфебели, унтер-офицеры и барабанщики также должны были носить мундир служащих инвалидов. В то же время фельдфебелям также полагалось иметь на службе трость тростниковую, а унтер-офицерам обыкновенную. Всем служащим этих рот сохранялось прежнее жалование по окладам.

Заключенные в ротах рассчитывались на отделения, каждым из которых командовал унтер-офицер. Сами же отделения должны были состояться следующим образом: в отделение подбирались люди, осужденные по «равному приговору». Исходя из чего разрешалось различие в количестве людей в отделениях. При этом состав отделения не должен был превышать 12 арестантов. В военно-арестантских ротах осужденные на определенный срок к крепостной работе составляли первые отделения по старшинству; второй разряд составлялся из бродяг или беглых военного ведомства, которые по справкам оставались в крепостных арестантах.

В арестантских ротах гражданского ведомства разделение на отделения требовалось производить так же, с той лишь разницей, что присужденные к вечному заключению должны были поступать все в одну роту, сколько бы их ни было. Исходя из этого, и количество таких арестантов в роте зависело исключительно от числа приговоренных.

Вечные арестанты разделялись на отделения по мастерствам, к которым были приучены или обучались, и потому в такой роте могло быть 2 и 3 отделения каменщиков, плотников и проч.

Приговоренные к срочному заключению должны были поступать в другую роту и равным образом разделялись, по возможности, на отделения по своим ремеслам.

Наконец, бродяги разделялись на столько рот, сколько по их количеству приходилось, исходя из расчета от 100 до 140 чел. в роте. Разделение их на отделения зависело от возраста и подозрения, на них лежащего. Самые молодые бродяги, т. е.

моложе 30 лет, поступали в одну роту, а более старшие в другую. На отделения в такой роте они также делились исходя из возраста.

Положение также предусматривало, что попавшие в такие арестантские роты лишённые чинов офицеры должны были одеваться и содержаться без всякого отличия от прочих арестантов и поступали в то отделение, к которому принадлежали по совершенному над ними приговору.

Арестанты всех вообще отделений подчинялись строжайшей военной дисциплине. Им ни под каким видом не разрешалось носить другой одежды, кроме той, что выдавалась им по положению. Самых арестантов требовалось содержать «в наилучшей чистоте» и контролировать, чтобы они были острижены, вымыты и выбриты, как будто бы находились на действительной службе (п. 6).

Военная дисциплина устанавливалась для перемещения и работы ротных арестантов. К какой бы работе не назначались арестанты, они никогда не должны были выходить из тюрьмы и идти в беспорядке. В данных случаях необходимо было соблюдать следующие правила: перед выводом арестантов из тюрьмы били сбор. После чего арестанты выходили и строились в своих отделениях, шеренгах и рядах. Тогда производилась перекличка, по окончании которой арестантов вели в порядке на работу [10, с. 1012]. Перед каждым отделением должен был следовать унтер-офицер. При этом все движения производились обычными командными словами (п. 7).

При окончании работ вторично били сбор, и арестанты, построившись тем же порядком, возвращались в тюрьму. Устанавливалось, что офицеры арестантских рот (исключая ротного командира) должны были водить арестантов на работы поочередно.

Они также обязаны были на работах оставаться целый день для наблюдения порядка и присмотра за арестантами, а вечером приводить арестантов обратно в тюрьму. Это положение относилось к тем ротам, которые состояли из людей, не знающих особого мастерства и водимых целой ротой на работу. В тех же ротах, где были настоящие мастеровые и которые поэтому дробились на участки, должны были находиться их унтер-офицеры, но один из офицеров обязывался присутствовать при выходе и при возвращении их и лично удостовериться, достаточно ли за ними присматривали.

Конвой за арестантами предполагался от крепостного гарнизона. Комендант гарнизона должен был наблюдать, чтобы наряд этот был достаточным для поддержания мер безопасности (п. 7). Зачастую на практике эти обязанности исполняли подразделения внутренней стражи и инвалидные команды.

Как и в отношении прочих заключённых, положение запрещало выдачу на руки денег арестантам и строго предписывало наблюдать, чтобы они их не получали и со стороны (п. 8). Арестантские роты состояли в полной зависимости крепостного коменданта, именно на него было возложено строгое соблюдение правил, существовавших по вопросам содержания и присмотра за арестантами (п. 9). Он также должен был получать от комиссариата на них одежду и контролировать исправность их обмундирования по утверждённой форме. В этих вопросах, впрочем как и в отношении общего присмотра за арестантами, ротные командиры объявлялись его «настоящими помощниками» (п. 10).

Средства на жалование всех чинов арестантской роты отпускалась в распоряжение ротных командиров. Ротный командир получал также жалование и амуницию для своих нижних чинов. Расход и использование данных средств возлагался на него под ответственностью и наблюдением коменданта (п. 11, 12).

Как и в отношении других заключенных в империи, предусматривалась и возможность сбора заключенным арестантских рот пожертвований от частных лиц. В частности, положением предусматривалось, что кружка для подаяний в пользу арестантов должна была находиться в церкви гарнизона того места, где собственно и размещались арестанты. Ее требовалось содержать за печатью коменданта, а деньги, собранные таким образом, использовать исключительно на улучшение пищи арестантов, но под личным присмотром самого коменданта (п. 13).

Для использования арестантов на работах и в отношении их быта существовали и строгие ограничения. Так, в частности, строго запрещалось их использование на других работах, кроме крепостных, а особенно направление на исполнение частных или партикулярных работ и поручений (п. 14). Что касается разжалованных арестантов (бывших офицеров), то им запрещалось давать чернила, бумагу, перья, книги и тому подобное; также были под запретом ножи и всякий прочий инструмент. В случаях когда починка их платья или обуви требовала отпуска иголок, шила и проч., то их разрешалось выдавать исключительно для употребления по данному назначению, а по миновании надобности немедленно требовалось отбирать назад (п. 15).

За любой беспорядок или отступление от подробной инструкции, данной для поддержания порядка, личную ответственность несли ротный командир и комендант (п. 16). Производить подбор офицеров для арестантских рот требовалось тщательно и только из корпуса Внутренней стражи (п. 17). А вот нижних чинов разрешалось набирать для службы из служащих инвалидов «отличного поведения» (п. 18) [10, с. 1013].

В силу уже упоминавшихся обстоятельств, по которым и началось формирование арестантских рот, таких как ограничение ссылки в Сибирь и значительная потребность в рабочей силе, был предпринят еще один шаг к наполнению арестантских рот осужденными преступниками. 29 сентября 1826 г. за № 602 был принят указ «Об отсылке содержащихся по 22 августа 1826 г. арестантов, не имеющих права на прощение по I и III статьям Всемиловитейшего Манифеста, в крепостные арестанты». Согласно данному документу, царь по донесениям об арестантах, особенно о тех, что содержались продолжительное время и желая «явить Монаршиее милосердие к тем из арестантов, кои, не имея права на прощение по I и III статьям ... манифеста, в 22 день прошедшего Августа обнародованного, и не быв обвинены в смертоубийстве, разбое и грабеже, будут окончательным решением приговорены за другие преступления к ссылке в Сибирь в каторжную работу...», повелел, чтобы все такие заключенные, которые содержались по 22 августа 1826 г., были отправлены в крепостные арестанты, т. е. в арестантские роты [10, с. 1015–1016].

Вплоть до конца 1826 г. и нескольких последующих лет происходило развитие правовой базы деятельности арестантских рот военного и военно-морского ведомств, с уточнением подчиненности, компетенции, подсудности, использования заключенных, с увеличением количества таких подразделений и более точным определением их личного состава.

Так, 1 октября 1826 г. за №607 был принят указ «О суждении в морском ведомстве арестантов, принадлежащих к арестантским ротам, под Морским Начальством состоящим» [10, с. 1018]. Ранее в случае совершения преступлений такие арестанты судились гражданским ведомством, хотя исполнение наказаний вроде бы было возложено на военно-морское.

27 ноября 1826 г. за № 706 был принят указ «О сформировании в Ревеле двух арестантских рот». Согласно ему, для замены назначенных к Ревельским крепостным работам по Инженерному ведомству 200 матросов предписывалось сформировать в Ревеле 2 арестантские роты, кроме уже состоящих там. В связи с отсутствием же в Ревельском порту удобного для них помещения предписывалось отправить для этой цели из Кронштадтского порта неспособный к дальнейшей службе корабль [10, с. 1253]. Следует также указать, что практика размещения заключенных на кораблях применялась и в других странах, например в Великобритании. Это было дешевле постройки специальных зданий, а списанных с военной службы кораблей всегда было в избытке.

31 декабря этого же 1826 г. за № 792 был принят указ «Высочайше утвержденный штат одной арестантской роты». Данный документ регламентировал единый их состав, внося определенное однообразие. Кроме того, его принятие можно считать завершением первого этапа создания и регламентации арестантских рот гражданского ведомства. В нее, согласно документу, входили: командир роты капитан (ротным командиром мог быть штабс-капитан и старший поручик, с жалованием по чину). Кроме того, в состав роты входили поручик, подпоручик, прапорщик, фельдфебель, 16 унтер-офицеров, барабанщик, писарь, цирюльник и 120 арестантов. При этом количество арестантов из бродяг разрешалось, в зависимости от ситуации, варьировать в роте от 100 до 140 чел.

Также указом подкреплялось уже изложенное в предыдущих документах положение, согласно которому арестантские роты находились в полной зависимости крепостного коменданта, находясь под управлением Плац-Майора, на праве батальонного командира. На работу арестанты рот должны были высылаться по наряду командира инженерной команды. Что касается ротных командиров, то их полагалось: 1/3 капитанами, 1/3 штабс-капитанами и 1/3 поручиками [10, с. 1356].

В отличие от «Положения о военных арестантских ротах» от 26 сентября 1826 г., форма одежды предполагалась совершенно иная. В частности, офицерам и нижним чинам арестантских рот полагалось носить обмундирование военно-рабочих рот, с разницей только в том, что эполеты и погоны без красной опушки, и № роты на них должны были быть с литерой «А», таким образом: 1: А; 2: А; 3: А; т. е. 1-я арестантская, 2-я арестантская, 3-я арестантская и т. д.

Кроме того, офицерам арестантских рот давалась общая линия в производстве с офицерами военно-рабочих рот. Положенное по данному штату жалование производилось от Комиссариатского ведомства и от него же шло обмундирование нижних чинов и арестантов по установленным образцам.

Непременный атрибут того времени для офицеров – денщики, им полагались согласно чинам.

Устанавливались и традиционные в таких случаях вычеты из жалования: на медикаменты с обер-офицеров – по 14 коп., а с нижних чинов (кроме денщиков) – по 1 коп. с рубля. На госпиталь со всех офицеров и нижних чинов – по 1 коп. с рубля.

Кроме того, предоставлялся в госпитальную сумму удерживаемый у больных нижних чинов и арестантов весь провиант за время нахождения их в лазарете.

Что касается довольствия нижних чинов, денщиков и арестантов провиантом, то оно должно было производиться от провиантского ведомства, и для первых определялось общим положением о войсках, т. е.: на каждого в год муки по 3 четверти, крупы по 2 четверику и по 2 гранца, а для последних, т. е. арестантов, муки по 3 четверти, круп по 1 четверику 4 гранца в год на каждого.

Нахождение арестантских рот в составе военного ведомства подчеркивало и то, что было решено унтер-офицеров военно-рабочих рот Инженерного корпуса, за выслугу узаконенных лет в офицеры производимых, назначать в арестантские роты, когда в военно-рабочих ротах офицерских вакансий не будет. Из числа унтер-офицеров и рядовых военно-рабочих рот инженерного корпуса, ранее за неспособностью в инвалиды выписываемых, лучших по поведению впредь требовалось назначать в арестантские роты, в одном и том же округе состоящие, для замещения унтер-офицерских вакансий, если такие случались [10, с. 1357].

Определение использования и подведомственности арестантов арестантских рот происходило и в дальнейшем. Так, указом № 1076 от 6 мая 1827 г. «О разных распоряжениях по строительной Морской части» [12, с. 416], предписывалось: «7) Из числа зависящих от Морского министерства арестантских рот отряжать по требованиям вашим в ведомства Строительного Департамента по морской части по одной или несколько рот, смотря по обширности работ; а для таких работ в портах, коих без матросов производить нельзя, назначать необходимое число матросов и гребных судов» [12, с. 417].

А 20 мая 1827 г. за № 1104 был принят указ «О суждении военным судом употребляемых в крепостях и морских портах, равно и на военных работах арестантов, за содеянные ими преступления». Он был принят вследствие того, что ранее совершившие преступления такие арестанты часто отсылались в гражданские суды, так как они не состояли в арестантских ротах [12, с. 448]. Теперь же и их решено было судить за преступления военным судом [12, с. 449].

Важным документом, на долгие годы закрепившим места расположения арестантских рот, а также определившим контингент заключенных в них, стал указ от 25 марта 1829 г. за № 2765 «О расписании крепостей, в которых для работ назначаются арестанты военного и гражданского ведомства».

В нем, в частности, указывалось, что еще при циркулярном распоряжении Инспекторского департамента от 30 апреля 1817 г. было разослано по военному ведомству расписание, показывающее, из каких губерний в какие крепости должны быть присылаемы разного звания люди, осуждаемые за преступления в крепостные работы.

В его развитие и исполнение препровождалось для сведения и исполнения по всему военному ведомству составленное расписание крепостям, определялась высылка из губерний, в данном расписании показанных, как нижних воинских чинов, за 4-й побег от службы осужденных (по указу от 24 мая 1827 г.), так и людей другого звания, назначаемых за преступления в крепостную работу [13, с. 194]. В нем, в частности, предусматривалось таких осужденных из Таврической, Екатеринославской, Слободско-Украинской, Курской, Воронежской губерний отправлять в кре-

пость Херсона (Херсонского округа). Кроме того, расписание содержало еще 356 таких мест.

Особое внимание законодателя в последующие годы было уделено развитию правового положения и деятельности арестантских подразделений в составе Черноморского военно-морского флота, какие были образованы в нем в виде арестантских батальонов. Первым шагом на этом пути стало принятие 27 марта 1830 г. за № 3560 указа «О разделении арестантов Черноморского ведомства на разряды». Им, в частности, предписывалось начальнику Черноморского флота сделать следующие распоряжения: тех из них, кто был прислан за нетяжкие преступления и, находясь в ведомстве Черноморского департамента, не только никаких потом преступлений не совершили, но и вели себя добропорядочно, определять на службу по данному ведомству или по сношению с Военным министерством распределять в исправительные рабочие роты, смотря по способности и соотносясь с изданными в 1828 и 1829 г. о бродягах и преступниках постановлениями.

Таким же образом необходимо было распорядиться и с бродягами, на возвращение которых обществам и помещикам установленный после публикации срок уже прошел. В то же время подчеркивалось, что данное распоряжение не может распространяться как на присланных на срочное время преступников, которые по отбытии им установленных сроков должны были направляться далее по своим приговорам, так и на важных преступников или вновь совершивших преступления, усугубившие причины к их заключению, так как таковые должны были оставаться навсегда в арестантских батальонах [14, с. 237].

Что касается признания арестантов, которые по старости, увечию или из-за неизлечимых болезней становились совершенно неспособными к дальнейшей работе, то по отношению к ним необходимо было руководствоваться правилами, действовавшими по этому вопросу в Военном министерстве [14, с. 238].

Не исключено, что на последовавшее в 1831 г. реформирование подчиненности и устройства арестантских подразделений Черноморского флота оказали события лета 1830 г., вошедшие в историю как чумной бунт в Севастополе. Как известно, по его результатам судебному преследованию подверглись тысячи военно-служащих и гражданских.

Определение подчиненности подразделений арестантов в Черноморском флоте было окончательно установлено указом от 18 ноября 1831 г. за № 4951 «О подчинении Рабочих Экипажей и Арестантских батальонов Черноморского Флота Обер-интенданту того Флота». Им, в частности, предусматривалось ликвидировать подведомственность данных экипажей и батальонов от инспектора ластовых и рабочих экипажей Черноморского флота и подчинить их обер-интенданту этого же флота в виде инспектора с предоставлением ему в отношении их тех же правил, какие по указу царя в приказе министра от 19 августа 1831 г. № 81 были присвоены генерал-интенданту флота, по управлению Балтийскими рабочими экипажами и арестантскими ротами.

Непосредственное заведывание рабочими экипажами и 2-м Арестантским батальоном, находящимися в Севастополе, было поручено капитанами над портами, как это уже было установлено на Балтийском флоте. На этом же основании подчинили находящиеся в Херсоне рабочие роты управляющему делами тамошнего порта.

Кроме того, при обер-интенданте Черноморского флота для управления рабочими экипажами и арестантскими батальонами создавался специальный штаб (по образцу, изложенному в приказе 23 сентября этого же года № 92 и созданному при генерал-интенданте флота). В нем предполагалось иметь старшего адъютанта и 4 писарей [15, с. 217].

Однако очевидно, что формирование арестантских батальонов себя не оправдало, так как держать такое значительное по своему составу подразделение в одном месте было нерационально: для него могло не оказаться достаточно работы. Разделение же таких батальонов на более мелкие подразделения позволяло разместить их в различных пунктах с подчинением конкретным местным начальствам, на которых и возлагалась ответственность за производство арестантами тех или иных работ. В связи с чем уже 2 декабря 1831 г. за № 4979 был принят указ «Об учреждении в Черноморских Портах, вместо Арестантских батальонов, Арестантских рот». Само название «арестантских батальонов», согласно указу, предлагалось вообще «уничтожить». А вот ротам, которые составляли первый батальон, было решено присвоить номера, следующие после Балтийских рот – с 11 по 19; ротам же, составляющим 2-й батальон – с 19 по 27.

Кроме того, указ предписывал данные роты сравнивать во всем с положением Балтийских арестантских рот (то же обмундирование, что арестантам, нижним чинам и офицерам, жалование). Также предусматривалось офицерам Балтийских арестантских рот, имевших к производству общую линию с офицерами Ластовых экипажей, иметь свою особую линию вместе с офицерами арестантских рот Черноморского флота. А штаб-офицерам, командующими несколькими арестантскими ротами, в одном в каком-либо порту расположенными, производить жалование независимо от чинов до 900 руб. в год [16, с. 239]. К этой же категории можно отнести указ от 31 мая 1835 г. за № 8194 «О жаловании Прапорщикам морских арестантских рот», им устанавливался годовой оклад в 510 руб. [17, с. 671]. Следует указать, что в выше упоминаемых нормативно-правовых актах не было упоминаний о наличии в составе арестантских рот прапорщиков, но, очевидно, потребность в их использовании и привлечении возникла в ходе их деятельности.

Указ от 2 декабря 1831 г. был также усилен принятым в его развитие указа от 10 мая 1833 г. за № 6196 – «Правила на счет производства Инспекторских смотров Ластовым и Рабочим Экипажам Черноморского Флота». Им, в частности, предписывалось, что данные подразделения должны осматриваться в сроки, определенные для бригадных командиров ближайшими их начальниками, а именно – 2 раза в год перед навигацией и перед ее окончанием. В Севастополе таким командиром был капитан над портом [18, с. 264].

Следует также упомянуть, что усиление контроля порядка в деятельности арестантских рот в Черноморском флоте было необходимо еще и в связи с увеличением их численности. Так, в 1834 г. за № 7302 вышел указ «О присвоении четырем морским Арестантским ротам в Севастополе № 27, 28, 29 и 30». Данные номера присваивались вновь создаваемым в Севастополе четырем морским арестантским ротам, предназначенных для усиления работ, по сооружению сухих доков [19, с. 798].

Учитывая увеличение состава арестантских рот, законодатель озаботился и их регулярным наполнением. В связи с чем последующие указы еще более расширили круг осужденных отправляемых в арестантские роты. Так, 21 января 1836 г. за № 8799 вышел указ «Об отправлении в арестантские роты порочных нижних чинов не из дворян». Им данная категория осужденных направлялась в такие роты либо на определенный в приговоре срок или навсегда. Ранее же практиковалась практика отправки их на рудники в Нерчинск [20, с. 68–69].

7 октября 1837 г. за № 10571 принят указ «О распределении в арестантские роты нижних чинов войск Кавказского корпуса, по приведении над ними по приговору суда наказания». Им, в частности, Грузинского линейного № 2 батальона рядового Казимира Юркевича и еще 7 человек нижних чинов войск отдельного Кавказского корпуса, признанных судом виновными в намерении бежать за границу, по исполнении определенного наказания предписывалось отправить всех в крепость Севастополя для определения в местные арестантские роты. В случае возникновения подобных ситуаций и в дальнейшем предписывалось и с остальными осужденными поступать так же [21, с. 766]. Следует указать, что в Кавказском регионе, где арестанты и осужденные могли сбежать к противнику – горцам, туркам и т. д., арестантские роты не применялись, поэтому и был во многом принят данный указ.

Впрочем, расширение круга осужденных, отправляемых в арестантские роты, не приводило к их переполнению, так как уже 1 декабря 1837 г. за № 10760 был принят именной указ «О сформировании в крепости Севастополь четырех арестантских рот». Появление данного документа на свет обуславливалось необходимостью успешного производства в крепости Севастополя экстренных работ, для чего и формировались там, временно, еще 4 арестантских роты усиленного состава.

Офицеров в данные подразделения требовалось назначить по распоряжению инженерного начальства, из числа состоящих в военно-рабочих ротах сверх комплекта, а нижних чинов – из корпуса внутренней стражи. Необходимое же для этих рот количество арестантов, согласно положению об арестантских ротах Инженерного ведомства от 13 ноября 1833 г., предписывалось выслать по сношению с МВД, и из ближайших мест, по распоряжению военного начальства, утверждающего приговоры над нижними чинами, с назначением их в крепостную работу.

Формируемые вновь арестантские роты предписывалось содержать на средства, ассигнуемые Инженерному департаменту, на Севастопольские крепостные работы. Самим же ротам присваивались номера, соответствующие всем вообще арестантским ротам Инженерного ведомства (№47, 48, 49 и 50) [22, с. 949].

Развитие данных подразделений и их активное использование продолжалось и в дальнейшем. Так, согласно принятому 11 мая 1839 г. за № 12333 указу «О соединении двух арестантских рот, находящихся в Ревеле, о сформировании таковой же роты в Киеве и о перемене номеров других арестантских рот», были изменены присвоенные таким подразделениям соответствующие номера от № 10 до 34 [23, с. 433]. В то же время, по действующим штатам, в Севастополе располагались арестантские роты под номерами 37, 38, 47, 48, 49, 50. Как видим, созданные в 1837 г. роты были сохранены [24, с. 146]. Всего же по всей стране было 51 арестантских рот.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Российской империи форма наказания военнослужащих в виде привлечения к тяжелым работам была введена еще Петром I в его Уставе Воинском. Однако дальнейшего развития эта форма наказания не получила вплоть до начала XIX века. Именно в первой половине XIX века создаются и развиваются как правовые основы деятельности подобных подразделений, так и сами такие подразделения. Первоначально это были военно-рабочие подразделения, которые применялись вместе с трудом обычных солдат и осужденных на различных строительных работах, носящих в основном военный характер. Важнейшей правовой основой для деятельности подобных подразделений стало принятое 26 сентября 1826 г. «Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты» (№ 598) с изданным в виде дополнения к нему «Положение о военных арестантских ротах». С их принятием наличие арестантских рот, как сухопутных, так и военно-морских, в российской армии стало нормой.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. 5. 1713–1719. – СПб., 1830. – 780 с.
2. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXVIII. 1804–1805. – СПб., 1830. – 1328 с.
3. Евгений Жиринов. Порочных людей столь много, что они развращают добрых и молодых солдат // Власть. – № 7.
4. Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. XXIX. 1806–1807. – СПб., 1830. – 1372 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. XXXIII. 1815–1816. – СПб., 1830. – 1173 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. XXXV. 1818. – СПб., 1830. – 674 с.
7. Государственный архив Республики Крым, ф. 36, оп. 1, д. 124. Подлинные определения тюремного замка. 1860 г. 106 л.
8. Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. XXXVIII. 1822–1823. – СПб., 1830. – 1354 с.
9. Петухов Н. А. История военных судов России. Под ред. с предисл. д. ю. н., проф. В. М. Лебедева / Н. А. Петухов. – М.: НОРМА, 2003. – 352 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I. С 12 декабря 1825 по 1827. – СПб., 1830. – 1204 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. XXXI. 1810–1811. – СПб., 1830. – 944 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II. 1827. – СПб., 1830. – 1138 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IV. Отделение первое. 1829. – СПб., 1830. – 968 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. Отделение первое. 1830. – СПб., 1831. – 594 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. Отделение второе. 1831. – СПб., 1832. – 360 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VI. Отделение первое. 1831. – СПб., 1832. – 834 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Отделение первое. 1835. – СПб., 1836. – 912 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VIII. Отделение первое. 1833. – СПб., 1834. – 832 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. Отделение 1. 1834. – СПб., 1835. – 891.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XI. Отделение первое. 1836. – СПб., 1837. – 893 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. Отделение первое. 1837. – СПб., 1838. – 822 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. Отделение второе. 1837. – СПб., 1838. – 1067 с.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение первое. 1839. – СПб., 1840. – 1185 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение второе. 1839. – СПб., 1840.

Kurabtseva A.P. Creation prisoner companies of military and naval department in the Russian empire // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – Р. 33 – 49.

As be obvious from the presented material, in the Russian empire the form of punishment of servicemen as bringing in to the fags was entered yet by Peter I in his Charter Military. However further development this form of punishment did not get up to beginning of XIX of century. Both legal frameworks of activity of similar subdivisions and such subdivisions are created exactly in the first half of the XIX century and develop. Originally these were military-working subdivisions, that were used together with labour of ordinary soldiers and convict on different construction-works, carrying military character mainly. By major legal framework for activity of similar subdivisions became accepted on September, 26 1826 "Statute for education of fortress prisoners in prisoner companies" (№598) with published as adding to him "Statute about soldiery prisoner companies". With their acceptance presence of prisoner companies both land and naval in the Russian army became a norm.

Keywords: prisoner companies, army, fleet, Russian empire, decree, position.

Spisok literaturey:

1. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649 goda. t. 5. 1713-1719. – spb., 1830. – 780 s.

2. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii s 1649 g. t. xxviii. 1804–1805. – spb, 1830. – 1328 s.
3. Evgenij Zhirnov. porochnyx lyudej stol mnogo, chto oni razvrashhayut dobryx i molodyx soldat // vlast. – №7.
4. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649. t. xxix. 1806–1807. – spb., 1830. – 1372 s.
5. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649 g. t. xxxiii. 1815–1816. – spb, 1830. – 1173 s.
6. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649 g. t. xxxv. 1818. – spb, 1830. – 674 s.
7. Gosudarstvennyj arxiv respubliky krym, f. 36, op. 1, d. 124. podlinnye opredeleniya tyuremnogo zamka. 1860 g. 106 l.
8. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649. t. xxxviii. 1822–1823. – spb., 1830. – 1354 s.
9. Petuxov N.A. istoriya voennyx sudov rosii. pod red. s predisl. d.yu.n., prof. v.m. lebedeva. – M.: norma, 2003. – 352 s.
10. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. i. s 12 dekabrya 1825 po 1827. – spb., 1830. – 1204 s.
11. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. s 1649 g. t. xxxi. 1810–1811. – spb, 1830. – 944 s.
12. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. ii. 1827. – spb., 1830. – 1138 s.
13. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. iv. otdelenie pervoe. 1829. – spb., 1830. – 968 s.
14. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. v. otdelenie pervoe. 1830. – spb., 1831. – 594 s.
15. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. vi. otdelenie vtoroe. 1831. – spb., 1832. – 360 s.
16. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. vi. otdelenie pervoe. 1831. – spb., 1832. – 834 s.
17. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. x. otdelenie pervoe. 1835. – spb., 1836. – 912 s.
18. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. viii. otdelenie pervoe. 1833. – spb., 1834. – 832 s.
19. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. ix. otdelenie 1. 1834. – spb., 1835. – 891.
20. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. xi. otdelenie pervoe. 1836. – spb., 1837. – 893 s.
21. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. xii. otdelenie pervoe. 1837. – spb., 1838. – 822 s.
22. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. xii. otdelenie vtoroe. 1837. – spb., 1838. – 1067 s.
23. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. xiv. otdelenie pervoe. 1839. – spb., 1840. – 1185 s.
24. Polnoe sobranie zakonov rossijskoj imperii. sobranie vtoroe. t. xiv. otdelenie vtoroe. 1839. – spb., 1840.

УДК 342.41(470)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА АВТОНОМНЫХ ОКРУГОВ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются особенности правового статуса автономных округов в Советский период. Анализируются полномочия нормотворческих органов автономных округов по Конституциям СССР, Конституциям РСФСР и другим нормативно-правовым актам того периода. Рассматриваются особенности нормотворческой деятельности автономных округов, связанные с их уникальной особенностью по вхождению в состав краевых объединений. Особенности правового статуса автономных округов анализируются исходя из происходивших изменений в правовом статусе автономий через расширение нормотворческих полномочий и взаимоотношений с центральными органами власти. Рассматриваются ключевые отличия правового статуса национальных округов от обычных административно-территориальных областей РСФСР и автономных областей, которые также являлись административным автономиям.

Ключевые слова: субъект нормотворческой деятельности, нормотворческие органы, автономия, разделение полномочий, конституция, нормотворчество, правовой статус, нормотворческие полномочия, нормативно-правовые акты.

Российское государственное устройство еще далеко от совершенства. Одним из ключевых вопросов при совершенствовании государственного устройства является вопрос построения гибкой модели взаимоотношений федерального центра с регионами, учитывающей интересы всех субъектов правоотношений. Сложности этому процессу придает количество и разнообразие входящих в него субъектов федерации, каждый из которых обладает уникальными особенностями. Отдельное внимание заслуживают автономные округа, так как субъекты федерации этого вида подверглись наибольшему видоизменениям, о чем свидетельствует уменьшение их количества с десяти в начале 90-х до четырех в настоящее время. Решение этих и многих других вопросов невозможно без анализа и учета богатого исторического опыта в этой сфере Российского государства в советский период.

Целью работы является исследование особенностей правового статуса автономных округов в советский период, посредством анализа полномочий нормотворческих органов автономных округов, отличающих их от автономных областей и обычных административно-территориальных областей РСФСР. Рассмотрение специфики нормотворческой деятельности автономных округов. Рассмотрение особенностей во взаимоотношениях автономных округов с центральными органами государственной власти.

При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: О. Е. Кутафина, Д. Л. Златопольского, Н. Я. Куприцы,

А. И. Денисовой, И. Д. Левина, А. В. Андреева, А. И. Потапова и др. В работах этих авторов, прямо или косвенно касающихся поставленной темы, анализ в рассматриваемом аспекте до сих пор не проводился.

Автономные округа занимали последнее звено в структуре автономных образований РСФСР. И, хотя впервые термин автономный округ появился в Конституции СССР 1977 г. (до 1977 г. автономные округа назывались национальными), первый автономный округ был образован на территории РСФСР еще в 1925 г. в виде Коми-Пермяцкого национального округа. В последующие годы такая форма национально-территориального самоопределения малых народностей Севера, являющейся одной из форм реализации национальной политики Советского государства, получила широкое распространение. В 1929 г. был образован Ненецкий округ; в 1930 г. – Витимо-Олекминский, Корякский, Остяко-Вогульский, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Чукотский, Эвенкийский, Ямало-Ненецкий; в 1937 г. – Карельский, Агинский Бурят-Монгольский и Усть-Ордынский.

Юридической основой образования национальных административных объединений в виде национальных округов служило принятое 10 декабря 1930 года Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» [1, с. 224–226].

Национальные округа существовали только в рамках РСФСР и служили для приобщения наиболее малочисленных и отсталых народностей Севера к государственному строительству и изначально создавались как территориальные единицы, входящие в края и области. В утвержденном Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 20 апреля 1932 г. – «Положении об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР» [2] – было императивно зафиксировано, что национальные округа входят в состав краев, областей, а также и автономных республик. На значимость организации национальных округов на Севере для Советской власти указывало принятое 30 сентября 1931 года постановление Президиума ВЦИК, в котором отмечалось, что их образование будет необходимой почвой для ускорения подтягивания народностей Севера на высшую ступень [3].

Первое упоминание о национальных округах на конституционном уровне относится к Конституции СССР 1936 г. в связи с установлением норм представительства в Совете Национальностей (в Совет Национальностей избиралось от каждого национального округа по 1 депутату). Более детальное закрепление правового статуса национальных округов получили через год в принятой Конституции РСФСР 1937 г.

Следует отметить, что в то время как Совет депутатов трудящихся каждой автономной области представлял на утверждение Верховного Совета РСФСР «Положение об автономной области», учитывающее национальные особенности каждой автономной области, то в отношении национальных округов такой индивидуальности не было, и Верховный Совет РСФСР самостоятельно принимал одно «Положение о национальных округах», распространяющееся на все национальные округа РСФСР.

Нормотворческая деятельность высших органов власти национальных округов, съездов Советов и исполкомов, аналогично подобным в автономных областях, ограничивалась постановлениями и распоряжениями. В «Положении об окружных

съездах Советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР» достаточно детально закреплялась своеобразная система «сдержек и противовесов» во взаимоотношениях как между краем и входящим в него национальным округом, так и между национальным округом и центральными органами власти РСФСР. Постановления окружных съездов могли быть отменены, изменены или приостановлены вышестоящими съездами и их исполкомами, а также Президиумом ВЦИК (п. 16), а в исключительных случаях даже президиумами краевых, областных исполкомов или президиумами ЦИКов автономных республик (п. 17). Окружные исполкомы были непосредственно подчинены краевым, областным исполкомам или ЦИКа и совнаркомом автономных республик (п. 19). Постановления окружных исполкомов и их президиумов могли быть отменены, изменены или приостановлены вышестоящими съездами, краевыми, областными исполкомами и их президиумами, республиканскими ЦИКа и их президиумами, совнаркомом, равно как и ВЦИК, его Президиумом и СНК РСФСР (п. 20).

При этом окружным исполкомам и их президиумам были предоставлены специальные права: а) входить во ВЦИК и СНК РСФСР с представлениями об отмене или изменении актов краевых, областных исполкомов, республиканских ЦИКов и совнаркомов в случае противоречия этих актов «особым условиям» национальных округов; б) приостанавливать распоряжения отделов краевых, областных исполкомов, республиканских наркоматов в тех случаях, когда эти распоряжения не соответствуют особым условиям национальных округов с одновременным информированием об этом того органа, чье распоряжение приостановлено, а также краевого, областного исполкома, республиканских ЦИКов и совнаркомов. В случае подтверждения своих распоряжений указанными органами, окружные власти были обязаны немедленно предпринять все действия, необходимые к их исполнению (п. 21) [3].

По сравнению с автономными областями права национальных округов в составе сложносоставных территориальных образований были существенно уже, но в то же время по объему прав и нормотворческих полномочий они отличались и от обычных административно-территориальных единиц. Отличия эти в большей степени были вызваны особенностями нахождения национальных округов в составе сложносоставных территориальных образований. Перечислим основные отличия правового статуса национальных округов от обычных административно-территориальных единиц:

- правовой статус всех национальных округов регулировало единое «Положение о национальных округах», принимаемое Верховным Советом РСФСР;
- национальные округа имели непосредственное представительство в высших органах государственной власти СССР;
- обладали правом, в случае противоречия постановлений краевых или областных ВЦИК и СНК особым условиям национальных округов, входить во ВЦИК и СНК РСФСР с представлением об отмене или изменении этих постановлений;
- все государственные органы, школы, театры, и другие государственные и социально-культурные учреждения национальных округов организовывались и действовали на языках коренного населения;
- свод бюджетов национальных округов включался в общий свод бюджетов края, области или автономной республики как самостоятельная часть;

- планы развития народного хозяйства на территории округов включались в республиканские или краевые планы в качестве особой их части.

Однако несмотря на столь существенные отличия национальных округов от обычных административно-территориальных единиц, в научных кругах, рассматривающих данную проблематику, существовали диаметрально противоположные мнения относительно правового статуса первых. Одна группа ученых считала, что национальные округа по своему правовому статусу в отличие от автономных республик и автономных областей не являются субъектами РСФСР, а относятся к обычным административно-территориальным единицам. Такой точки зрения придерживался А. М. Халилов. Его позиция основывалась на том, что советская федерация – союз равных, ее важнейший принцип – равноправие субъектов. Поэтому, если национальные округа считать субъектами федерации, пришлось бы отрицать этот принцип, поскольку автономные республики как субъекты РСФСР обладают более широким кругом прав, нежели национальные округа. Он подчеркивал, что представительство национальных округов в Совете Национальностей Верховного Совета СССР не имело абсолютно никакого отношения к вопросу о субъектах РСФСР, поскольку речь шла о представительстве в органах Союза ССР, а не РСФСР [4, с. 76 –77].

Другой точки зрения придерживалась А. В. Андреева. Она приводила ряд факторов, которые, по ее мнению, определяют правовой статус национальных округов как субъектов РСФСР.

Первый из этих факторов был связан со своеобразием правовой природы РСФСР. Будучи федерацией, РСФСР основывалась на началах советской автономии, поэтому ее субъектами выступали автономные государства и автономные образования, в том числе национальные округа.

Во-вторых, она указывала, что Конституция РСФСР 1918 г. называла субъектами федерации автономные областные союзы, которые на практике принимали разнообразные формы: автономные области, трудовые коммуны, национальные округа.

В-третьих, она считала необходимым учитывать цели и задачи, которые преследовались созданием национальных округов. Так, Положение об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР, утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 апреля 1932 г., устанавливало, что задачами окружных Советов и их исполнительных комитетов в числе прочих являются вовлечение широких трудящихся масс в непосредственное и активное участие в государственном управлении, проведение в жизнь национальной политики советской власти [5]. Следовательно, создание национальных округов происходило в рамках и на основе принципов национально-государственного строительства в советской федерации.

В-четвертых, она полагала, что исключение национальных округов из числа субъектов РСФСР автоматически «перебрасывает» их в разряд административно-территориальных единиц, что, учитывая особенности правового статуса национальных округов по отношению к обычным административно-территориальным единицам, рассмотренным выше, будет неуместно.

Однако главным аргументом, по мнению А. В. Андреевой, выступало представительство национального округа в качестве субъекта социалистической федерации в Совете Национальностей Верховного Совета СССР, которое обеспечивало малым народностям реальную возможность участвовать в решении общегосударственных вопросов и позволяло учитывать в деятельности высшего органа государственной власти страны их национальные интересы и особенности [6].

Несмотря на всю аргументированность позиции как за признание национальных округов субъектами РСФСР, так и против, следует отметить, что регламентация правового статуса национальных округов была осуществлена недостаточно четко и определить правоту одной из сторон не представлялось возможным.

Ясности в этом вопросе внесли принятая в 1977 г. новая Конституция СССР и принятая годом позже Конституция РСФСР, переименовав национальные округа в автономные, тем самым четко определив автономный статус последних. Также изменилась и форма акта, который должен был регулировать правовой статус автономных округов. Таким актом теперь был Закон об автономных округах, который принимался Верховным Советом союзной республики. В отличие от законов об автономных областях, которые принимались для каждой автономной области по представлению соответствующего областного Совета народных депутатов индивидуально, правовой статус всех автономных округов по-прежнему регламентировался единым законом. Такой закон был принят Верховным Советом РСФСР 20 января 1980 г. В законе подробно определялся правовой статус всех автономных округов [7].

О повышении правового статуса автономных округов свидетельствует и тот факт, что в Конституции РСФСР 1978 г. впервые присутствовал их перечень. Также в Конституции регламентировалась деятельность местных органов государственной власти и управления округа. Нормотворческие функции и представительство в Совете Национальностей осталось без изменений – 1 представитель от каждого автономного округа. Таким образом, к концу 70-х гг. окончательно выработался и закрепились правовой облик автономных округов и объем полномочий нормотворческих органов.

Для более детального анализа правового статуса автономных округов с учетом внесенных в него изменений необходимо провести его сравнение с правовым статусом автономных областей, которые также являлись административным автономиям. К ключевым отличиям относилось следующее:

- автономные области были поименно названы в Конституции СССР и в конституции союзной республики; автономные округа в Конституции СССР не перечислялись;
- утверждение новых областей относилось к ведению СССР; в отношении автономных округов этого условия не предусматривалось;
- Конституцией был предусмотрен отдельный закон о каждой автономной области; в отношении округов принимается один закон об автономных округах;
- закон об автономной области принимался Верховным Советом союзной республики по представлению Совета народных депутатов автономной области; в отношении закона об автономных округах такого условия не предусматривалось;
- если Совет края, в который входила автономная область, не мог отменить решение Совета автономной области, то в отношении решения Совета автономного округа таким правом он не обладал, а исполком областного краевого Совета мог отменить решение исполкома и приостановить решение Совета автономного округа [8, с. 272].

А. И. Потапов подчеркивал, что правовой статус автономного округа как субъекта РСФСР подтверждается характером его взаимоотношений с органами государственной власти и управления федерации. Это выражалось в том, что, во-первых, высшие органы государственной власти РСФСР устанавливали основы правового статуса организации и деятельности его государственных органов, осуществляли руководство административно-территориальным устройством, разрабатывали основные задачи и направления экономического и социально-культурного развития малых народностей. Во-вторых, Совет Министров РСФСР руководил работой ис-

полнительно-распорядительного аппарата окружных Советов как через областной, краевой исполком, так и непосредственно, определял основные направления развития хозяйства и культуры автономных округов, оказывал всемерную помощь в развитии традиционных отраслей хозяйства, национальной культуры малых народностей. В-третьих, министерства и ведомства Российской Федерации осуществляли государственное управление в различных отраслях хозяйственного и социально-культурного строительства, направляли и контролировали деятельность исполкомов окружных Советов, организовывали материально-техническое снабжение округов и подготовку специалистов для всех отраслей хозяйства и культуры.

Относительно спорного вопроса о равноправии субъектов федерации А. И. Потапов полагал, что его нельзя ставить абстрактно, а следует говорить о равных правах только относительно одинаковых видов субъектов РСФСР [9, с. 67–73].

Впоследствии в Конституцию РСФСР вносились изменения, но они носили незначительный характер, в результате чего правовой статус автономных образований и объем нормотворческих полномочий их органов существенно не менялось вплоть до распада СССР.

С учетом того, что автономные округа просуществовали до момента распада СССР эволюцию их правового статуса можно разделить на три этапа, которые охватывают следующие временные рамки: 1928–1938, 1938–1955, 1955–1980 гг. Если первые два из этих этапов по своим основным характеристикам и процессам можно обозначить как возникновение и формирование автономных округов, их правового статуса и структуры управления органов власти и взаимодействия с вышестоящими структурами, то последний приходится на середину 50-х гг. XX ст. – первую половину 80-х гг. XX ст. и характеризуется расширением полномочий их органов власти. К концу третьего этапа окончательно выработался и закрепился правовой облик автономных образований и объем их нормотворческих полномочий.

В 30-х годах выработалась, а в 80-х окончательно закрепились трехуровневая структура автономных образований РСФСР, обладающих различным правовым статусом. Автономные республики, как наиболее широкая формы автономии в СССР, наделялись и наиболее широкими полномочиями: правом принимать законы, правом более существенно влиять на законотворческую деятельность СССР через представителей в Союзном Совете и Совете Национальностей СССР, а также другими полномочиями, которых не было у органов власти других форм автономных образований СССР. Второй и третий уровни в структуре автономных образований РСФСР занимали автономные области и автономные округа, правовой статус которых был не столь однозначен. Во многом такая неоднозначность была вызвана вхождением автономных областей и национальных округов в краевые объединения. Правовой статус национальных (автономных) округов в сравнении со статусом автономных областей был существенно уже, но в то же время по объему прав и полномочий они отличались от обычных административно-территориальных единиц, что позволяло им приобщаться к советскому государственному строительству, гармонично развиваться и сохранять свою специфику.

Список литературы:

1. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937) // Издательство «Ведомостей Верховного Совета РСФСР». – М., 1940. – 299 с.
2. Собрание узаконений РСФСР, 1932. – № 39. – ст. 176.
3. Собрание узаконений РСФСР, 1931. – № 60. – ст. 137.
4. Халилов А. М. РСФСР – социалистическое федеративное государство / А. М. Халилов. – Казань, 1967. – С. 76–77.

5. Местные органы государственной власти: справочник для работников Советов и исполнительных комитетов. – М., 1933. – С. 127.
6. Андреева А. В. Организация и развитие советской государственности в национальных округах // А. В. Андреева, Представительные органы социалистических стран. – Иркутск; Улан-Батор, 1976. – С. 36–40.
7. Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1980. – № 48. – ст. 1594.
8. Кутафин О. Е. Российская автономия: Монография / О. Е. Кутафин. – М. : Проспект, 2006. – 768 с.
9. Потапов А. И. Автономный округ в системе национально-государственной организации РСФСР // А. И. Потапов, Теоретические проблемы советского государственного права в условиях новейшего конституционного законодательства. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1979. – 295 с.

Sharmoyants A. Features of the legal status autonomous national regions in the Soviet period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 50–56.

In the work one researches the peculiarities of the legal status of autonomous national regions in the Soviet period. There are analyzed the powers of law-making bodies of the autonomous national regions to the USSR Constitution, the Constitution of the Russian Soviet Federal Socialist Republic (RSFSR) and other normative legal acts of the period. We consider features rulemaking autonomous national regions, associated with their unique feature on joining into the regional associations. Features of the legal status of autonomous national regions is analyzed on the basis of the happening changes taking place in the legal status of autonomy by extending lowmaking powers and relations with the central authorities. We consider the key differences of the legal status of autonomous national regions from ordinary administrative-territorial areas of the RSFSR and the autonomous areas, which is also the administrative autonomy.

Keywords: lowmaking subject, lowmaking organs, autonomy, division of powers, constitution, lowmaking, legal status, lowmaking powers, normative legal acts.

Spisok literatury

1. Konstitutsii i konstitutsionnyie aktyi RSFSR (1918-1937), Izdatelstvo «Vedomostey Verhovnogo Soveta RSFSR». М. 1940. 299 p.
2. Sobranie zakonov RSFSR, 1932, No. 39. art. 176.
3. Sobranie zakonov RSFSR, 1931, No. 60. art. 137.
4. Halilov A. M. RSFSR – sotsialisticheskoe federativnoe gosudarstvo. – Kazan, 1967, pp. 76–77.
5. Mestnyie organy gosudarstvennoy vlasti: spravochnik dlya rabotnikov Sovetov i ispolnitelnykh komitetov, М, 1933, pp. 127.
6. Andreeva A. V. Organizatsiya i razvitie sovetsoy gosudarstvennosti v natsionalnykh okrugakh, A. V. Andreeva, Predstavitelnyie organy sotsialisticheskikh stran. – Irkutsk; Ulan-Bator, 1976, pp. 36–40.
7. Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR, 1980, No. 48. art. 1594.
8. Kutafin O. E. Rossiyskaya avtonomija: Monografiya, O. E. Kutafin, М.: Prospekt, 2006, 768 p.
9. Potapov A. I. Avtonomnyiy okrug v sisteme natsionalno-gosudarstvennoy organizatsii RSFSR, A. I. Potapov, Teoreticheskie problemyi sovetsoy gosudarstvennogo prava v usloviyakh noveyshego konstitutsionnogo zakonodatelstva. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov, Sverdlovsk, 1979, 295 p.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.351

**ОБМАН И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОВЕРИЕМ
КАК СПОСОБ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА**

Бугаев В. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья рассматривает уголовно-правовое содержание обмана и злоупотребления доверием как самостоятельные обязательные признаки объективной стороны причинения имущественного ущерба, их особенности, проблемные вопросы установления и анализа видов и форм в процессе выполнения объективной стороны и влияние на разграничения с другими смежными составами хищений, а также различные научно-теоретические подходы к разрешению спорных проблем в исследовании этих признаков объективной стороны преступлений против собственности. Обман и злоупотребления доверием в анализируемом преступном деянии по своей сути такие же, как и в мошенничестве. Разница состоит в том, какова конечная цель виновного лица, использующего эти способы. В мошенничестве специфика обмана и злоупотребления доверием заключается в том, что они направлены на завладение имуществом или получение права на имущество. Во время причинения имущественного вреда эти способы виновный использует с целью временного заимствования имущества потерпевшего или уклонения от передачи оплаты за предоставленные потерпевшим невещные объекты собственности.

Ключевые слова: обман, злоупотребление доверием, способ совершения преступления, предмет преступления, собственность, право собственности, имущественный ущерб, мошенничество, преступления против собственности.

Теория учения о преступлении способ совершения преступления относит к признакам объективной стороны, которая характеризуется также общественно опасным деянием (действием или бездействием), общественно опасными последствиями и причинной связью между ними, местом, временем, обстановкой, орудиями и средствами совершения преступления [1, с. 183–184]. В целом объективная сторона преступления представляет собой внешний осознанный и волевой акт преступного поведения, протекающий в определенных условиях, месте, времени и обстановке, т. е. это внешнее проявление общественно опасного посягательства (внешняя, видимая сторона преступления, которая подлежит непосредственному восприятию, доступная для воспроизведения в ходе расследования преступления и судебного разбирательства дела) на тот или иной объект, находящийся под охраной уголовного закона [2, с. 9–10].

Исходя из конструкции ст. 165 УК РФ «причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере», объективная сторона этого преступления включает четыре обязательных признака:

- 1) деяние, причинившее имущественный вред собственнику или иному владельцу;
- 2) определенный способ деяния: путем обмана или злоупотреблением доверием;
- 3) наличие последствий в виде имущественного ущерба в крупном размере;
- 4) причинная связь между преступными действиями виновного и последствиями в виде имущественного вреда.

В данной статье для нас особый интерес представляет содержание способа совершения этого преступления, поскольку он является обязательным признаком активной стороны исследуемого преступления. Законодатель связывает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 165 УК с причинением имущественного ущерба конкретными способами: путем обмана или злоупотребления доверием.

Содержание обмана и злоупотребления доверием в анализируемом преступном деянии такое же, как и в мошенничестве [3, с. 434]. Разница состоит в том, какова конечная цель виновного лица, использующего эти способы. В мошенничестве специфика обмана и злоупотребления доверием заключается в том, что они направлены на завладение имуществом или получение права на имущество. Во время причинения имущественного вреда эти способы виновный использует с целью временного заимствования имущества потерпевшего или уклонения от передачи оплаты за предоставленные им невещные объекты собственности.

Обман заключается в сообщении потерпевшему ложной (не отвечающей фактической действительности) информации или сокрытии достоверных сведений, сообщение которых имело бы существенное значение для поведения потерпевшего, с целью введения в заблуждение потерпевшего. Таким образом, обман может иметь как активный (сообщение потерпевшему ложных сведений о достоверных фактах, обстоятельствах, действиях), так и пассивный (умышленное замалчивание о юридически значимой информации) характер. По форме выделяют словесный обман (устный или письменный) и обман действиями.

При причинении имущественного вреда обман чаще всего применяется виновным во время совершения преступления в форме уклонения от передачи оплаты за предоставленные пострадавшим невещные объекты собственности. Причем, исходя из судебно-следственной практики, такие действия совершаются путем активных действий. Обман при этом направлен на создание у потерпевшего ошибочного представления об отсутствии у виновного обязанности осуществления оплаты за полученное невещное имущество полностью или частично.

Наиболее распространенными во время уклонения от оплаты за невещное имущество являются обманы: о личности и ее статусе (представление справок о наличии льгот); относительно количества полученных благ (техническое вмешательство в работу приборов учета потребляемой электроэнергии, воды, газа и т. д.); относительно событий или действий (получение заработной платы определенного размера).

В подавляющем большинстве случаев виновный при активном обмане для уклонения от оплаты за невещное имущество использует письменную форму. Так, часто виновные лица подают подделанные справки о начисленной и полученной заработной плате, справки и удостоверения об инвалидности, удостоверения участников войны, афганцев, чернобыльцев. Действия этих лиц в таких случаях не охва-

тываются лишь ст. 165 УК, а нуждаются в дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ.

Получение имущества или денежных средств с использованием льгот, на которые виновное лицо не имело права, следует относить к уклонению от передачи надлежащего имущества. Анализируемое деяние состоит в том, что виновный не передает владельцу путем незаконного использования льгот надлежащих денежных средств или иного имущества. Например, при обманном получении беспроцентного займа или займа с уменьшенными процентными ставками, предоставляемыми отдельным категориям граждан (молодым семьям и т. п.). В этом случае имеет место не выведение из фонда собственника финансовых ресурсов в виде определенных доплат (что характерно для хищения), а, наоборот, их непоступление в указанные фонды вследствие неоплаты (неполной оплаты) за пользование денежными средствами (имуществом) собственника.

Поэтому в целом при уголовно-правовой оценке подобных имущественных преступлений необходимо обращать особое внимание на механизм причинения имущественного ущерба. Он может осуществляться путем изъятия имущества из фонда владельца, при котором владелец добровольно передает определенное имущество и, таким образом, происходит уменьшение имущественных фондов собственника или путем уклонения от оплаты за предоставленные услуги или другое невещное имущество.

Причинение имущественного ущерба, предусмотренного ст. 165 УК, имеет место тогда, когда имущество из фонда собственника (например, взятый кредит) не изымается. Кредит возвращается в полном размере, однако виновный уклоняется от оплаты за предоставленную банком услугу (использование несуществующих льгот и т. п.). Если же посредством обмана или злоупотреблением доверием изымается имущество из фонда собственника (надбавка к пенсии, лекарство в приведенных примерах), имеет место мошенничество – деяние, предусмотренное ст. 159 УК РФ.

Преступление, предусмотренное ст. 165 УК, может совершаться и путем использования пассивного обмана. Вести речь о пассивном обмане можно лишь в случае, когда виновное лицо было обязано сообщить те или другие ведомости, однако не выполнило свою обязанность, имея реальную возможность это сделать.

Так, неуведомление гражданами о том, что счетчики потребления коммунальных услуг (электроэнергии, газа, воды и т. п.) испорчены и их потребление не учитывается, является ярким примером невыполнения потребителями возложенной на них обязанности сообщения о поломке приборов учета. Согласно договорам на потребление различных видов коммунальных услуг, в обязанность потребителей вменяется сообщать поставщику о поломке приборов учета. В свое время профессор Харьковского юридического института Н. И. Панов отмечал, что пассивный обман во время преступного причинения имущественного ущерба заключается не только в уклонении лица от оплаты за предоставленное невещное имущество, а и в неуведомлении о необходимости осуществления им соответствующей оплаты [4, с. 25]. Это утверждение является обоснованным и подлежит учету правоприменительной практикой и в настоящее время.

Во время законного потребления электроэнергии потребители могут совершать и другие действия, которые ведут к уменьшению суммы, которую необходимо заплатить за потребленную электроэнергию. Такие действия состоят в безучетном

потреблении электроэнергии путем изменения схемы включения приборов учета; повреждении приборов учета или изменении их показателей; неправильной передаче показателей приборов учета с целью искажения расчетных данных. Все перечисленные действия также следует рассматривать как обман, поскольку не сообщаются данные, сообщить которые потребитель обязан, или же сообщаются неправдивые данные.

Представляет практический интерес квалификация самовольного подключения и использования электроэнергии. Так как в диспозиции ст. 165 УК речь идет о причинении имущественного ущерба четко определенными способами – путем обмана или злоупотребления доверием, – возникает вопрос, можно ли самовольное подключение к электросетям отнести к обману или злоупотреблению доверием? Здесь следует учитывать, что во многих теоретических источниках, в том числе комментарии к УК (ответ. ред. В. М. Лебедев), обращается внимание, что не могут быть предметом хищения объекты интеллектуальной собственности, а также электрическая и тепловая энергия [5, с. 396]. Поскольку электроэнергия не может быть предметом хищения, то, соответственно, в правоприменительной практике бесплатное ее использование при самовольном подключении следует квалифицировать по ст. 165 УК, рассматривая это как специфическую форму обмана.

Определенную дискуссию на теоретическом уровне вызывает соотношение злоупотребления доверием и обмана: является ли злоупотребление доверием самостоятельным способом преступления или это разновидность обмана. Доминирующей является позиция о непризнании злоупотребления доверием разновидностью обмана. Здесь следует иметь в виду, что обман может быть содеян любым лицом, а злоупотребление доверием – лишь тем, в отношении которого возникли со стороны потерпевшего доверительные отношения. Такое отношение со стороны потерпевшего к виновному может быть обусловлено опекуном, попечительством, профессиональным положением, соглашением, договором, доверенностью, ложно истолкованными человеческими качествами.

Злоупотребление доверием как способ преступного причинения имущественного ущерба проявляется во время совершения анализируемого деяния в форме незаконного временного заимствования имущества. Чаще всего преступные действия в указанной форме совершаются лицами, которые во время выполнения своих трудовых функций используют имущество, являющееся предметом посягательства.

В заключение следует отметить, что правильное установление конкретных способов причинения имущественного ущерба в процессе правоприменительной практики имеет принципиальное значение, поскольку определяют правильность квалификации преступления. В этом смысле важно разграничивать между собой не только обман и злоупотребление доверием, но и другие, не указанные в уголовно-правовой норме способы. Указание в диспозиции ст. 165 УК на способы совершения преступления имеет важное значение для установления границ действия нормы, и если способом причинения ущерба не являются обман или злоупотребление доверием, то, соответственно, такое деяние этой статьей не охватывается вовсе. Таким образом, совершение действий другими способами может предопределять их отношение не только к иным имущественным преступлениям, но и административным, дисциплинарным или гражданско-правовым нарушениям.

Список литературы:

1. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. – М.: «Контракт», 2014. – 560 с.
2. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. – 214 с.
3. Уголовное право России. Части общая и особенная : учебник / М. П. Журавлев и др.; под ред. А. И. Рарога. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2014. – 784 с.
4. Панов Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. – Харьков: Вища школа, 1977. – 225 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. – 14-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2014. – 1077 с.

Bugayev V. Deception and breach of trust as a method of infliction of property damage // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – Р. 57 – 62.

The article examines criminal content of deception and breach of trust, as independent obligatory signs of objective side of infliction of property damage, its feature, problem questions of establishment and analysis of kinds and forms in the process of implementation of objective side and influence on differentiations with other contiguous compositions of thefts, and also different theoretical approaches for permission of debatable problems in research of these signs of objective side of crimes against property. Deception and breaches of trust in an analyzable criminal act on the essence the same, as well as in a fraud. A difference consists in an ultimate goal of guilty person using these methods. The specific of a swindle and a deception and breach of trust is in theirs sent to laying hands on someone's else property or taking title on property. During infliction of property harm the guilty uses these methods with the purpose of the temporal borrowing of property of victim or avoiding the transmission of payment for given to suffering the nonobjective objects of property.

Keywords: deception breach of trust, the process of committing a crime, the subject of crime, property, ownership, property damage, fraud, crimes against property.

Spisok literaturyi:

1. Rossiyskoe ugodovnoe pravo. Obschaya chast: uchebnik dlya vuzov /pod red. V. P. Konyahinai M. L. Prohorovoy. – М.: «Kontrakt», 2014. –560 s.
2. Kudryavtsev V. N. Ob'ektivnayastoronaprestupleniya. - М.: Gosudarstvennoeizdatelstvoyuridicheskoyliteraturyi, 1960. – 214 s.
3. Ugodovnoe pravo Rossii. Chasti obschaya I osobennaya :uchebnik / M.P. Zhuravlyovi dr.; pod red. A. I. Raroga. – 8-e izd.,perarab. idop. – Moskva :Prospekt, 2014. – 784 s.
4. Panov N. I. Ugodovnay aotvetstvennost za prichinenie imuschestvennogo uscherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem.– Harkov: Vyischashkola, 1977.– 225 s.
5. Kommentariy k Ugodovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / отв. red. V.M. Lebedev. – 14-e izd., pererab. idop. – М.: IzdatelstvoYurayt, 2014. – 1077 s.

УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ БРАКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Волошин И. А., Давиденко С. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

На сегодня существует большое количество нормативно-правовых актов, регулирующих отношения вступления и заключения брака. В этот список можно внести нормы семейного, уголовного и гражданского законодательства. Каждое предписание имеет властный характер, но регулирует отношения «по-своему», с учетом области влияния. Между ними существуют противоречия касаясь заключения брака, но законодатель допускает применение норм различных отраслей права, которые бы разрешили данную проблему. В ходе эволюции законодательства возникла необходимость во внесении в уголовное право норм, регулирующих заключение брака. Данное явление четко прослеживается с принятием Федерального закона от 27 июля 2009 г. N 215-ФЗ. Именно он внес основные поправки в действующий уголовный кодекс. В основном изменению подверглась глава 18 УК РФ. Нормы данного Федерального закона, с точки зрения современных ученых-правоведов, обладают как положительными сторонами, так и отрицательными. Он призван более точно урегулировать определенные отношения с учетом изменения как самих отношений, так и общества, деформации взглядов и приоритетов, разрушения стереотипов.

Ключевые слова: брак, уголовная ответственность, заключение брака, брачный возраст, освобождение от уголовной ответственности, уголовный кодекс, преступное деяние, примирение сторон, прекращение уголовного дела, семейный кодекс.

27 июля 2009 года был принят Федеральный закон, который существенно изменил Уголовный кодекс Российской Федерации. В основном его нормы коснулись главы 18 – Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 131, 132, 134, 135). Данный нормативно-правовой акт закрепил ужесточение наказания за данные преступления, также законодатель предпринял попытку дифференциации уголовной ответственности виновных лиц в зависимости от возраста несовершеннолетнего потерпевшего. Безусловно, этот шаг является правильным для дальнейшего регулирования подобных отношений.

Наряду с этим следует обратить внимание на разумность и целесообразность принятия данного закона. В частности, речь идет о статье 134 – Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Федеральный закон дает нам следующее примечание к данной статье: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшим» [4].

Эта норма, на наш взгляд, будет служить правомерным прекращением уголовного дела в связи с мировым соглашением (вступлением в брак потерпевшего и лицом, совершившим преступление). Ведь намного проще договориться с представи-

телями потерпевшей стороны в лице ее родителей или опекунов и попечителей. В данном случае будет преследоваться цель – заключение фиктивного брака, а после прекращения уголовного дела можно без всяких проблем разойтись. Уголовный закон не содержит нормы, которая бы давала право соответствующим органам возобновлять дело после развода. Такова практика существовала и ранее, только теперь она прямо закреплена в законе. Следственные органы, как правило, не контролировали дальнейшее развитие отношений в таких семьях, но в основном они распались, ведь так не построить счастливую, благополучную семью.

Из данного факта можно вычленить следующие признаки:

- брак является следствием преступления;
- в основе его лежит преступное деяние, выраженное в форме действия;
- брак не является добровольным [5].

Но можно найти выход из этой ситуации, не прибегая к данным нормам, достаточно обратиться к УПК РФ. Так как преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, является преступлением средней тяжести, то его можно прекратить в соответствии со статьей 25 УПК РФ – примирение сторон. Еще один вариант – это деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ). Ведь заключение брака подразумевает собой и примирение сторон, и деятельное раскаяние [1].

Результатом служит заключение брака. Но если посмотреть под углом семейного права, он будет фиктивным. Ст. 170 ГК РФ и ст. 27 СК РФ гласят, что фиктивный брак, если это будет доказано, считается ничтожным и к нему могут быть применены последствия ничтожной сделки по решению суда, включая аннулирование записи о браке в актах гражданского состояния с момента регистрации фиктивного брака. Ответственность не такая уж и соотносимая с сокрытием преступления. В некоторых субъектах Российской Федерации органы, обладающие законодательной инициативой, предлагают применять к данному факту уголовную ответственность, внося в УК РФ новую норму, регулирующую это правоотношение [2].

В соответствии с нормами Семейного кодекса необходимо два условия для заключения брака: добровольное согласие и достижение возраста, с которого можно заключить брак. Исходя из этого, добровольное согласие не является таковым, и следовательно, заключение данного брака будет противоречить действующему законодательству. Естественно, согласие может быть и добровольным, но это, скорее всего, будет исключением из правила.

Что касается второго условия заключения брака, то нормы уголовного и семейного законодательства противоречат друг другу. Семейный кодекс гласит, что возраст, с которого можно вступать в брак, – восемнадцать лет. При наличии уважительных причин органы местного самоуправления вправе по просьбе желающих вступить в брак лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет. Статья 134 УК (ч. 1) предусматривает уголовную ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста. Статья 13 Семейного кодекса РФ гласит, что порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов Федерации [3].

Обратимся к Семейному кодексу Республики Татарстан, его ст. 10 о брачном возрасте. В качестве особых обстоятельств, которые дают право на разрешение бра-

ка с лицом, не достигшим возраста шестнадцати лет, татарстанский законодатель указывает: беременность, рождение общего ребенка (детей), непосредственную угрозу жизни одной из сторон. Решение о разрешении или об отказе в разрешении на вступление в брак лицу (лицам), не достигшему (не достигшим) возраста 16 лет, принимается руководителем уполномоченного органа исполнительной власти Республики Татарстан в сфере образования на основании письменного заявления указанных лиц, их родителей или лиц, их заменяющих. Заявления о разрешении на вступление в брак лица (лиц), не достигшего (не достигших) возраста 16 лет, рассматриваются в течение двадцати календарных дней со дня их подачи [6].

Законодательство субъектов Федерации содержит различные подходы к решению этой проблемы. Не во всех регионах сформулирован перечень особых обстоятельств, при наличии которых возможно разрешить вступление в брак лицам, не достигшим возраста 16 лет. Среди таких упоминаемых особых обстоятельств, кроме тех, которые указаны в Семейном кодексе Республики Татарстан, можно назвать призыв жениха на службу в Вооруженные силы РФ и др. Но нигде в региональном законодательстве нет такого особого обстоятельства, как вступление в брак в связи с совершением преступления, предусмотренного ст. 134 УК.

Кроме этого, регионы по-разному подходят к определению органа, должностного лица, который может дать разрешение на вступление в брак лицу, не достигшему возраста 16 лет. В Адыгее – это президент, в Калужской, Московской, Сахалинской областях – губернатор, в Челябинской области – специальная комиссия администрации области. Последний вариант представляется предпочтительным. Вряд ли президент или губернатор должны заниматься этим вопросом [7].

Кстати, в связи с появлением в Российской Федерации Уполномоченного по правам ребенка и возможным распространением этой практики на регионы РФ вполне можно рассмотреть вопрос о передаче этой функции соответствующей системе Уполномоченных по правам ребенка.

Следовательно, идет речь о появлении нормы, которая не может решить вопрос по существу и которую следует убрать из действующего законодательства.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.96 № 63-ФЗ.
2. Гражданский кодекс РФ Часть II. 30.11.94 № 51-ФЗ.
3. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ
4. Федеральный закон от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ
5. Уголовное право России // Части общая и особенная // А. И. Парог. – М.: ООО «Проспект», 2015. – С. 145–146.
6. Бриллиантов А. В.. Уголовное право России // Части общая и особенная. – М.: ООО «Проспект», 2015. – С. 89.
7. Парог А. И.. Уголовное право России // Части общая и особенная // 18-е изд. – М., 2014. – С. 156.

Voloshin I. A. Davidenko S. A. Regulation of marriage by the criminal law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 63 – 66.

Today, there are a large number of legal acts regulating the relations of membership and marriage. This list can be applied as the norms of family, criminal and civil law. Each requirement has an imperious nature, but regulates relations "on its own", taking into account the area of influence. Between them there are contradictions with regards to marriage, but the legislature permits the use of norms of different branches of law that

would have allowed this issue. During the evolution of the legislation, was the need to make in the criminal law norms regulating marriage. This phenomenon can clearly be seen with the adoption of the Federal law from July 27, 2009 N 215-FZ. It was he who introduced basic amendments in existing criminal code. Basically been modified Chapter 18 of the criminal code. The norms of this Federal law, from the point of view of modern legal scholars, possess both positive aspects and negative. It is designed to more precisely regulate certain relations, taking into account the changes of both the relationships and the society that deformation of the views and priorities, to break stereotypes.

Keywords: marriage, criminal responsibility, marriage, age of marriage, exemption from criminal responsibility, the criminal code, the criminal act, the reconciliation of the parties, the termination of the criminal case, family code.

Spisok literaturey

1. Ugolovnyy kodeks RF ot 13.06.96 №63-FZ.
2. Grazhdanskiy kodeks RF Chast II. 30.11.94 №51-FZ.
3. Semeynyy kodeks RF ot 29.12.1995 N 223-FZ
4. Federalnyy zakon ot 27 iyulya 2009 g. N 215-FZ
5. Ugolovnoye pravo Rossii // Chasti obshchaya i osobennaya // A. I. Rarog. – M.: OOO «Prospekt», 2015. – S.145–146
6. A.V. Brilliantov.. Ugolovnoye pravo Rossii // Chasti obshchaya i osobennaya. – M.: OOO «Prospekt». – 2015. – S.89.
7. A.I. Rarog. Ugolovnoye pravo Rossii // Chasti obshchaya I osobennaya // 18-e izd. – M. – 2014. – S.156.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 67–76.

УДК 343.222+343.541(091)

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ

Губанова Е. В., Роттина Е. И.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Аннотация. Изнасилование – одно из наиболее опасных преступлений против личности и самое опасное посягательство на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Под влиянием изменений, происходящих в социальной жизни общества, меняется и преступность, появляются новые приемы совершения рассматриваемого преступления, что, несомненно, должно находить свое отражение в законодательстве. В статье дается исторический анализ уголовной ответственности за изнасилование по законодательным актам зарубежных государств и России, а также исследуется институт уголовной ответственности за данное преступление в современном уголовном праве РФ и других стран. Тема статьи актуальна и сегодня, в связи с возникшей проблемой в обществе – увеличением потока эмигрантов из Африки в страны Европы и ростом числа актов сексуального насилия.

Ключевые слова: насилие, сексуальное понуждение, изнасилование, сексуальные преступления, половая свобода, половая неприкосновенность.

Введение. Историческая характеристика социальной, правовой и политической жизни любого государства никогда не начинается с нуля. Изменения в жизни общества и государства происходят на ранее заложенном фундаменте с учетом сформировавшегося образа жизни, обычаев и традиций. В любом обществе с давних времен существует определенный уклад половых отношений. Однако в различные времена, у разных народов, у людей разных вероисповеданий и классовых групп представления о таких понятиях как «половая неприкосновенность», «защита половой неприкосновенности», «половые права» не совсем совпадают. Зная прошлое, легче ориентироваться в настоящем, в происходящих событиях, видеть перспективу на будущее. Историко-правовой анализ социальных явлений необходим и в том случае, когда речь идет о преступлении.

Целью исследования является исторический анализ применения норм уголовной ответственности в России и в зарубежных странах за совершение изнасилования, генезис данного деяния как одного из видов преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности.

Можно выделить следующие задачи исследования: 1) определение тенденции эволюции законодательства, регулирующего вопросы изнасилования; 2) проведение сравнительно-правового анализа истории и современного состояния законодательства РФ и зарубежных стран об ответственности за изнасилование.

РАЗДЕЛ 1 ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ, ЗАКРЕПЛЯЮЩИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ. Само слово «изнасилование» (гаре – англ.) происходит от латинского термина (гареге), означающего «красть», «хватать», «уносить». В давние времена одним из способов добыть жену было изнасилование женщины. Мужчина просто насиловал желаемую женщину, а затем приводил ее в свое племя. После обладания женщиной мужчина должен был защищать свое достояние и свою честь, не позволяя другим схватить и изнасиловать свою жену. По-видимому, именно такая норма стала в дальнейшем материальным источником первых законов против изнасилования. Изначально правовые нормы данное деяние рассматривали как преступление против собственности и чести, но не как преступление против женщины, ее права на половую неприкосновенность. Однако с течением времени в процессе развития общественных отношений женщина перестала быть собственностью мужчины. Изнасилование все более порицалось как со стороны социума, так, соответственно, со стороны законодателя, и объектом насильственного посягательства все же стали права, здоровье и честь женщины, именно женщина, подвергнувшаяся изнасилованию, стала под защиту уголовного закона, а не ее супруг.

Правовые нормы народов различных вероисповеданий, с различным уровнем развития социума и его государственности закрепляли ответственность за изнасилование. Необходимо отметить, что все правовые памятники подразумевали под изнасилованием насильственный половой акт мужчины с женщиной, где потерпевшей стороной выступает именно женщина. Причем некоторые законодательные акты относили данное деяние к преступлениям не против личности, а против семьи, морали либо против церкви.

Согласно Кодексу Хаммурапи – своду законов, установленных в Вавилоне около 4000 лет тому назад, все преступления делились на три группы. Третью группу преступлений составляют преступления против семейных устоев, среди которых статья 130 Кодекса устанавливала ответственность за совершение изнасилования. Человек, изнасиловавший женщину наказывался смертной казнью. Женщина же освобождалась от ответственности, в отличие от измены. Ответственность, по закону Царя Хаммурапи, как и по большинству древних законов, зависела от имущественного и социального статуса, как виновного, так и потерпевшего. Человек, который изнасиловал обрученную девственницу, подвергался смертной казни. Однако если мужчина насиловал замужнюю женщину, виновным считались оба – и насильник, и его жертва – и оба подвергались казни – их топили [3, с. 89].

Представляет интерес ответственность за изнасилование по праву Древней Индии. Одним из наиболее тяжких грехов, известных шастрам, и преступлений являлось прелюбодеяние. Прелюбодеянию дается широкая трактовка, в том числе разновидностью этого греха являлось изнасилование, трактуемое как лишение чести девушки помимо ее воли. Виновный, равный по положению с женщиной, которую он подверг бесчестию, наказывался высоким штрафом, но если мужчина был по положению ниже женщины, то наказание назначалось в виде телесных истязаний. Однако не являлось изнасилованием насильственное вступление в брак с девушкой (без ее согласия) по договоренности с ее отцом. Такая форма брака поощрялась брахманами и соответственно нормами обычного права [3, с. 108–109].

Одной из первых культур, осуществившей индивидуализацию сексуальности, явилась Древняя Греция. Именно в Древней Греции закладывались первые принципы правовой регуляции сексуального поведения. Законодательство Солона (VII–VI в. до н.э.), например, впервые стало рассматривать проституцию как общественный институт, в результате чего последовала ее правовая регламентация [2, с. 5]. Изнасилование являлось противоправным деянием в государствах с античной религией (политеизм). По законам Драконта и Солона (621 год до н. э.), изнасилование девушки наряду с убийством и похищением наказывалось смертной казнью. Эти деяния строго порицались религией и объявлялись святотатством.

В последующие времена законы против изнасилования продолжали все более подробно описывать различные обстоятельства совершения изнасилования. С учетом этих обстоятельств и на их основании законодатель мог варьировать строгость выполнения вердикта о наказании. Особо при назначении наказания учитывалась личность как виновного, так и потерпевшей. Например, наказание было самым суровым, если женщина была девственницей или происходила из высшего общества. При Вильгельме Завоевателе (1035–1087) мужчина, который изнасиловал девицу высокого общественного положения, наказывался кастрацией и ослеплением. Однако вина определялась исходом битвы обвиняемого и «защитника», так что если у жертвы не было никого, кто захотел бы рисковать жизнью в бою с насильником, то у нее не было никакого способа добиться справедливости.

История развития российского законодательства об уголовной ответственности за изнасилование уходит своими корнями во времена Древней Руси, когда половые преступления регулировались в основном церковным законодательством. Понятие «изнасилование» впервые встречается в начале XI в., Устав князя Владимира Святославовича содержал положения, регулировавшие ответственность за изнасилование: церковно-правовую, гражданскую и уголовную. Так, согласно Уставу князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных» (Синодальная редакция, до 1011 г.) изнасилование влекло за собой следующие последствия: «Если кто-нибудь встретится с девицей необрученной, и схватит ее и ляжет с нею и застанут их, то лежавший с нею должен дать отцу отроковицы пятьдесят (сиклей) серебра, а она пусть будет его женою, потому что он опорочил ее, во всю жизнь свою он не может развестись с нею» [8, с. 46]. Изнасилование обрученной девицы каралось смертной казнью.

С развитием христианской религии в государствах античного мира такие преступления как изнасилование, сожительство с незамужней женщиной и мужеложство, которое в политеизме являлось нормой, стали относиться к преступлениям против семьи и нравственности, что обусловлено устоями христианской религии. Однако библейские установления против изнасилования (Второзаконие, 22:22–29) также проводят аналогии нормам политеизма и мусульманства различия при наказании за изнасилование с очень небольшим дополнением: замужняя женщина, подвергшаяся изнасилованию, рассматривалась как добровольная соучастница; и ее, и ее насильника убивали. Важным моментом для установления виновности женщины были место и время изнасилования. Так, девственница считалась виновной, только если она была изнасилована в городе, где, как полагали, ее крики могли бы привлечь людей ей на помощь. Напротив, девушку, изнасилованную в поле вне городских стен, ждала пощада, поскольку никто не мог услышать ее крики. Если она

была помолвлена с кем-нибудь, насильника забивали камнями до смерти, если же нет, насильник должен был заплатить ее отцу и жениться на ней (хотела она этого или нет – не имело значения).

Во времена ветхозаветного права у евреев доказанное изнасилование каралось смертной казнью. Причем наказание распространялось на обе стороны, если жертва изнасилования не призывала к возможной помощи. Подобное бездействие приравнивалось к поощрению преступления.

«Если будет молодая девица обручена мужу, и кто-нибудь встретится с ней в городе и ляжет с ней, то обоих их приведите к воротам того города, и побейте их камнями до смерти: отроковицу за то, что она не кричала в городе, а мужчину за то, что он опорочил жену ближнего своего; и так истреби зло из среды себя.

Если же кто в поле встретится с отроковицей обрученной и, схватив ее, ляжет с ней, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с ней, а отроковице ничего не делай; на отроковице нет преступления смертного: ибо это то же, как если бы кто восстал на ближнего своего и убил его» [7, с. 152].

В двенадцатом столетии бои как средство определения вины или невиновности сменили судебные заседания. Однако в глазах закона не все были равны: дворянин или рыцарь с легкостью мог обвинить кого-нибудь из своих людей в изнасиловании, дабы спасти свою репутацию и избежать возможного отцовства. В конце тринадцатого века появились два дополнительных изменения в английском законодательстве, касающиеся изнасилования: различие при изнасиловании девственницы или замужней женщины было опущено, а старый обычай наказания супружеством был упразднен. Были сформулированы главные элементы в определении изнасилования и наказания за него. Семь последующих столетий внесли очень мало изменений в этот кодекс.

Строгое наказание за изнасилование как за преступление против нравственности и входящее в группу преступлений против религии устанавливала «Каролина» – Германский уголовный закон XVI века. За данное деяние, в зависимости от материального и социального положения виновного и потерпевшей, к лицу применялись телесные или иные позорящие наказания.

Интересно, что законы средневековой Англии, исповедующей христианство, предусматривали наказание только за изнасилование служанки либо рабыни. Ответственность за такое преступление устанавливала, например, статья 16 Судебника Этельберга и статья 25 Законов Альфреда Великого (X–XI вв.). За такое деяние насильники наказывались штрафом, размер которого зависел от статуса женщины, подвергшейся насилию. Телесное же наказание (кастрирование) ожидало раба, который совершил изнасилование (ст. 25-1 Законов Альфреда Великого) [4, с. 327, 348].

Впервые об уголовной ответственности за изнасилование в Российской Империи говорилось в Соборном Уложении 1469 г., предусматривавшем наказание смертной казнью ратных людей, которые «учинят... женскому полу насилие».

Так, ни Судебник 1497 г., ни Судебники 1550 и 1589 гг. не упоминали об изнасиловании как таковом.

И лишь Соборное уложение 1649 г. стало предусматривать ответственность за недостаточную активность феодально зависимых при защите чести своей госпожи или тем более пособничество в насилии, что влекло для них вместе с главными ви-

новниками смертную казнь. Кроме того, Соборное уложение 1649 г. выделило в специальную норму ответственность за преступления, совершенные военнослужащими при следовании на службу или во время возвращения с нее, особо выделяя убийство и изнасилование как тягчайшие преступления, влекущие смертную казнь (гл. VII, ст. 30).

Законодательство Петра I расширило круг подобных преступлений, установив уголовную ответственность, наряду с другими половыми преступлениями, за недобровольное половое сношение, в том числе и в противоестественных формах. Однако до кодификации различных уголовно-правовых актов ответственность за половые преступления определялась главным образом не светским, а церковным законодательством [1, с. 258].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., кодифицировавшее уголовно-правовые акты, содержало специальный раздел «О преступлениях против чести и целомудрия женщин». В законе устанавливались квалифицирующие признаки изнасилования. В этом разделе были статьи о растлении девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, изнасиловании лица женского пола, имеющего более четырнадцати лет от роду. Растление признавалось совершенным при квалифицирующих признаках, если оно было совершено с применением насилия или лицом, от которого потерпевшая находилась в зависимости. При изнасиловании учитывались личность виновного и его взаимоотношения с потерпевшей (родственные, служебные отношения), наличие таких признаков, как нанесение побоев или истязание, использование ее состояния беспамятства или неестественного сна, опасность для жизни потерпевшей, а также если изнасилованию предшествовало похищение. Особо выделялись в качестве последствия смерть или растление потерпевшей.

Уголовное уложение 1903 г. стремилось обеспечить повышенную защищенность детей и несовершеннолетних от преступлений, совершаемых на сексуальной почве, и охрану лиц, зависимых от виновного.

Однако несмотря на систему законов, рассматривающих изнасилование как зло, наказуемость деяния зависит от времени, места, социальных условий изнасилования, личности потерпевшей. Например, во время войн, как тысячи лет назад, так и в наши дни, солдаты-победители насиловали женщин врага. В литературе изнасилование иногда представлялось в героических образах, как это сделал Эйн Рэнд в своем произведении «Первоисточник».

Итак, в обществе изнасилование часто квалифицировалось либо как проступок, либо как преступление. Это зависело от социального положения жертвы и насильника: на юге США, например, в 1940-е и 1950-е годы белого мужчину редко привлекали к суду за изнасилование черной женщины, однако черного мужчину, обвиненного в насилии над белой женщиной, наказывали моментально и жестоко. Даже сегодня в большинстве законодательств мужчину вряд ли обвинят в изнасиловании проститутки, а принудительное сношение между мужем и женой не считается изнасилованием в 38 из 50 американских штатов [5, с. 112].

Рассмотрев памятники правовой культуры в их хронологии, можно еще раз сделать акцент на том, что такое деяние, как изнасилование женщины, во все времена у различных народов, исповедующих разные религии, являлось наказуемым и противоправным. Законодатели, устанавливая ответственность за изнасилование,

определяли достаточно суровое наказание виновному лицу. Однако вне зависимости от вероисповедания можно проследить тенденцию законодателей к градации ответственности за изнасилование. Суровость наказания зависела от многих аспектов: социального статуса виновного и жертвы (в том числе от ее семейного положения), их материального положения, места и времени насилия, возраста женщины. С течением времени, развитием общества и приобретением равных прав между мужчиной и женщиной законодатель пересмотрел нормы, карающие за совершение половых преступлений. Однако необходимо отметить, что и сегодня, говоря о наказании, мы не можем не учитывать обстоятельства совершения преступления и личность виновного лица.

РАЗДЕЛ 2. АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ СТРАН МИРА.

АНГЛИЯ. В соответствии со ст. 1 Закона 1956 г. (в редакции Закона 1994 г.) преступлением являлось изнасилование мужчиной женщины или другого мужчины. Виновный наказывался тюремным заключением вплоть до пожизненного.

Законом об уголовной юстиции и публичном порядке 1994 г. была установлена уголовная ответственность за изнасилование мужчины. С этого момента изнасилование считается статутным преступлением.

США. Изнасилование – опасное посягательство, отличающееся тем, что возложение ответственности за него более зависит от наличия или отсутствия согласия потерпевшего, нежели от поведения или его результата. Вследствие трудности реализации этого предположения американское законодательство не содержит определения «согласие», а во многих случаях даже не упоминается об этом элементе преступления. Поэтому суды вынуждены обращаться к выработанной практикой концепции «согласия».

Во многих штатах законодательство предусматривает уголовную ответственность за ненасильственное половое сношение. Например, УК штата Калифорния – за половое сношение с лицом, находящимся под влиянием «обмана в отношении факта», не понимающим характера осуществляемого поведения, в частности по причине бессознательного состояния или опьянения. В законодательстве многих штатов содержатся специальные положения об ответственности за половое сношение с лицами, страдающими душевным заболеванием или дефектом психики, которые по этой причине «временно или постоянно не способны оценивать» соответствующее поведение или «давать согласие на него». Американскому уголовному праву известно так называемое статутное изнасилование, которое представляет собой половое сношение с лицом, не достигшим определенного возраста, безотносительно к тому, дало оно согласие на половой акт или нет.

Франция. УК Франции воспроизводит определение изнасилования, данное в Законе об изнасиловании от 23 декабря 1980 г., который усилил ответственность за данное преступление. Такое посягательство определяется достаточно широко: «Любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершенный в отношении другого лица путем насилия, принуждения, угрозы или обмана».

Согласно действующему Кодексу, изнасилование не является более преступлением, в котором потерпевшей может быть только женщина, а виновным – мужчиной. Изнасилование предполагает, что виновное лицо использует определенные в законе способы совершения преступления. Физическое насилие, угроза, психиче-

ское принуждение или обман в действительности исключает любую добровольность со стороны потерпевшего.

Все перечисленные проступки наказываются тюремным заключением (вплоть до 10 лет) и штрафом в размере до 150 тыс. евро. Покушение на их совершение также наказуемо. Законом от 12 июня 2001 г. уголовная ответственность за сексуальные агрессии, включая изнасилование, была распространена и на юридических лиц.

ФРГ. Преступные деяния против полового самоопределения включены в раздел XIII Особенной части УК, который носит одноименное название. Германский законодатель под изнасилованием понимает половой акт или подобные сексуальные действия, преимущественно связанные с проникновением в тело, которые особо унижают потерпевшего.

Для состава изнасилования в старой редакции специфичным являлось принуждение женщины с использованием при этом насилия или создания реальной угрозы для ее жизни или здоровья к вступлению во внебрачную половую связь с субъектом преступления или с третьим лицом. В новой редакции указание на внебрачную половую связь отсутствует, поэтому данная норма может применяться для квалификации действий, связанных с сексуальным принуждением, если они совершены в браке. Потерпевшим может быть как мужчина, так и женщина. Наказанием является лишение свободы на срок не менее одного года.

Япония. Согласно ст.177 УК Японии, изнасилование предусматривает, что лицо, которое путем применения насилия или угроз изнасиловало лицо женского пола, достигшее 13 лет, наказывается лишением свободы с принудительным трудом на срок не менее двух лет. Так же наказывается лицо, изнасиловавшее лицо женского пола, не достигшего 13 лет.

Согласно ст.181 УК Японии, при причинении смерти или телесного повреждения в результате изнасилования, лицо, совершившее данное деяние, наказывается лишением свободы с принудительным трудом без срока или на срок не менее 3 лет [6, с. 576, 601, 711].

РФ. Впервые в России постановления о наказуемости «противоестественных сношений» встречаются в воинских и морских законах императора Петра Великого (1716 и 1720 гг.).

Российское законодательство, отменив в начале 90-х уголовную ответственность за добровольное мужеложство, стало в большей мере соответствовать требованиям времени в области охраны прав и свобод человека. Кроме того, сексуальное насилие мужчины в отношении женщины, совершенное в неестественной форме, продолжало расцениваться как изнасилование «в извращенной форме», что вряд ли способствовало правильной правовой оценке содеянного.

Отныне, согласно ст. 131 УК РФ, под изнасилованием понимается только естественное половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей [9].

Индия. Согласно ст. 375 УК Индии, изнасилование определяется как половое сношение с женщиной при одном из следующих обстоятельств: против ее воли; без ее согласия; если ее согласие вынужденно; если виновный знает, что он не является мужем женщины, тогда как согласие дано ею потому, что она принимает виновного

за другого мужчину, с которым она находится или считает себя находящейся в законном браке; с ее согласия или без такого, если она не достигла 16 лет [10, с. 215].

Дания. В УК Дании составы сексуальных преступлений помещены в главу «Половые преступления». Согласно УК Дании, «любое лицо, которое путем иного незаконного принуждения, чем при изнасиловании, добивается для себя полового сношения, подлежит тюремному заключению на срок, не превышающий четырех лет».

Китай. В УК Китая половые преступления в отдельную главу не выделены, а расположены в главе 4 «Преступления против прав граждан на жизнь и демократических прав граждан». Согласно УК Китая, принуждение женщины к совершению унижающих ее достоинство действий и совершение надругательства над ней путем насилия, угроз или иными методами наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или краткосрочным арестом. Совершение принуждения при отягчающих обстоятельствах (принуждение, совершенное публично), наказывается лишением свободы на срок свыше пяти лет.

Также в УК Китая содержится «уникальная» норма, в соответствии с этой нормой уголовной ответственности подлежит лицо, использовавшее свое служебное положение и зависимое положение подчиненного, принудившее путем угроз к вступлению в сексуальные отношения супругу лица, находящегося на действительной военной службе. Санкция указанной статьи предусмотрена такая же, как и за изнасилование – лишение свободы на срок от трех до десяти лет [11].

Швейцария. В швейцарском УК составы половых преступлений помещены в раздел «Преступные деяния против половой неприкосновенности». Согласно УК Швейцарии, «тот, кто принуждает лицо к претерпеванию других сексуальных действий, при которых он угрожает лицу применением насилия, применяет в отношении него психическое насилие и делает лицо неспособным к сопротивлению, совершает сексуальное принуждение». Лицо, виновное в совершении данного деяния, наказывается каторжной тюрьмой на срок от одного года до десяти лет или тюремным заключением. Различие между изнасилованием и сексуальным принуждением заключается и в том, что субъектом изнасилования могут быть как мужчина, так и женщина, а жертвой – только женщина.

Нидерланды. Согласно УК Нидерландов, «лицо, которое актом насилия или другим действием, или угрозой насилием, или угрозой другим действием заставляет, чтобы другое лицо выполнило или подчинилось непристойным действиям, виновно в непристойном нападении и подлежит сроку тюремного заключения не более восьми лет или штрафу» [6, с. 955].

В уголовных законах некоторых стран определения изнасилования вовсе нет (Алжир, Кот д'Ивуар, Мадагаскар) [10, с. 230].

Вывод. Сравнительный анализ исторических памятников и современного уголовного законодательства разных стран показывает, что в юридической конструкции рассматриваемой уголовной ответственности за изнасилование имеются как общие черты, так и многочисленные отличия, которые в той или иной мере носят принципиальный характер. Одной из общих черт можно выделить подход к определению изнасилования как тяжкого уголовного преступления. В свою очередь, отличие же состоит в наказуемости рассматриваемого деяния, которое характеризуется

обусловленными историческими, национальными, культурными традициями, а также особенностями политического устройства государства.

Изнасилование является одним из наиболее древних преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, известных уголовному праву, однако его понимание законодателем переживает постоянную эволюцию в зависимости от изменения социально-культурных условий в конкретном обществе.

В ходе проведения сравнительного анализа уголовного законодательства по данному виду посягательства, Российская Федерация относится к числу стран с наиболее мягким наказанием за данное деяние.

Список литературы:

1. Андреева Л. А. Квалификация изнасилований. [Электронный ресурс] // Прокурорский надзор. – Интернет-журнал. – 3.08.2004 г.
2. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология [Электронный ресурс]. – / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М.: Спартак, 1999. – С. 5
3. История государства и права зарубежных стран. [Электронный ресурс] Учебник в двух частях. Часть 1. Под ред. д. ю. н., проф. О. А. Жидкова и д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинниковой. – М.: НОРМА, 2001, с. 89.
4. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. [Электронный ресурс]. – Т. 1 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. – М.: Юристъ, 2000. – С. 327, 348.
5. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adultlaw.ru/RAPE/index.htm>
6. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник [Электронный ресурс]. – /под ред. И. Д. Козочкина. – 3-е издание, переработанное и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 1056 с.
7. Маслок С. Н. История становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-razvitiya-otchestvennogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-obotvetstvennosti-za-prestupleniya-protiv-polovoy>.
8. Дыдо А. В. Изнасилование: Проблемы уголовно-правовой квалификации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/kriminal.-pravo/iznasilovanie-problemy-ugolovno-pravovoj-kvalifikacii.html>
9. Изнасилование как уголовное преступление: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bukvi.ru/pravo/ugolovnoe/iznasilovanie-kak-ugolovnoe-prestuplenie-3.html>
10. Ответственность за изнасилование в современном уголовном праве: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo174.ru/iznas.php>
11. Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера по законодательству зарубежных стран: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articlekz.com/article/5337>.

Gubanova E. V., Rottina E. I. Historical analysis of criminal liability for rape // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 67 – 76.

Rape is one of the most dangerous crimes against personality and the most dangerous encroachment on sexual inviolability and sexual freedom of the individual. Under the influence of changes in social life, crime is also changing, there are new techniques of committing the crime under consideration, which certainly should be reflected in the legislation. The article presents a historical analysis of criminal liability for rape on the basis of the legislative acts of foreign States and Russia, and explores the institution of the criminal liability for this crime in the modern criminal law of Russia and other countries. The topic of the article is still relevant today, in connection with the problem in society: the increasing flow of immigrants from Africa to Europe and therefore the increase in acts of sexual violence.

Keywords: violence, sexual coercion, rape, sex crimes, sexual freedom, sexual inviolability.

Spisok literatury:

1. Andreeva L.A., Qualifications rape. [Electronic resource] // Prosecutor nadzor. – Internet magazine . – (03.08.2004)
 2. Antonian Y.M , Tkachenko A.A., Shostakovich B.V. Forensic sexology [electronic resource] . – / Ed . Y.M. Antonyan . - Spartak M .: 5, (1999)
 3. History of state and law of foreign countries . [Electronic resource] textbook in two parts. Part 1 , ed . Doctor of Law, Professor . OA Jidkova and Doctor of Law, Professor . ON. Krashennnikova , M .: Norma , 89 (2001)
 4. Hrestamatiya on the general history of the state and law . [Electronic resource]. – T. 1 / Ed. KI Batyr and EV Polikarpova . – M .: Jurist , 327 , 348, (2000)
 5. Antonian Y.M. , Tkachenko A.A., Shostakovich B.V. Forensic sexology [electronic resource]. – Access : <http://www.adultlaw.ru/RAPE/index.htm>
 6. The criminal law of foreign countries. General and Special Parts : textbook [electronic resource]. – / Ed . ID Kozochkin . – 3rd edition, revised and supplemented. – M .: Wolters Kluwer , 1056, (2010)
 7. Maslok S.N., the history of formation and development of domestic legislation on criminal responsibility for crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual . [Electronic resource]. – Access mode: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-razvitiya-otechestvennogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-obotvetstvennosti-za-prestupleniya-protiv-polovoy>.
 8. Dido A.V. Rape : The problems of criminal – legal qualification [electronic resource]. – Access: <http://www.dslib.net/kriminal.-pravo/iznasilovanie-problemy-ugolovno-pravovoj-kvalifikacii.html>
 9. Rape is a criminal offense: [electronic resource]. – Access: <http://bukvi.ru/pravo/ugolovnoe/iznasilovanie-kak-ugolovnoe-prestuplenie-3.html>
 10. The responsibility for the rape in the modern criminal law: [electronic resource]. – Access: <http://www.pravo174.ru/iznas.php>
- Criminal liability for compulsion to perform sexual acts under the laws of foreign countries: [electronic resource]. – Access : <http://articlekz.com/article/5337>

УДК 343.963

ПРОКУРОР В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Доброрез И. А.

Крымский юридический институт (филиал) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

Участие прокурора в делах о банкротстве в настоящее время законодательством РФ не предусмотрено. В то же время, особенно с учетом последних изменений в законодательство в части возможности банкротства физических лиц, а также с целью предотвращения преднамеренного и фиктивного банкротства, для защиты интересов государства возможность участия прокурора в делах данной категории представляется необходимой. В обоснование этой точки зрения приведен как недавний исторический опыт Российской Федерации по правовому регулированию данной сферы экономических отношений, так и опыт ряда государств с переходной экономикой (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Армения). Автором проанализированы позиции Конституционного Суда РФ, согласно которым участие прокурора в гражданском судопроизводстве не влияет на реализацию сторонами процесса своих прав. Изучена практика Европейского Суда по правам человека, согласно которой участие прокурора в гражданском судопроизводстве оправдано при условии защиты уязвимых лиц, интересов государства. Приведены соответствующие положения Модельного закона о несостоятельности (банкротстве), принятого на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ постановлением № 10-15 от 6 декабря 1997 года. Таким образом, автором обоснована необходимость законодательного закрепления возможности участия прокурора в делах о банкротстве на данном этапе развития этого правового института.

Ключевые слова: прокурор, банкротство, фиктивное и преднамеренное банкротство.

В настоящее время участие прокурора при рассмотрении судами дел о несостоятельности (банкротстве) не предусмотрено. Это следует из системного анализа следующих норм права: п. 3 ст. 1, ст. 35 Федерального закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 40, 52 АПК РФ, ст. 34, 35 Федерального закона «О несостоятельности (Банкротстве)» [1, 2].

Согласно указанным нормам, прокуроры участвуют в рассмотрении дел арбитражными судами в соответствии с процессуальным законодательством, которое, в свою очередь, не называет прокурора в числе лиц, участвующих в арбитражном процессе по делам о банкротстве.

В то же время, особенно с учетом последних изменений в Федеральный Закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части распространения процедуры банкротства на физических лиц, необходимость участия прокурора в рассмотрении отдельных дел данной категории представляется очевидной, исходя из следующего.

Во-первых, реализация прокурором права обращения в суд с заявлением и вступления в дело в любой стадии процесса происходит исключительно в целях защиты прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства.

В практике рассмотрения арбитражными судами дел о банкротстве граждан неизбежно возникнут ситуации, когда гражданин в арбитражном процессе не сможет защищать свои права самостоятельно по состоянию здоровья, недееспособности, возрасту и другим уважительным причинам.

Отчасти эта проблема будет решена путем привлечения к участию в деле органа опеки и попечительства в делах о банкротстве граждан, затрагивающих права несовершеннолетнего лица или права лица, признанного судом недееспособным (п. 3 ч. 2 ст. 213.6, ч. 5 ст. 213.32 ФЗ «О несостоятельности [банкротстве]»).

Однако, по мнению автора, предусмотренная законодателем возможность привлечения органов опеки и попечительства не способна в полной мере защитить права граждан, которые свои права защитить не в состоянии в силу ряда причин (возраст, состояние здоровья, неграмотность и т. д.).

Кроме того, в ряде случаев необходимость участия прокурора в делах о банкротстве вызвана необходимостью защиты экономических интересов государства (участие в процедуре банкротства предприятий с долей государственной собственности, иные интересы государства). Действительно, гораздо эффективнее и целесообразнее предотвратить, не допустить незаконные действия при банкротстве, чем устранять (что зачастую невозможно) наступившие в результате негативные последствия. И участие прокурора в делах о банкротстве несомненно способствовало бы этому.

Также необходимо учитывать возможные масштабные негативные последствия в случае банкротства негосударственных пенсионных фондов, банковских, страховых учреждений, крупных застройщиков, предприятий – крупных работодателей и т. д. Количество потенциально пострадавших в результате таких банкротств граждан может исчисляться десятками и сотнями тысяч, а размер причиненного ущерба – миллиардами рублей.

Не вполне оправдан, на наш взгляд, и подход законодателя в определении полномочий прокурора.

С одной стороны, прокурору отведена важная роль при реализации юридической ответственности (прежде всего, административной и уголовной) за нарушения законодательства при банкротстве.

Так, в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 28.4), на прокурора возложена обязанность возбуждать дела об административных правонарушениях по ст. 14.13 – неправомерные действия при банкротстве (за исключением случая, если данные правонарушения совершены арбитражным управляющим), а при осуществлении надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ, прокурор также вправе возбудить дело о любом другом административном правонарушении.

Более того, прокурор наделен, согласно уголовно-процессуальному законодательству, широкими полномочиями в уголовном процессе, в том числе по делам данной категории (ст. 195 – Неправомерные действия при банкротстве, ст. 196 – Преднамеренное банкротство, ст. 197 – Фиктивное банкротство).

В то же время, с другой стороны, прокурор не наделен правом защиты прав и интересов государства и тех субъектов, которые самостоятельно защитить их не в состоянии (как было отмечено выше, участие прокурора в таких делах законом не

предусмотрено). А ведь такая возможность участия прокурора в делах о банкротстве служила бы функции предупреждения правонарушений и преступлений.

В пользу позиции автора свидетельствует и то обстоятельство, что Закон Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» 1992 г. предусматривал право прокурора на обращение с заявлением о возбуждении производства по делу о несостоятельности при наличии признаков умышленного или фиктивного банкротства. Под умышленным банкротством понималось преднамеренное создание или увеличение руководителем или собственником предприятия его неплатежеспособности, нанесение ущерба предприятию в личных интересах или в интересах иных лиц, заведомо некомпетентное ведение дел. Фиктивное банкротство определялось законом как заведомо ложное объявление предприятием о своей несостоятельности с целью введения в заблуждение кредиторов для получения от них отсрочки и (или) рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов. В рамках закона фиктивное и умышленное банкротство признавались разновидностью неправомерных действий должника или собственника предприятия до открытия конкурсного производства.

По указанному Закону 1992 г. право прокурора обратиться в суд для возбуждения производства по делу о несостоятельности при наличии признаков фиктивного или умышленного банкротства служило установлению факта совершения неправомерных действий.

Автор не может привести негативных примеров из прокурорской и судебной практики, которые препятствовали бы возврату данной нормы в действующий закон, тем более с учетом новаций о банкротстве граждан.

Следует отметить, что в законодательстве ряда стран СНГ предусмотрена возможность участия прокурора в делах о банкротстве с целью защиты интересов государства. Прежде всего, это касается стран с переходной экономикой, имеющих значительную долю участия в ней государства (постсоветские страны, к числу которых относится и Россия).

Так, ст. 34 Закона Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» предусмотрена возможность прокурора подавать заявления в хозяйственный суд о несостоятельности (банкротстве) должника, если им выявлены признаки преднамеренного банкротства, фиктивного банкротства; если у должника имеется задолженность по обязательным платежам; в интересах кредиторов – Республики Беларусь, административно-территориальной единицы Республики Беларусь по денежным обязательствам; в иных случаях, установленных законодательными актами. Согласно ст. 47 Закона Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве», предусмотрена возможность обращения прокурора в суд с заявлением о признании должника банкротом в двух случаях: когда им обнаружены признаки преднамеренного банкротства; в интересах кредитора – Республики Казахстан, государственных органов. Согласно ч. 3 ст. 6 Закона Республики Армения «О несостоятельности (банкротстве)», при неподаче искового заявления о банкротстве государственными органами, его подают органы прокуратуры в порядке, установленном Законом «О прокуратуре» и иными законами Республики Армения. В соответствии со ст. 44 Закона Республики Узбекистан, прокурор вправе обратиться в хозяйственный суд с заявлением о признании должника банкротом, когда им обнаружены признаки сокрытия банкротства, а также в интересах кредитора [3–6].

Более того, в соответствии с Модельным законом о несостоятельности (банкротстве), предусмотрено активное участие прокурора [7].

Так, в соответствии со ст. 37 Модельного закона о несостоятельности (банкротстве), прокурор наделен правом на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом:

- когда им обнаружены признаки преднамеренного (умышленного) банкротства;
- когда у должника имеется задолженность по обязательным платежам;
- в интересах кредитора по денежным обязательствам – государства, административно-территориальной единицы;
- в иных случаях, предусмотренных законом (к таким относятся заявление прокурора о недействительности мирового соглашения согласно ст. 118, заявление прокурора о банкротстве банка в защиту интересов неопределенного числа вкладчиков в соответствии со ст. 138, заявление прокурора о признании страховой организации банкротом, поданное в защиту интересов неопределенного круга кредиторов-страхователей в порядке ст. 142, заявление о признании гражданина, а также индивидуального предпринимателя, главы крестьянского [фермерского] хозяйства банкротом согласно ст. 148, 158, 161, заявление о признании банкротом отсутствующего должника [ст. 170]).

Заявление прокурора подается в суд с соблюдением требований, предусмотренных настоящим Законом в отношении заявления кредитора, если иное не предусмотрено законом или не вытекает из существа правоотношений.

В контексте данного вопроса уместно упомянуть и позиции Европейского Суда по правам человека относительно возможности участия прокурора в гражданском судопроизводстве [8].

Европейский суд, вынося судебные постановления по ряду дел, указал, что Резолюция Парламентской ассамблеи 1604 (2003) о роли прокуратуры в демократическом обществе, регулируемом верховенством права, в соответствующей части предусматривает, что роль прокуроров в общей защите прав человека не должна порождать какой-либо конфликт интересов или препятствовать людям в обращении за государственной защитой их прав.

Европейский суд не исключает того, что поддержка прокуратурой одной из сторон может быть оправдана при определенных условиях, например, в целях защиты уязвимых лиц, которые считаются не способными защитить свои интересы самостоятельно, либо в случае если правонарушение затрагивает большое число людей или если требуют защиты реальные государственные интересы или имущество.

Позиции Конституционного суда Российской Федерации также сводятся к тому, что положения законодательства об участии прокурора в гражданском судопроизводстве в различных формах сами по себе не могут рассматриваться как препятствующие реализации в полном объеме прав сторон в процессе [9]. В деле, в котором орган прокуратуры является истцом или ответчиком, представитель прокуратуры, защищающий его интересы как участника спорного материального правоотношения, обладает лишь теми общими правами и обязанностями лица, участвующего в деле, которые закреплены в статье 35 ГПК Российской Федерации. Заключение прокурора не может предопределять позицию суда по конкретному делу, которая должна формироваться в результате установления фактических обстоятельств, а также беспристрастного, всестороннего и полного исследования всех материалов и

доказательств, заслушивания мнений, доводов сторон и других лиц, участвующих в деле.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, представляется необходимым законодательно закрепить возможность участия прокурора при рассмотрении арбитражными судами РФ дел о несостоятельности (банкротстве) с целью защиты прав отдельных категорий граждан и интересов государства, а также предотвращения преднамеренного и фиктивного банкротства.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 17 января 1992 года №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. – №47. – Ст. 4472.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 №123-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О несостоятельности (банкротстве)» // Доступ из справочно-правовой системы Консультант – Плюс.
3. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», от 13 июля 2012 года, № 415-З. Режим доступа: <http://www.bankrot.by/zak>.
4. Закон Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве» от 7 марта 2014 года № 176-V. - Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31518958&doc_id2=31518958#pos=49;4&sub_id2=470000&sel_innk=1003913125.
5. Закон Республики Узбекистан «О банкротстве» N 474-II от 24.04.2003г. Режим доступа: <http://ru.convdocs.org/docs/index-249302.html>.
6. Закон Республики Армения «О несостоятельности (банкротстве)». – Режим доступа: http://sro.su/index.php?Itemid=52&id=68&option=com_content&task=view.
7. Модельный закон о несостоятельности (банкротстве). Принят на 10-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление №10-15 от 6 декабря 1997 г.). Информационный бюллетень // Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств.–1998. – № 16. – С. 255–338.
8. Постановление Европейского суда от 15 января 2009 г. по делу «Менчинская против Российской Федерации» (Menchinskaya v. Russia), жалоба № 42454/02, Постановление Европейского суда от 1 апреля 2010 г. по делу «Королев против Российской Федерации (Korolev)» (№ 2)», жалоба № 5447/03 // Доступ из справочно-правовой системы Консультант – Плюс.
9. Определения Конституционного Суда Российской Федерации: от 27 мая 2010 г. N 696-О-О по делу Товстик С. А., от 28 мая 2009 г. N 589-О-О по делу Квотченко А. Л., от 18 декабря 2007 г. N 831-О-О по делу Петрова В. В., от 25 февраля 2013 г. N 200-О по делу Хомякова М. А. // Доступ из справочно-правовой системы Консультант – Плюс.

Dobrorez I. A. Investigatory experiment as a form of application of the experimental method in the criminal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – Р. 77 – 82.

Participation of the prosecutor in bankruptcy cases in the current legislation of the Russian Federation is not provided. At the same time, especially in view of recent changes in legislation regarding the possibility of bankruptcy of physical persons, and also to prevent the deliberate and fraudulent bankruptcy, to protect the interests of the state, the opportunity to participate in the affairs of the prosecutor in this category appears necessary. In support of this view is shown as the recent historical experience of the Russian Federation on the legal regulation of the sphere of economic relations, as well as the experience of some transition countries (Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan, Armenia). The author analyzes the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, according to which the participation of the prosecutor in civil proceedings does not affect the implementation by the parties of their rights. Examine the practice of the European Court of Human Rights, according to which the participation of the prosecutor in civil proceedings is justified, provided the

protection of vulnerable persons and the interests of the state. The relevant provisions of the Model Law on Insolvency (Bankruptcy), adopted at the plenary session of the Interparliamentary Assembly of CIS member-states the Resolution № 10-15 on December 6, 1997. Thus, the author of the necessity of legislative consolidation of the possibility of participation of the prosecutor in cases of bankruptcy at this stage of development of this legal institution.

Keywords: Attorney, bankruptcy, fictitious and deliberate bankruptcy.

Spisok literaturey:

1. Federalnyy zakon ot 17 yanvarya 1992 goda №2202-1 «O prokureture Rossiyskoy Federatsii» // SZ RF. 1995. – №47. – St. 4472.
2. Federalnyy zakon ot 26.10.2002 №123-FZ (red. ot 13.07.2015) «O nesostoyatelnosti (bankrotstve)» // Dostup iz spravочно-pravovoy sistemy Konsultant – Plyus.
3. Natsionalnyy pravovoy internet-portal Respubliki Belarus. Zakon Respubliki Belarus «Ob ekonomicheskoy nesostoyatelnosti (bankrotstve)», ot 13 iyulya 2012 goda, № 415-Z. Rezhim dostupa: <http://www.bankrot.by/zak>.
4. Zakon Respubliki Kazahstan «O reabilitatsii i bankrotstve» ot 7 marta 2014 goda № 176-V. - Re-zhim dostupa: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31518958&doc_id2=31518958#pos=49;4&sub_id2=470000&sel_innk=1003913125.
5. Zakon Respubliki Uzbekistan «O bankrotstve» N 474-II ot 24.04.2003g. Rezhim dostupa: <http://ru.convdocs.org/docs/index-249302.html>.
6. Zakon Respubliki Armeniya «O nesostoyatelnosti (bankrotstve)». – Rezhim dostupa: http://sro.su/index.php?Itemid=52&id=68&option=com_content&task=view.
7. Modelnyy zakon o nesostoyatelnosti (bankrotstve). Prinyat na 10-m plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoy Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG (Postanovlenie №10-15 ot 6 dekabrya 1997 g.). Informatsionnyy byulleten // Mezhparlamentskaya Assambleya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv.–1998. – № 16. – S. 255 – 338.
8. Postanovlenie Evropeyskogo suda ot 15 yanvarya 2009 g. po delu «Menchinskaya protiv Rossiyskoy Federatsii» (Menchinskaya v. Russia), zhaloba № 42454/02, Postanovlenie Evropeyskogo suda ot 1 ap-relya 2010 g. po delu «Korolev protiv Rossiyskoy Federatsii (Korolev) (№ 2)», zhaloba № 5447/03 // Dostup iz spravочно-pravovoy sistemy Konsultant – Plyus.
9. Opredeleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: ot 27 maya 2010 g. N 696-O-O po delu Tovstik S.A., ot 28 maya 2009 g. N 589-O-O po delu Kvotchenko A.L., ot 18 dekabrya 2007 g. N 831-O-O po delu Petrova V.V., ot 25 fevralya 2013 g. N 200-O po delu Homyakova M.A. // Dostup iz spravочно-pravovoy sistemy Konsultant – Plyus.

УДК 343.618:343.85

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕДМЕТОМ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мидловец М. В., Соляной А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуется дорожный транспорт как предмет дорожно-транспортных преступлений, а также место дорожного транспорта в системе источников повышенной опасности. Авторами исследуются теоретические научные наработки в области определения предмета посягательства, а также источника и объекта повышенной опасности в контексте уголовного законодательства и отраслевых, специализированных нормативно-правовых актов Российской Федерации. В соответствии с законами Российской Федерации по обеспечению дорожно-транспортной безопасности раскрывается предмет дорожно-транспортных преступлений, который выступает особым элементом отграничения данных преступлений от других составов, общественная опасность которых имеет такие же последствия, а именно преступлений против жизни и здоровья человека. Авторами исследуются нормы уголовного и гражданского законодательства о возмещении вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность, а также соотношение норм об ответственности за причинение вреда дорожно-транспортным преступлением и непосредственно возмещение такого вреда. В работе высказывается необходимость принятия закона об источниках повышенной опасности, который раскрывал бы сущность такой деятельности и виды объектов повышенной опасности, а также разработки нормативов по отнесению объектов материального мира к той или иной категории объектов повышенной опасности в зависимости от их качественных характеристик.

Ключевые слова: дорожно-транспортное средство, эксплуатация транспорта, дорожно-транспортные преступления, предмет, источник повышенной опасности, объект повышенной опасности, возмещение вреда.

В современных условиях транспорт является неотъемлемой частью жизни общества, при этом обладает высокой степенью общественной опасности, поэтому вопрос законодательной регламентации уголовно-правовой ответственности за совершение дорожно-транспортных преступлений приобретает особую актуальность в связи с высокой динамичностью уголовного законодательства. Но помимо уголовной ответственности виновного, для потерпевшего большое значение имеет вопрос возмещения вреда, причиненного таким преступлением, поэтому следует обратить внимание и на соответствие уголовного и гражданского законодательства по данному вопросу.

Так, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в Главе 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» в ст. 264, 264.1 предусматривает уголовную ответственность за совершение действий, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспорта, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо смерть. Но в данных статьях законодатель не определяет порядок возмещения

вреда, причиненного такими действиями, которое может заключаться в возмещении утраченного потерпевшим заработка (дохода), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенных расходов, вызванных повреждением здоровья, в том числе расходов на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение (ч. 1 ст. 1085 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), возмещении расходов на погребение (ст. 1094 ГК РФ), возмещение ущерба в результате смерти кормильца (ст. 1088 ГК РФ), возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением.

В соответствии с положениями ст. 264, 264.1 УК РФ уголовная ответственность за дорожно-транспортные преступления наступает в случае причинения тяжкого вреда здоровью человека либо его смерти. Таким образом, при совершении данного преступления всегда есть потерпевший – лицо, которому преступлением причинен тяжкий вред здоровью или лицо/лица, потерявшие кормильца в результате его смерти. Согласно ч. 3, 4 ст. 42 УК РФ, потерпевший имеет право на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, и морального вреда в денежном выражении. Такими же правами наделен гражданский истец.

Возмещение вреда регулируется положениями Главы 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» ГК РФ. Особое значение для потерпевших от дорожно-транспортных преступлений имеет ст. 1079 ГК РФ, в которой предусмотрен такой вид ответственности, как возмещение вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Часть 1 ст. 1079 ГК РФ гласит: «Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности...» [4]. При этом вред может быть причинен и как деятельностью, создающей повышенную опасность, так и самим источником повышенной опасности.

Но оперируя такими терминами, законодатель не дает четкого определения «источнику повышенной опасности» или «объекту повышенной опасности» ни в ГК РФ, ни в других нормативно-правовых актах [1–4]. При этом предусматривая уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатацию транспорта, законодатель в УК РФ вообще не использует таких терминов. Единственным положением, связывающим дорожно-транспортные преступления и возмещение вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность, является перечисление в ст. 264 УК РФ транспортных средств, таких как автомобиль, трамвай либо другое механическое транспортное средство (трактор, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, транспортные средства, на управление которыми предоставляется специальное право) и отнесение в ч. 1 ст. 1079 ГК РФ использование транспортного средства к деятельности, создающей по-

вышенную опасность. Такое «размытое» соотношение ответственности за преступление лишает потерпевшего в полной мере восстановить свои нарушенные права и возместить понесенные потери. Для исключения возможных ошибок и неточностей в правоприменительной практике по данному вопросу необходимо четкое соответствие терминологии в законодательстве, обобщение вопросов применения и эксплуатации источников повышенной опасности в одном нормативно-правовом акте с указанием четкой классификации таких объектов.

В юридической науке есть большое количество публикаций, связанных с осмыслением понятия источника повышенной опасности, но тем не менее ученые не пришли к единому мнению не только в понимании сущности данного термина, но и в его юридическом определении. Были разработаны три основные теории, суть которых сводится к следующему:

1. источник повышенной опасности – это деятельность, создающая опасность причинения вреда (М. М. Агарков, Б. С. Антимонов). Данная теория еще называется «теория деятельности» и получила свое отражение в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 года № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного здоровью», где разъясняется, что источником повышенной опасности надлежит признавать любую деятельность, осуществление которой дает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и иных объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами [5].

2. это свойства предметов, непознанные еще наукой и техникой, еще не полностью поддающиеся контролю человека (Т. Б. Мальцман, Е. А. Флейшиц);

3. это физический объект материального мира, который при определенных количественных и качественных параметрах не поддается контролю со стороны человека (А. А. Собчак, О. А. Красавчиков, А. М. Белякова) – «теория объекта» [13, с. 17].

Поскольку указанные теории не противоречат одна другой, было высказано мнение, что источник повышенной опасности – это как деятельность, так и использование объектов, которые могут причинить вред (А. П. Сергеев, С. К. Шишкин). По сути, такова же и позиция законодателя. Данная концепция получила название «теория движущихся вещей», согласно которой источником повышенной опасности «являются вещи, оборудование, находящиеся в процессе эксплуатации и создающие при этом повышенную опасность» [6].

С другой стороны, для правоприменительной деятельности большое значение имеет именно «теория объекта», так как устанавливая ответственность владельца объекта повышенной опасности, законодатель не определяет, какие именно вещи материального мира относятся к ним. Статья 1079 ГК РФ ограничивается лишь примерным перечнем таких источников: «транспортные средства, механизмы, электрическая энергия высокого напряжения, атомная энергия, взрывчатые вещества, сильнодействующие яды и т. п.; строительная и иная, связанная с ней деятельность и др.» [4].

В юридической литературе были выделены некоторые признаки (свойства) объекта повышенной опасности, к которым относят неустойчивость (мощность, сложность), неопределенность развития процесса, высокая вероятность причинения вреда окружающим, необратимость разрушительного процесса, который они вызывают [13, с. 18]; неподконтрольность и вредоносность [11].

Исходя из высказанных в научных трудах подходов в понимании источника повышенной опасности и свойств таких источников, были сформулированы черты

объекта повышенной опасности как материального объекта: 1) вовлеченного в деятельность юридического лица, гражданина; 2) обладающее само по себе или наделенное человеком вредоносными свойствами; 3) создающее повышенную вероятность причинения вреда окружающим; 4) не поддающееся полному и всеобъемлющему контролю над ним со стороны человека, несмотря на принятие им всех мер предосторожности и осмотристельности [10].

В зависимости от происхождения источник опасности может быть: природный, антропогенный или смешанный – природно-антропогенный.

По форме энергии, заключенной в соответствующем материальном объекте, источники (объекты) повышенной опасности подразделяются на: а) физические, которые, в свою очередь, подразделяются на механические (транспорт), электрические (системы высокого напряжения) и тепловые (паросиловые установки); б) физико-химические, к которым относятся радиоактивные материалы; в) химические, которые объединяют отравляющие (яды, наркотические средства), взрывоопасные (некоторые газы) и огнеопасные (некоторые виды топлива); г) биологические, которые делятся на зоологические (дикие животные) и микробиологические (некоторые штаммы микроорганизмов) [7].

Таким образом, мы видим, что деятельность по управлению и эксплуатации дорожно-транспортного средства отвечает всем признакам источника повышенной опасности, а дорожно-транспортное средство выступает в таком случае объектом повышенной опасности. Являясь предметом преступления, под которым в теории уголовного права понимается вещь или другой физический (вещественный) предмет внешнего мира, предусмотренный уголовным законом, путем незаконного воздействия на который наносится вред соответствующим охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам и интересам либо создается угроза причинения такого вреда [11, с. 15], дорожно-транспортным средством наносится вред здоровью и жизни человека, а также имущественный вред, подлежащие возмещению. Но отсутствие четкого законодательного закрепления термина «источник повышенной опасности» и «объект повышенной опасности», а также их классификации, значительно усложняет восстановление прав, нарушенных ДТП.

Значительное внимание и большой интерес к вопросу источника повышенной опасности говорит в первую очередь о наличии спорных, неоднозначных вопросов в его определении и установлении, что негативно сказывается на практике. Также это свидетельствует о необходимости принятия отдельного закона (нормативов), который определял бы сущность источника повышенной опасности и классифицировал объекты повышенной опасности в зависимости от их качественных характеристик, где отдельную категорию занимали бы транспортные средства: воздушный, железнодорожный, морской, дорожный транспорт, который определял бы конкретный вид дорожного транспорта как объекта повышенной опасности, подразделенного в зависимости от назначения, мощности, габаритов и др. Это во многом упростит привлечение к ответственности, создаст больше гарантий соблюдения правил и норм эксплуатации конкретного объекта повышенной опасности в зависимости от характера его вредоносности. Тем более, в трудах современных ученых есть все необходимые разработки по данному вопросу.

Таким образом, подводя итог, мы можем сделать вывод, что предметом дорожно-транспортных преступлений является объект повышенной опасности ввиду своих качественных характеристик, но отсутствие в действующем законодательстве четкого указания на такую сущность дорожно-транспортного средства, определения классификации источников повышенной опасности, может привести к проблемам применения законодательства о возмещении вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Именно поэтому принятие

закона об источниках повышенной опасности и разработка нормативов по отнесению того или иного объекта материального мира к конкретной категории объектов повышенной опасности имеет большое значение для возмещения вреда, причиненного нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 декабря 1995 г., N 50, ст. 4873.
2. Федерального закона от 9 февраля 2007 г. N 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [Текст] // Собрание законодательства РФ. 2007. N 7. Ст. 837.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. N 5 ст. 410.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
5. О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного здоровью: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 7.
6. Бикеев И. И. Понятие и виды объектов повышенной опасности в уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 1 (1). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-obektov-povyshennoy-opasnosti-v-ugolovnom-prave>.
7. Долинская В. В. Источники повышенной опасности // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009, № 9. <http://www.center-bereg.ru/k1527.html>.
8. Кузнецов И. В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. – 26 с.
9. Любимов Л. В. Дорожно-транспортные преступления: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциации ответственности участников дорожного движения: Дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08. – М.: РГБ, 2005. – 234 с.
10. Редин М. П. Понятие источника повышенной опасности и правовая природа (сущность) обязательства из причинения вреда его действием. «Российская юстиция», 2008, N 2. <http://www.center-bereg.ru/b11152.html>.
11. Румянцев М. Б. Новая концепция понятия источника повышенной опасности как категории гражданского права. <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/>
12. Тебряев А. А. О понятии источника повышенной опасности // ЮРИСТ. – № 3, 2003. [http://online.arbt.ru/vestnik/60\(76\)/247163.htm](http://online.arbt.ru/vestnik/60(76)/247163.htm).
13. Щедрин Н. В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности // Государство и право – 2008. – № 7. С. 16–24.

Midlovets M.V., Solyanoj A.V. Compensation for Damage, Caused by the Subject of Road Transport Crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – T. 1 (67). № 4. – P. 83–88.

The article study the road transport as an object of traffic offenses, and the place of road transport in the system of sources of increased danger. The author explores the theoretical scientific developments in the field of definition of the object of attacks, as well as the source and the object of increased danger in the context of criminal law and industry-specialized legal acts of the Russian Federation. In accordance with the laws of the Russian Federation to ensure road safety reveals the subject of road traffic offenses, which serves a distinct element distinguishing such crimes from other trains, public danger which has the same effect, namely crimes against human life and health. The author examines the provisions of criminal and civil law for damages caused by the activities, creating increased risk, as well as the ratio of the rules on liability for damage to road traffic offense and compensation for such damage. The article expressed the need of the adoption of the law on the sources of increased danger, which would disclose the nature of such activities and the types of high-risk, as well as the development of standards for classifying material objects to a category of high-risk, depending on their quality characteristics.

Keywords: road vehicle, transport operation, road traffic offense, the subject, the source of high-risk, the object of high risk, compensation for damage.

Spisok literatury

1. Federal'nyj zakon ot 10.12.1995 N 196-FZ «O bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija». // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 dekabrya 1995 g., N 50, st. 4873.
2. Federal'nogo zakona ot 9 fevralja 2007 g. N 16-FZ «O transportnoj bezopasnosti» [Tekst] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. N 7. St. 837.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 26 janvarja 1996 g. N 14-FZ. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 janvarja 1996 g. N 5 st. 410.
4. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 ijunya 1996 g. N 63-FZ. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 ijunya 1996 g. N 25 st. 2954.
5. O sudebnoj praktike po delam o vozmeshhenii vreda, prichinennogo zdo-rov'ju: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28 aprelja 1994 g. // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 1994. № 7.
6. Bikeev I. I. Ponjatie i vidy ob#ektov povyshennoj opasnosti v ugolov-nom prave // Aktual'nye problemy jekonomiki i prava. 2007. №1 (1). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-obektov-povyshennoj-opasnosti-v-ugolovnom-prave>
7. Dolinskaja V. V. Istochniki povyshennoj opasnosti. / "Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika", 2009, N 9. <http://www.center-bereg.ru/k1527.html>
8. Kuznecov I. V. Ponjatie i vidy predmetov prestuplenij v ugolovnom prave Rossii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Cheljabinsk, 2007. – 26 s.
9. Ljubimov L.V. Dorozhno-transportnye prestuplenija: problemy zakono-datel'nogo konstruirovaniya sostavov i differenciacii otvetstvennosti uchastnikov dorozhnogo dvizhenija: Dis. ... kand. jurid. nauk 12.00.08 .-M.: RGB, 2005. – 234 s.
10. Redin M. P. Ponjatie istochnika povyshennoj opasnosti i pravovaja pri-roda (sushhnost') objazatel'stva iz prichinenija vreda ego dejstviem. "Rossijskaja justicija", 2008, N 2. <http://www.center-bereg.ru/b11152.html>
11. Rumjancev M.B. Novaja koncepcija ponjatija istochnika povyshennoj opas-nosti kak kategorii gra-zhdanskogo prava. <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/>
12. Tebrjaev A. A. O ponjatii istochnika povyshennoj opasnosti. "JuRIST", N 3, 2003. [http://online.arbt.ru /vestnik/60\(76\)/247163.htm](http://online.arbt.ru/vestnik/60(76)/247163.htm)
13. Shhedrin N.V. Istochnik povyshennoj opasnosti, ob#ekt povyshennoj ohrany i mery bezopasnosti // Gosudarstvo i pravo – 2008. – № 7. S. 16–24.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 89–93.

УДК 343.976

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ НА НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Пархоменко Л. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Актуальность исследования уголовно-правовых аспектов состояния опьянения обуславливается в первую очередь существованием достаточно четко выраженной социальной потребности в совершенствовании форм, средств и методов борьбы с преступностью и предотвращения преступлений, в том числе совершенных в состоянии опьянения. Кроме того, общепризнанным является включение опьянения и связанных с ним социальных явлений (пьянство, алкоголизм, наркомания, токсикомания) в состав многофакторного комплекса детерминант преступности. Нельзя не отметить обеспокоенность общества, связанную с продолжающейся алкоголизацией и наркотизацией, ростом числа бытовых и иных преступлений, совершаемых на почве пьянства и наркотизации.

Сложным и интересным с точки зрения уголовно-правовой теории является вопрос о реализации принципа субъективного вменения в случаях, когда преступление совершается в состоянии опьянения. Установление особенностей процесса отражения преступного деяния в психике лица требует комплексного анализа уголовно-правовых и криминологических и судебно-психиатрических аспектов состояния опьянения.

В настоящее время не существует какой-либо единой, комплексной, поддерживаемой подавляющим большинством специалистов точки зрения по проблеме дифференциации уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Уголовное законодательство в данной сфере остается подверженным изменениям.

Ключевые слова: преступление, состояние опьянения, наказание, обстоятельство, отягчающее наказание, индивидуализация и дифференциация уголовной ответственности.

Среди асоциальных явлений, присущих современному обществу, алкоголизм и пьянство занимают особое место, обусловленное масштабностью и разнообразием фактически причиняемого ими социуму вреда. Пристрастие к спиртным напиткам отрицательно сказывается на всех сторонах жизни, мешает культурному и профессиональному росту людей, разрушает их здоровье, негативно влияет на воспитание детей, нередко приводит к разрушению семьи, деградации личности и подрыву генетического потенциала нации. Злоупотребление алкоголем – частая причина гибели людей, аварий, дорожных происшествий.

Вместе с тем алкоголизм – один из традиционных криминогенных факторов. По данным статистики, на протяжении последних 30 лет в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения находилось более половины всех осужденных. При рассмотрении вопроса о влиянии алкоголизма на отдельные виды преступлений: убийства, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, хулиганство, хищения, нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, установлено, что он занимает одно из первых мест среди детерминантов этих правонарушений [22, с. 3].

Первые исследования, в которых затрагивается вопрос значения состояния опьянения для уголовной ответственности относятся еще к эпохе Нового времени. Много отечественных работ по данной и близким темам вышли в печать до Октябрьской революции и в период действия первых советских уголовных кодексов, однако с середины 1930-х и вплоть до 1950-х годов активность исследователей резко снижается, работы, затрагивающие уголовно-правовые аспекты опьянения, практически не публикуются. После принятия УК РСФСР 1960 года данная тема получила развитие в работах, посвященных проблемам борьбы с пьянством и алкоголизмом, в том числе уголовно-правовой (работы Б. С. Бейсенова, А. А. Габиани, Я. М. Калашника, Н. С. Лейкиной). Появление большого количества публикаций было связано также с политикой антиалкогольной кампании (в этот период по рассматриваемой проблеме работали такие ученые как Г. Н. Борзенков, С. В. Бородин, Г. М. Миньковский, Э. Ф. Побегайло). Однако большинство указанных исследований касается лишь проблем, связанных с алкогольным опьянением и сопутствующими ему явлениями, рассматривая пьянство как пережиток капиталистических отношений. Особенно это касается работ 1986–1989 года, в которых оценка алкоголя как однозначного социального зла во многом предопределяет содержание теоретических выводов [5, с. 31].

В современный период проблемы уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, рассматриваются в основном в научных трудах, предметом исследования которых является субъект преступления и психология личности преступника: А. С. Бабанова [3, с. 196], Р. Б. Булатова [4, с. 175], Н. Г. Иванова, Г. В. Назаренко, В. Г. Павлова, А. В. Рагулина [6, с. 28], О. Д. Ситковской, Б. А. Спасенниковой, Г. А. Юрковой [9, с. 166]. Соответствующие разделы присутствуют также в большинстве учебных пособий по уголовному праву и криминологии.

Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» [8] система обстоятельств, отягчающих наказание, дополнена новым видом – совершение преступления в состоянии опьянения. Это обстоятельство только условно можно назвать новым. Отечественному уголовному праву хорошо известен данный признак. Так, в п. 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 г. обстоятельством, отягчающим ответственность, признавалось совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения. Однако в УК РФ 1996 г. это обстоятельство первоначально не нашло отражения по причине преобладания мнения разработчиков законопроекта об отсутствии влияния опьянения на характер и степень общественной опасности совершенного деяния. Особенностью современной нормы является закрепление рассматриваемого обстоятельства не в общем перечне, предусмотренном в ч. 1 ст. 63 УК РФ, а самостоятельно, в ч. 1 ст. 63 УК РФ. Это вызвано его условным характером, заключающимся в том, что судья (суд), назначающий наказание, по своему усмотрению может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения только в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного [7, с. 153].

Ранее Верховным Судом РФ давалось разъяснение, согласно которому совершение лицом преступления в состоянии опьянения, вызванном потреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных или других одурманивающих веществ, законом не отнесено к обстоятельствам, отягчающим наказание.

В связи с данным разъяснением возник ряд вопросов: 1) по какой причине и насколько обоснованно состояние опьянения исключено из перечня отягчающих обстоятельств; 2) соответствует ли закону рекомендация Пленума учитывать рассматриваемое обстоятельство на основе критерия «личность виновного»; 3) как по-

нимать формулировку, сделанную Пленумом в п. 6, – «при наличии к тому оснований»? Остановимся кратко на этих вопросах. Для включения того или иного обстоятельства в перечень отягчающих (равно как и смягчающих) данных требуется установить, помимо обязательных черт – не характерности обстоятельства для большинства видов преступлений и свойства значительности влияния на наказание, – ряд дополнительных, а именно: 1) типичность обстоятельства; 2) безусловность (обязательность) и 3) строго определенную направленности влияния, а также 4) непроизводность от других, уже нашедших закрепление в законе обстоятельств.

Отвечая на вопрос о целесообразности закрепления состояния опьянения в качестве отягчающего признака, следует заметить, что в соответствии со ст. 23 УК привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление в состоянии опьянения, осуществляется на общих основаниях. Это означает возможность применения к такому лицу всех предусмотренных УК положений о назначении уголовного наказания. Согласно ч. 3 ст. 60 УК при назначении наказания суд должен учитывать характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Опьянение, особенно если оно связано с такими негативными социальными явлениями как пьянство, алкоголизм, наркомания, токсикомания, негативно характеризует человека, поэтому суд был вправе учитывать состояние опьянения при назначении наказания как оценку личности, что многократно подтверждается судебной практикой.

Кроме того, необходимо рассмотреть вопрос влияния изменения уголовного закона на противодействие преступлениям, совершаемым в состоянии опьянения. Не вдаваясь в философские рассуждения относительно степени воздействия объема кары на противоправное поведение индивидуумов в обществе, следует ответить, что, скорее всего, такое влияние окажется минимальным. Это связано, во-первых, с общим нигилистическим отношением российского общества к действующему законодательству, во-вторых, с уже имеющимися примерами неудачных попыток противодействия противоправному поведению подобным путем. И главное. Проблема алкоголизации и наркотизации российского общества лежит не в плоскости уголовного права. С помощью мер государственного принуждения, в том числе при привлечении к уголовной ответственности, суд может способствовать излечению от алкоголизма и наркомании конкретных лиц, например, согласно ч. 5 ст. 73 УК при назначении условного осуждения суд может обязать лицо пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании и токсикомании. На основе характеристики личности преступника суд может избрать более строгий вид наказания, изолировав его от общества. Предупредить же совершение преступления в состоянии опьянения путем закрепления запретительной нормы представляется невозможным по ряду причин, к которым относятся несвоевременность правового воздействия, «случайность» совершения преступления в состоянии опьянения, отсутствие связи между причиной совершения преступления и состоянием опьянения, когда лицо в любом случае проигнорирует уголовно-правовой запрет. Принятие данной нормы, как и многих последних нововведений в российском уголовном законодательстве, продиктовано скорее популизмом и политической конъюнктурой, нежели необходимостью, целесообразностью и соответствием правовым принципам. Это отягчающее обстоятельство, несомненно, находит отражение в судебной практике. Но его применение не всегда обоснованно. И уж тем более само по себе оно не будет способствовать цели предупреждения совершения новых преступлений. Вместе с тем социально-экономические, общеправовые и организационные меры, направленные на минимизацию уровня алкоголизации и наркотизации общества, могут дать реальный поло-

жительный эффект в виде снижения уровня преступности. А предупреждению преступности может способствовать дополнение системы иных мер уголовно-правового характера принудительными и поощрительными мерами, рассчитанными на предупреждение рецидива у лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. В их число следует включить меры, стимулирующие лицо к прохождению курсов лечения от алкоголизма и наркомании, к полному или частичному отказу от употребления алкоголя и иных одурманивающих веществ.

Невозможно не согласиться с мнением Беляева В. Г.: «Новый Уголовный кодекс красноречиво умалчивает о значении такого обстоятельства, как совершение преступления, в зависимости от характера преступления в состоянии опьянения. Реальное влияние опьянения на поведение слишком индивидуально. Оно может отягчать наказание, если опьянение повысило опасность хулиганства или грабежа, изнасилования или убийства. Может смягчать – при совершении преступлений подростками и лицами, не имеющими навыков в обращении с алкоголем. Но может быть и обстоятельством безразличным – при фальшивомонетничестве и подделке документов, хранении оружия и взяточничестве» [2, с. 106].

Следует заметить, что даже незначительное снижение уровня потребления алкоголя в стране ведет к снижению уровня преступности в целом и насильственной преступности в частности. Так, на Аляске в результате проведенного референдума была запрещена продажа алкоголя в деревнях. Уровень насильственных преступлений резко снизился. После отмены запрета преступность «вернулась» к прежним цифрам. В Беларуси в период антиалкогольной кампании снижение уровня продажи алкоголя в 1984–1986 гг. на 41 % привело к снижению уровня убийств на 31 %. Оказалось также, что снижение доступности алкоголя для подростков путем повышения минимального возраста его продажи и уровня цен приводит к уменьшению употребления алкоголя и снижению уровня насильственной преступности среди этой категории.

Таким образом, можно сделать вывод, что рост потребления спиртных напитков всегда провоцирует рост преступности, особенно рост числа особо тяжких преступлений. Пьянство и преступность идут «рука об руку». Пьянство способствует увеличению преступности, а преступность способствует увеличению пьянства [1, с. 3].

Список литературы:

1. Алексеева А. Г. Взаимосвязь алкоголя и преступности // Социология права. – Витебск, 2014 – 3 с.
2. Беляев В. Г. Применение уголовного закона. – Волгоград, 1998. – С. 106.
3. Бабанов А. С. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения : дис.... канд. гор. наук : 12.00.08 / А. С. Бабанов; Саратовский юридический институт. – Саратов, 2002. – 196 с.
4. Булатов Р. Б. Криминологическая и уголовно-правовая характеристики преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения : дис.... канд. юр. наук : 12,00.08 / Р. Б. Булатов. – СПб, 2005. – 175 с.
5. Гребеньков Александр Александрович. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Гребеньков Александр Александрович; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. – Краснодар, 2009. – 31 с.
6. Рагулина А. В. Психические отклонения и их уголовно-правовое значение : автореферат дис. ...канд. юр. наук: 12.00.08 / А. В. Рагулина. – М., 2000. – 28 с.
7. Хорошилв С. А. О состоянии опьянения как обстоятельстве, отягчающем уголовное наказание: спорные аспекты законодательного решения // Уголовно – правовая доктрина. Проблемы права. – № 3 (46) / 2014. – С. 151–156.

8. Федеральный закон от 21.10.2013 № 270-ФЗ «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153467/
9. Юров Г. А. Предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения : дис.... канд. юр. наук: 12.00.08 / Г. А. Юров. – Рязань, 2007. – 166 с.
10. Петрашова О. И. (Ольга Ивановна). Алкоголизм: криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук право / О. И. Петрашова. – Саратов, 2004. – 22 с.

Parchomenko L.V. Actual issues of alcohol abuse influence on criminal punishment rendering //

Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 89 – 93.

Urgency of the research of criminal-legal aspects of alcohol abuse state is determined first of all by definitely expressed social need to perfect the forms, means and methods of fight with crime to prevent crimes particularly committed under influence of alcohol. Besides, it is a well-known fact that alcohol abuse and connected with it social phenomena (alcohol addiction, drug addiction, toxicomania) make a part of multifactor complex determinant of crime. Insecurity of the public, connected with lasting alcohol and drug abuse, rise in number domestic and another types of crimes, committed under the influence of alcohol and drug addiction.

Issue related to realization of subjective imputation principle in cases when the crime is committed under the influence of alcohol is complicated and interesting from the view-point of criminal-legal theory. Finding peculiarities of the process of reflection of the criminal act in face psychology needs complex analysis of criminal-legal and criminological and judicial- psychiatric aspects of the alcohol abuse.

Nowadays there is no any unique, complex, supported by overwhelming majority of specialists viewpoint on the problem of differentiation of criminal responsibility of the persons, committed the crime under the influence of alcohol. Criminal legislation in this area experiences changes.

Key words: crimes, alcohol abuse, punishment, circumstance, aggravating punishment, individualization and differentiation of criminal responsibility.

Spisok literaturyi:

1. Alekseev A. G. the Relationship of alcohol and crime // Sociology of law of the Vitebsk. – 2014, 3 p.
2. Belyaev V. G. the Application of criminal law. – Volgograd, 1998. – P. 106.
3. Babanov S. A. Criminal liability for crimes committed under the influence of alcohol : doctor.... candidate. mountains. Sciences : 12.00.08 / S. A. Babanov; the Saratov law Institute. – Saratov, 2002. – 196 p.
4. Bulatov R. B. Criminological and criminal-legal characteristics of the crimes committed in a condition of drug intoxication : dis.... candidate. Jur. Sciences : 12,00.08 / R. B. Bulatov. – SPb.. 2005. – 175 with
5. Grebenkov, Alexander Alexandrovich. Criminal liability of persons who committed a crime while intoxicated : abstract dis. ... candidate of juridical science : 12.00.08 / Grebenkov, Alexander Aleksandrovich; [a protection Place: Kuban. GOS. Agrar. Univ]. – Krasnodar, 2009. – 31 s.
6. V. Ragulina Mental disorders and their criminally-legal value : the author's abstract dis. ...candidate. Jur. Sciences: 12.00.08 / V. Ragulina, A. – M., 2000. – 28 s.
7. Khoroshilov S. A. On intoxication as a circumstance otalkuser criminal punishment: controversial aspects of legislative decisions // Criminally – legal doctrine of the rights Issue. – № 3 (46) / 2014. – P. 151–156.
8. the Federal law from 21.10.2013 N 270-FZ "On amending article 63 of the Criminal code of the Russian Federation" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153467/
9. Yurov G. A. Prevention of crimes, committed in a condition of alcoholic intoxication :dis.... candidate. Jur. Sciences: 12.00.08 / G. A. Yurov. – Ryazan, 2007. – 166 p.

УДК 343.157

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Поддубняк А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Оперативно-розыскные мероприятия оперативно-розыскной деятельности осуществляются уполномоченными лицами на основании и в порядке, предусмотренном законодательством РФ, с целью установления данных оперативно-розыскного характера, входящих в предмет доказывания по конкретному делу. Данные мероприятия проводятся гласно и негласно, характеризуются целевой направленностью, внутренней структурированностью. Федеральный Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 6 содержит перечень оперативно-розыскных мероприятий, однако содержание их не раскрывает. На основе анализа различных мнений ученых обосновывается, что центральная роль в расследовании преступлений принадлежит уголовно-процессуальному доказыванию. В связи с этим возникает необходимость урегулирования на законодательном уровне понятия «доказательства», а также рассмотрения возможности включения в перечень источников доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: доказывание, оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, доказательства, оперативно-розыскные мероприятия.

Одной из основных задач уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности является поиск и фиксация фактических данных о противоправных действиях отдельных лиц и групп, ответственность за которые предусмотрена Уголовным кодексом РФ, с целью прекращения правонарушений и избрания лиц, их совершивших. Одним из видов юридической деятельности выступает оперативно-розыскная, осуществляемая на принципах законности гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов в пределах их полномочий, путем проведения оперативно-розыскных мероприятий с целью защиты прав и свобод, жизни человека, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Именно с этой целью оперативные подразделения наделены определенными правами, предусмотренными ст. 15 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ОРД), в том числе и такими, что ограничивают некоторые конституционные права и свободы личности (право на неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений) [1]. На законодательном уровне предусмотрена возможность и необходимость временного ограничения этих прав лица, исключительно с целью предотвратить преступление или выяснить истину во время расследования уголовного дела, если другим способом получить информацию невозможно.

Правоохранительные органы в своей деятельности зачастую сталкиваются с активным противодействием преступников, с разного рода «изохренными» приемами совершения преступлений и сокрытия их следов. Расследовать данные преступления классическими методами довольно трудно, а иногда и невозможно [4, с. 36–40]. В результате чего возрастает роль оперативно-розыскной деятельности. В действующем УПК РФ норм, что предусматривали бы комплексное использование

оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных средств, не предусмотрено. Что, в свою очередь, затрудняет объективное и всестороннее рассмотрение дела по существу. Принятие Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в 1995 г. способствовало закреплению положений, связанных с правовым регулированием ОРД, применением оперативно-розыскных средств и методов в борьбе с преступностью. Согласимся с А. Ю. Шумиловым, который достаточно точно отмечал: «Федеральный Закон “Об оперативно-розыскной деятельности” вобрал в себя удачные нормотворческие находки и, увы, не менее реальные просчеты» [7, с. 7].

Вопросы, связанные с проблемами использования результатов оперативно-розыскной деятельности, находили ответы в работах таких ученых как Алфёров В. Ю., Безлепкин Б. Т., Белкин Р. С., Доля Е. А., Карнеева Л. М., Чувилев А. А., Шейфер С. А. и другие. Ученые внесли весомый вклад для дальнейших разработок возможностей использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе на законодательном уровне. Что, в свою очередь, породило ряд важных вопросов, связанных с реализацией отмеченной возможности. На наш взгляд, трудности обусловлены именно недостаточной теоретической разработкой проблемы преобразования оперативно-розыскной информации в процессуальную. Ст. 11 ФЗ «Об ОРД» закрепляет положение о том, что «результаты, полученные в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, могут использоваться в уголовном процессе при подготовке и осуществлении не только следственных, но и судебных действий».

Следует отметить, что оперативно-розыскная деятельность отличается от уголовно-процессуальной рядом положений. Во-первых, она регламентируется ФЗ «Об ОРД» и осуществляется оперативными подразделениями государственных органов, закрепленных в ст. 13 этого Закона. Уголовно-процессуальная деятельность осуществляется теми субъектами, которые указаны в уголовно-процессуальном законе – УПК РФ, а именно – органами предварительного расследования, прокуратуры, судами. Во-вторых, в оперативно-розыскной деятельности применяются как гласные, так и негласные методы и средства. Оперативно-розыскная деятельность, так же, как и уголовный процесс, имеет свои, только ей присущие форму и содержание. Зуев в своем исследовании отмечает: «Уголовный процесс и ОРД утверждаются как два самостоятельных феномена» [3, с. 27]. Проводить параллель, отождествлять уголовный процесс и оперативно-розыскную деятельность, урегулированную Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», недопустимо. Это может означать, что оперативно-розыскные данные не могут сами по себе, непосредственно, напрямую стать доказательствами в уголовном процессе.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации № 18-0 от 14 февраля 1999 г. отмечается, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением ФЗ «Об ОРД», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно – на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона» [2, с. 44–45].

В юридической литературе отмечается, что «результаты оперативно-розыскной деятельности не являются доказательствами. Они могут содержать сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Однако эти результаты формируются за рамками уголовно-процессуальной деятельности, вне предусмотренных УПК РФ условий и порядка, субъектами оперативно-розыскной, а не уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому они не отвечают требованиям относимости, предъявляемым к содержанию доказательств, формируемых в рамках именно уголовного процесса (а не за его пределами) его субъектами,

а не субъектами оперативно-розыскной деятельности). Поскольку результаты оперативно-розыскной деятельности получают не из процессуальных источников и способами, не предусмотренными уголовно-процессуальным законом, они не отвечают и требованию допустимости, предъявляемому к форме доказательств. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в качестве основы, на которой в уголовном судопроизводстве могут быть сформированы доказательства при соблюдении требований уголовно-процессуального закона, предъявляемых к их содержанию (относимости) и форме (допустимости)» [5, с. 187–188].

Руководители и сотрудники оперативных подразделений на всех этапах при проведении оперативно-розыскных мероприятий с целью получения доказательств обязаны соблюдать нормы закона, которые должны отвечать требованиям допустимости полученных ими доказательств и их источников. Безусловно, они осуществляют оценку фактических данных относительно допустимости и могут в соответствии с законом создать необходимые условия для преобразования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства и обеспечить возможность их использования в уголовном процессе. Указанные субъекты оценивают полученную ими информацию с точки зрения ее процессуальной перспективы для дальнейшего использования в качестве доказательств. В процессе оценки доказательств, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий, необходимо оценивать не только полученную в процессе доказывания информацию, но и процессуальные источники, в которых она содержится.

Важное значение имеет совершенствование правовых норм, предписаний, которые указывали бы на связь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса. В ФЗ «Об ОРД», ст. 11, прослеживается такая связь: «результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими проверку, собирание и оценку доказательств» [6, с. 128].

Термин «доказывание» в действующем УПК РФ не приведен, а перечень источников доказательств, обозначенный в ч. 2 ст. 74, не содержит результаты оперативно-розыскной деятельности как таковой. Думается, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы исключительно в качестве ориентирующей, факультативной информации. Известно, что на практике результаты ОРД продолжают и по сей день использоваться для розыска лиц, совершивших противоправные действия, для изобличения этих лиц и др. Процедура процессуального закрепления результатов оперативно-розыскной деятельности в законе отсутствует. Устранение этого пробела позволило бы разрешить вопрос о достоверности и допустимости результатов ОРД в качестве доказательств. Результаты ОРД могут быть использованы в процессе доказывания, если они указывают на обстоятельства и факты, подлежащие доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). С нашей точки зрения, внесение соответствующих дополнений в ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Уголовно-процессуальный кодекс с учетом приведенных соображений повысило бы эффективность его применения в практической деятельности правоохранительных органов РФ. Без этого невозможна гуманизация норм процессуального права и обеспечение задач правосудия.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об оперативно-розыскной деятельности».
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 1999 г. по жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» № 18-0 // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации.–1999. – № 3.
3. Зуев С. В. Уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные средства противодействия организованной преступности: монография / С. В. Зуев. – Челябинск, 2007.
4. Кореневский Ю. В. Использование информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности // Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / Под ред. А. Власихина, М., 2000. – С. 36–40.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному Кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. А. И. Баstryкина. – М., 2008.
6. Пономаренков В. А. Проблемы представления и использования доказательств в уголовном процессе: Дис...канд. юр. наук. Саратов, 1998.
7. Шумилов А.Ю. Закон и оперативно-розыскная деятельность. – М., 1996.

Poddubniak A. Procedural aspects of application of operatively-search information in criminal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – T. 1 (67). № 4. – P. 94 – 97.

Investigative activities carried out by authorized persons in accordance with and in the manner prescribed by the legislation of the Russian Federation, with the aim of establishing the operational-search data within the subject of proof in a particular case. These events are held publicly and behind the scenes, are characterized by task orientation, internal structure. Federal Law "On the OSA" in verse 6 contains a list of operatively-search actions, however, the content does not reveal them. Based on the analysis of different opinions of scientists, it is argued that a Central role in the investigation of crime belongs to the criminal procedure of proof. In this regard there is a need for legislative regulation as the concept of "evidence" and to consider the possibility of inclusion in the list of sources of evidence the results of investigative activities.

Keywords: proving, operational-investigative activity, criminal procedure, evidence, investigative measures.

Spisok literaturey

1. Federal'nyj zakonot 12.08.1995 N 144-FZ (red. ot 29.06.2015) "Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti"
2. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 14 fevralya 1999 g. po zhalobe grazhdan M.B. Nikol'skoj M.I. Sapronova na narushenie ih konstitucionnyh prav Federal'nom zakonom «Ob operativno-rozysknojdeyatel'nosti» № 18-0 // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii.–1999. – № 3.
3. Zuev S. V. Ugolovno-processual'nye I operativno-rozysknye sredstva protivodejstviya organizovannoj prestupnosti: monografiya / S.V. Zuev. – CHelyabinsk, 2007.
4. Korenevskij YU.V. Ispol'zovaniein formacii, poluchennoj v rezul'tate operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Dokazyvanie v ugolovnom processe. Tradicii I sovremennost / Pod red. V.A. Vlasihina, M., 2000,-S36-40
5. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu Kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod obshch. red. A. I. Bastrykina. – M., 2008.
6. Ponomarenkov V.A. Problemy predstavleniyai I spol'zovaniya dokazatel'stv v ugolovnom processe: Dis...kand.yur.nauk. Saratov, 1998.
7. Shumilov A.YU. Zakon I operativno-rozysknaya deyatel'nost. – M, 1996.

УДК 343.37

**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Скворцова О. В., Лаговская Е. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются проблемы регламентации в действующем уголовном законодательстве РФ норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Авторами обозначается наличие дискуссионных вопросов относительно процесса реформирования (криминализации и декриминализации) уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за данные деяния. Отмечается необходимость дальнейшего совершенствования нынешнего уголовного законодательства в сфере экономической деятельности, что обусловлено его очевидной неэффективностью.

Ключевые слова: криминализация, декриминализация, экономические преступления, экономическая деятельность, эффективность уголовного законодательства, преобразование уголовного законодательства.

С начала 90-х годов в России стремительно и активно идет развитие новых экономических отношений, которые, безусловно, нуждаются в реформировании системы их законодательного регулирования, в том числе и в сфере уголовного законодательства. Преобразование экономической системы общества привело к изменениям и самой преступности в государстве, появлению новых форм криминального поведения в области экономики. Ввиду расширения сферы уголовно-правового регулирования, усиления уголовно-правовой охраны более объемного круга общественных отношений, ранее остававшихся за пределами уголовного закона, криминализации подверглись десятки неизвестных прежде уголовному законодательству России деяний в сфере экономической деятельности, в частности, таких как незаконное предпринимательство, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем, монополистические действия и ограничение конкуренции, фиктивное банкротство и т. д. Одновременно законодатель осуществил и декриминализацию ряда деяний экономического характера в связи с провозглашением конституционного принципа свободы экономической деятельности и утраты данными посягательствами существенной опасности для правоохраняемых интересов.

Первоначальные этапы правового регулирования новых экономических отношений были заложены в ст. 8, 34, 35, 36 Конституции РФ. Статья 8 гарантирует участникам новых экономических отношений единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободы экономической деятельности в условиях равенства всех форм собственности. Статьи 34, 35, 36 устанавливают гарантии права граждан на свободное использование своих способностей и имущества для предприниматель-

ской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Но признание свободы экономических отношений не означает отказа от их государственного регулирования, поэтому ч. 2 ст. 34 Конституции признала недопустимой деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию [11].

Учитывая тот факт, что экономические отношения подвержены постоянному изменению, а регулирование их в уголовно-правовой плоскости осуществляется посредством включения норм об их защите в Уголовный Кодекс РФ (далее – УК РФ) [16] и исключения норм, ныне утративших актуальность, исследование положений главы 22, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, является необходимым и обоснованным. Наиболее острым вопросом регулирования преступлений в сфере экономической деятельности является широкий пробел в структурном анализе законодательства об ответственности за их совершение. Глава 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» – одна из самых динамично развивающихся глав УК РФ. Буквально за пятилетний период был принят ряд федеральных законов, изменявших и дополнявших положения данной главы (от 28 апреля 2009 г., от 29 июля 2009 г., от 30 сентября 2009 г., от 27 декабря 2009 г., от 07 апреля 2010 г., от 20 июля 2011 г., от 7 декабря 2011 г., от 29 ноября 2012 г., от 23 июля 2013 и др.). Наравне с этим динамично развивались и обновлялись экономические отношения, являющиеся объектом уголовно-правовой охраны (федеральные законы «О конкуренции» 2008 г., «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» 2009 г. и другие). Все вышеизложенное и обуславливает актуальность обозначенной темы исследования.

Целями исследования являются обобщение научных предложений по совершенствованию уголовного закона в сфере охраны экономических отношений; определение общих направлений реформирования уголовного законодательства через призму принципов криминализации и декриминализации общественно опасных деяний и положений законодательной техники. Эти цели определили необходимость решения следующих задач: систематизация и обобщение научных представлений по вопросам совершенствования уголовного законодательства в сфере экономической деятельности; установление критериев необходимого и достаточного уголовно-правового вмешательства в экономическую деятельность; адаптация научных представлений о криминализации и декриминализации деяний к криминализации общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности; интерпретация и использование результатов теоретических исследований в области законодательной техники применительно к особенностям конструирования норм главы 22 УК РФ.

Исследованию данной проблематики были посвящены работы И. В. Лозинского, Ю. А. Одинцовой, А. Н. Игнатова, А. И. Лукашова, С. В. Максимова, И. Ю. Михалева и других.

Первоначально мы считаем необходимым акцентировать внимание на понятии и содержании процессов криминализации и декриминализации. В научной и учебной литературе процессы криминализации и декриминализации представляются в виде главной составляющей уголовно-правовой политики. Именно эти процессы в сфере уголовных правоотношений способствуют развитию последних и их совершенствованию.

Криминализация, в частности, представляет собой «объявление общественно опасных деяний преступлением». Так как в основе криминализации присутствует, в первую очередь, общественная опасность деяния, необходимо учитывать состояние, причины и условия преступности или степень относительной распространенности тех или иных деяний, ущерб, который причиняется этими деяниями, признаки, характеризующие субъект преступления либо личность преступника, и другие факторы и обстоятельства [9].

Процесс декриминализации связан с исчезновением общественной опасности деяния при сохранении его формальной противоправности. Ситуация, когда некое деяние не причиняет вреда обществу и не осознается большинством граждан (в том числе представителями правоохранительных органов) как преступное, также является нестабильной. Привлечение к уголовной ответственности за такое деяние начинает расцениваться как проявление несправедливости, что, в конце концов, приводит к отмене уголовно-правового запрета.

Вышеназванные процессы особо актуальны именно в сфере экономических отношений и экономической преступности. На ее уровень при этом влияет обширный комплекс политических, экономических и правовых факторов. Выделяют также такие факторы, как организационные, психологические, медицинские и технические.

Рассматривая политические факторы экономической преступности, можно выделить следующие: непостоянство политического режима, нерациональное распределение средств уголовной политики, недобросовестные материальные отношения работников государственной службы и иное. Экономические факторы: исторический аспект значительного уровня разъединенности общества по материальным признакам; нетрудоспособность социально-экономических институтов; невозможность обеспечения государством достаточного уровня экономики вследствие утраты его экономических позиций; макроэкономические диспропорции, значительный государственный сектор экономики, неэффективная налоговая политика и другие важные факторы. Организационно-правовые факторы: слабая эффективность регулирования деятельности органов дознания, суда и прокуратуры и других исполнительных органов государственной власти; нехватка ресурсного обеспечения правоохранительных органов; кадры правоохранительных органов долго не задерживаются; низкий уровень социально-правовой сознательности общества; система защиты свидетелей и потерпевших находится в состоянии зародыша (имеет широкую популярность запугивание и подкуп); слабая эффективность ревизионного (аудиторского) контроля; правовая база борьбы с преступностью не успевает за ее содержательными изменениями [6].

Бесспорным является тот факт, что криминализация и декриминализация в сфере экономических преступлений имеет ряд уникальных особенностей. Это и является причиной рассмотрения данных процессов в экономической деятельности в научной литературе через призму следующих факторов:

- главенство охранительной функции уголовного права. Процесс заключается в охране, а не в регулировании экономических отношений;
- обоснованность криминализации. Криминализация деяний возможна при наличии криминообразующих признаков, носящих уголовно-правовой характер с характеристикой безусловности (обман, насилие, угроза, принуждение, подделка документов);

- имущественный ущерб – не единственный критерий криминализации. Наличие крупного имущественного ущерба не может выступать основанием для криминализации как отрицательный результат поведения субъектов экономической деятельности;

- ограничение бланкетности. Например, диспозиции статей УК носят бланкетный характер, следовательно, только нарушение федерального законодательства может влечь уголовную ответственность;

- ограничение по формам вины преступлений в сфере экономической деятельности. Преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) преимущественно должны быть умышленными;

- акцессорность (резервность) уголовного запрета. Условием криминализации является невозможность борьбы с данным правонарушением посредством иных отраслей права или иных применимых норм уголовного права (например, предусматривающих ответственность за преступления против личности).

Особенности оснований декриминализации деяний в экономической сфере:

- исполнение государством обязательств международного характера и конституционных норм по декриминализации некоторых видов поведения в экономической сфере;

- исчезновение общественной опасности деяния, признаваемого преступлением, поскольку общество реагирует на данные деяния нейтрально либо поощряет такое поведение;

- недейственность и избыточность уголовного запрета деяния, вследствие возможности пресечения и исправления негодных форм экономического поведения с помощью не уголовно-правовых отраслей права.

Принципы использования декриминализации важны наравне с установлением поводов для ее использования. Ниже приведены принципы декриминализации деяний в экономической сфере:

- необходимость декриминализации. Данный факт должен быть подкреплён анализом статистических данных, криминогенных направлений, экспертной оценкой реальной общественной опасности деяния, что будет являться причиной изъятия из уголовного закона деяний в сфере экономики, не несущих необходимого уровня общественной опасности;

- экономия уголовной репрессии. Превалирование характеристик деяний в иных отраслях права вследствие отсутствия криминообразующих признаков;

- актуальность декриминализации. Процесс декриминализации необходимо осуществлять своевременно с появлением какого-либо основания для декриминализации. Для этого необходимо осуществлять непрерывный научно-практический и социально-правовой контроль действующего законодательства, практики его применения, реального состояния правопорядка и экономики;

- планомерный подход к внесению изменений в действующее законодательство в ходе декриминализации. В данном процессе необходим как научный подход (приобщение мнения ученых-теоретиков), так и инициатива, исходящая от практических специалистов различных отраслей права (судей, криминологов, адвокатов, социологов, экономистов) [4].

Вышеназванные принципы подчинены не только особым, но и общим принципам криминализации и декриминализации. Поэтому зачастую возникают трудности с практическим применением данных принципов.

Принцип достаточности – один из главенствующих принципов криминализации, необходимый для внедрения уголовного запрета в связи с общественной опасностью криминализируемого деяния. Нельзя отрицать, что опасность преступлений в сфере экономической деятельности имеет высокий уровень, но данный принцип применяется законодателем реже, чем это необходимо. Так, в ч. 1 ст. 169 УК РФ установлена уголовная ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, независимо от наступления каких-либо последствий и обстоятельств, свидетельствующих о необходимости уголовно-правового запрета. С данными нарушениями есть возможность бороться при помощи дисциплинарных мер.

Также криминализации по уровню общественной опасности не отвечает статья о нарушении правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней (ст. 192 УК РФ). Состав предполагает, что действия осуществляются лицами и представителями хозяйствующих субъектов, у которых драгоценные металлы и драгоценные камни появились в результате вполне законной деятельности, количество возбужденных дел по данной статье в 2009 г. – 0. По-другому применяется ст. 191 УК РФ – незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга. Поэтому в данном случае, как видится, эффективно воздействие административных мер.

В определенный период по причине несоблюдения принципа достаточности степени общественной опасности была декриминализована статья об обмане потребителей. Ст. 200 УК РФ утратила силу, несмотря на то, что до ее исключения в 2004 г. из УК более половины всех преступлений, зарегистрированных в России по главе 22 УК РФ, составлял обман потребителей. В настоящее время аналогичная норма содержится в Кодексе об административных правонарушениях, а обман потребителей на значительную сумму расценивается как преступный по составу «мошенничество».

Криминализация деяния в условиях принципа относительной распространенности указывает на потребность учета при установлении уголовной ответственности за социально опасный акт того факта, что он носит не единичный характер. Деяние, преследуемое в уголовном порядке, не может быть случайным, редким для общества, исключительным вследствие произошедших обстоятельств и, наоборот, должно быть стандартным, повторившимся в различных условиях. Если проанализировать правоприменительную практику и стандарты уголовного кодекса Российской Федерации, можно прийти к выводу об излишней криминализации подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ). Что касается подкупа организаторов вышеуказанных мероприятий, здесь могут быть применены положения ст. 204 УК РФ о коммерческом подкупе. Не возникает необходимости криминализации ответственности за подкуп спортсменов, конкурсантов в силу редкости таких правонарушений.

Следующий принцип – принцип преобладания позитивных последствий – характеризуется прогнозированием научных расчетов эффективности криминализа-

ции. Данный принцип применяется в том случае, когда вред, причиненный применением мер уголовно-правового воздействия за общественно опасное поведение, явно меньше того вреда, который причиняет само это поведение. В экономической сфере этот принцип имеет главенствующее значение для криминализации. Исключая введение уголовного запрета, возможно использовать иные средства борьбы с экономической деятельностью. Приоритет в регулировании экономического поведения должен оставаться за мерами экономического воздействия, предусмотренными гражданским, банковским, таможенным и другим законодательством.

Опираясь на мнения ученых, можно сделать выводы, что установление уголовной ответственности за уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ), абсолютно не соответствует принципу преобладания в криминализации позитивных последствий. Криминализация подобного поведения влечет негативные последствия для экономических отношений. Общественно опасный характер невозвращения из-за границы средств в иностранной валюте, обусловленный социально-политически, неочевиден для руководителя предприятия, экономическая польза от такого деяния для всего предприятия часто перетягивает чашу возможного привлечения к уголовной ответственности его руководителя. Превентивное действие нормы 193 УК РФ не работает. Прекращение бизнеса с иностранными партнерами является следствием привлечения руководителя к уголовной ответственности по ст. 193 УК РФ, что негативно влияет на работоспособность руководства организации. В новой редакции в 6 раз увеличена сумма невозвращенных из-за границы руководителем организации средств в иностранной валюте, подлежащих в соответствии с законодательством РФ обязательному перечислению на счета в уполномоченный банк России, которая считается особо крупным размером. Ныне сумма невозвращенных средств должна превышать 30 млн. рублей.

Принцип избыточности уголовно-правового запрета обладает следующими аспектами:

- соответствие объемов уголовно-правового запрета и прежде всего пределов наказания, которое может быть назначено за преступное деяние, характеру и степени общественно опасного проявления;

- исключение возможного дублирования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за конкретное общественно опасное поведение.

В качестве примера излишней криминализации выступает ст. 174.1 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, совершенную самим лицом, получившим это имущество преступным путем. Данная статья УК РФ создает коллизию ст. 50 Конституции РФ и ст. 6 УК РФ о запрете повторного осуждения за одно и то же преступление.

Экономический и моральный ущерб – следствие чрезмерной криминализации. Рост издержек в бизнесе, упущенная выгода, заторможенность экономического роста, нецелевое использование бюджетных средств, низкий уровень достатка населения – все это экономические последствия, губительные для экономики и общества, вследствие чего наступает снижение международного авторитета страны, ухудшение инвестиционной привлекательности экономики государства и другие факторы.

В то же время уголовно-правовой запрет недостаточен для таких деяний, как квалифицированное воспрепятствование законной предпринимательской деятельности или иной деятельности (ст. 169 УК РФ) и регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170 УК РФ). И то и другое деяния – должностные преступления, т. е. специальные нормы по отношению к норме о злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, причинившее, например, крупный ущерб, влечет максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом влечет штраф, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо обязательные работы. Если квалифицировать эти же деяния по ст. 285 УК РФ, необходимо было бы применить ч. 3 этой статьи, предусматривающую наступление тяжких последствий, к которым обычно и относят крупный ущерб. Максимальное наказание здесь составляет лишение свободы до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Принцип своевременности криминализации означает то, что криминализацию необходимо проводить с того момента, как появилось ее основание – общественно опасное деяние. Несвоевременность криминализации грозит причинением значительного вреда правоохраняемым интересам. На данный период назрела необходимость в обеспечении дополнительной защиты прав и законных интересов инвесторов и потенциальных инвесторов. Криминализированы могут быть такие деяния, как заведомо недостоверная оценка имущества организации, а также умышленное нарушение правил одобрения крупной сделки и сделки, в которой имеется заинтересованность [10].

Теперь подробно рассмотрим отдельные проблемные вопросы данной тематики, которые в большинстве своем производны именно от несоблюдения указанных принципов. Основной проблемой в правоприменительной практике является то, что из составляющих указанную главу 49 статей по-прежнему на практике наиболее часто применяются только 5 из них: ст. 171, 186, 194, 198, 199 УК РФ. Остальные из обозначенных норм либо применяются крайне редко, либо вовсе не актуальны. Согласно проведенным опросам практических работников, большинство уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в рассматриваемой сфере, являются практически неприменимыми.

В юридической литературе в качестве «одного из значимых факторов, снижающих в настоящее время эффективность уголовно-правовой политики» [1], в том числе и в сфере экономики, «выступает одновременная пробельность и избыточность криминализации деяний» [8]. Таким образом, необходимо наличие определенного баланса криминализации и декриминализации деяний. Л. М. Прокументов справедливо отметил, что «правильно выбранный баланс криминализации и декриминализации отдельных деяний позволит четко определить позицию государства в предупреждении преступлений» [13]. За период с момента вступления в силу УК РФ данный баланс фактически был нарушен – акценторно в направлении криминализации деяния.

За прошедший период было декриминализировано лишь четыре деяния: лжепредпринимательство (ст. 173); заведомо ложная реклама (ст. 182); контрабанда

(ст. 188); обман потребителей (ст. 200). В то же время глава 22 УК РФ была дополнена более чем десятью новеллами. Таким образом, основным направлением совершенствования рассматриваемой главы до сих пор является криминализация новых деяний. Указанное направление проявляет как позитивные, так и негативные стороны. С одной стороны, благодаря данной криминализации возможно устранение пробелов в действующем уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономической деятельности. С другой стороны, возникает опасность появления как нормы, устанавливающей ответственность за совершение деяния, не являющегося общественно опасным, так и «мертворожденной» нормы, что не способно дать желаемого эффекта в борьбе с преступлениями рассматриваемой группы.

Необходимость совершенствования нынешнего уголовного законодательства в сфере экономической деятельности обусловлено его очевидной неэффективностью, а также осознанием современным российским обществом, что сложившееся определение границ легального правового порядка в сфере экономики и практика применения уголовного закона ограничивают конституционно гарантированную свободу экономической деятельности и тормозят экономическое развитие страны.

Глубина и важность проблем в этой области требует кардинального преобразования уголовного законодательства, которое не может быть сведено к фрагментарным новациям и требует комплексного подхода – пересмотра многих положений как Особенной, так и Общей части Уголовного кодекса, уголовной политики в целом [12].

Дополнительной проблемой в данной сфере можно назвать непрописанность и уязвимость законодательной техники, что проявляется в недоработанности законодательной конструкции. Особо это касается нововведений, регулирующих уголовную ответственность за совершение «рейдерских» захватов. Несмотря на кажущееся, на первый взгляд, достаточно подробное раскрытие законодателем в диспозициях обозначенных норм сущности «рейдерских» захватов, фактически, их положения могут быть истолкованы правоприменителем абстрактно [3]. В рассматриваемой ситуации законодателем была предпринята попытка перечисления способов «рейдерских» захватов. По-видимому, законодателем не была принята во внимание вероятность появления в будущем и иных способов «рейдерства». Таким образом, рассматриваемые новеллы в их существующей редакции не способны дать желаемого эффекта в сфере борьбы с преступлениями изучаемой группы.

Как оказалось, до недавнего времени не способна была дать желаемого эффекта и ст. 171.2 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр. Привлечь к уголовной ответственности по рассматриваемой статье возможно было в случае организации и (или) проведения азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи, в том числе подвижной связи, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игровой зоне, сопряженных с извлечением дохода в крупном размере, равном не менее 1,5 млн рублей. По мнению как теоретиков, так и практических работников, установление в диспозиции указанной нормы условия привлечения к уголовной ответственности только в случае извлечения дохода в ука-

занном размере превращало ее в «мертворожденную», поскольку на практике оказалось невозможным точно определить сумму вырученных денежных средств, из которых складывается данный размер дохода. Между тем вред, причиняемый обозначенной деятельностью, заключается в том, что извлеченный в результате ее осуществления доход направляется на дальнейшее воспроизводство преступной деятельности [11]. В рассматриваемой ситуации законодатель прислушался к мнению о необходимости значительного снижения размера дохода, за извлечение которого возможно привлечение к уголовной ответственности по данной статье, благодаря чему возможно было ее «оживление». В итоге «извлечение дохода в крупном размере» вообще было исключено в анализируемой норме из признаков простого состава преступления.

Еще одной проблемной сферой является регламентация уголовной ответственности за создание «фирм-однодневок».

Обозначенные новеллы направлены на борьбу с фиктивной экономической деятельностью, дискредитирующей идею «здоровой предпринимательской деятельности» и искажающей ее сущность. Согласно мнению практических работников, ст. 173.1 УК РФ, устанавливающую ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица, невозможно применять самостоятельно в качестве основного состава [15]. Аналогичное следует отметить и о ст. 173.2, устанавливающей ответственность за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица [5]. По мнению ученых, существование ст. 173.2 УК РФ необязательно, поскольку состав преступления, за совершение которого ею установлена уголовная ответственность, частично охватывается ст. 325 УК РФ [2]. Таким образом, возможна конкуренция между обозначенными нормами. В рассматриваемой ситуации, на наш взгляд, станет возможной переквалификация уголовных дел, возбужденных по ст. 173.2 УК РФ, на ст. 325 УК РФ, поскольку диспозиция последней, по мнению практических работников, сформулирована достаточно ясно для любого адресата. Однако к ст. 173.1–173.2 УК РФ это не имеет отношения. Несмотря на вроде бы достаточно подробное раскрытие в их диспозициях сущности деяний, за совершение которых ими установлена уголовная ответственность, перечисленные новеллы оказались практически неприменимыми и неэффективными.

В настоящее время все чаще имеют место высказывания о необходимости именно декриминализации деяний. Согласно проведенному в декабре 2012 г. опросу судей, большинством из последних было высказано мнение, что «некоторые нетяжкие преступления, особенно совершенные впервые, следует перевести в административные правонарушения» [7].

На наш взгляд, приведенное мнение законодателю следует принять во внимание при дальнейшем реформировании и главы 22 УК РФ. В данном направлении уже были сделаны первые шаги: теперь за совершение «товарной» контрабанды, обмана потребителей и заведомо ложной рекламы, ранее относящихся к обозначенным преступлениям, законодателем установлена исключительно административная ответственность. По нашему мнению, декриминализация деяний, ответственность за совершение которых установлена нормами 22 главы УК РФ, продолжится и в будущем.

Приведенные характеристики касаются не только новелл. Аналогично можно охарактеризовать и отдельные нормы, составляющие главу 22 УК РФ с начала действия указанного Кодекса. К последним следует отнести уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за совершение легализации денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем; за совершение преступных посягательств на отношения конкуренции; за совершение преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности; за совершение криминальных банкротств. Несмотря на указанную ситуацию, большинство из них мало изменились, вследствие чего они являются практически неприменимыми, а, следовательно, и неэффективными.

Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, существует большое количество уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности, причем указанное количество ежегодно увеличивается; с другой стороны, наличие обозначенных норм не способно обеспечить эффективную охрану данного вида общественных отношений. На наш взгляд, для разрешения сложившейся проблемы необходима разработка определенной концепции развития главы 22 УК РФ. Основным направлением названной концепции следует назвать урегулирование и систематизацию уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. В рассматриваемой ситуации не исключено появление в главе 22 УК РФ и новелл, являющихся результатом криминализации соответствующих деяний.

Во избежание обозначенных негативных последствий как криминализации, так и декриминализации в исследуемой ситуации необходимо проводить постоянный мониторинг уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере. Одновременно обязательно проведение и постоянного мониторинга различных криминогенных ситуаций, имеющих место в сфере осуществления экономической деятельности. Ведь новые формы экономической деятельности могут создавать условия и для новых форм криминала, что логично потребует дополнения Особенной части УК соответствующими составами преступлений.

Список литературы

1. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4–12.
2. Егорова Н. Реформы Уголовного кодекса РФ (декабрь 2011 г.): проблемы применения новых норм // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 18–22.
3. Иванчин А. В. Проблемы гармонизации внешнего оформления норм о преступлениях в сфере экономической деятельности // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: Материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 01 июня 2012 года). – М.: Проспект, 2012. – С. 80–87.
4. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере (на основании Поручения Президента Российской Федерации от 28.11.2009 № ПР-3169), Концепция. 8 Глава. http://lecscenter.org/index.php?option=com_content&view=article&id=75&Itemid=69&lang=ru (последнее посещение – 10.02.2016 г.).
5. Косарева Н. Е. Новое в уголовном законодательстве об ответственности за создание «фирм-однодневок» // Закон и право. – 2012. – № 3. – С. 78–80.

6. Криминальные деформации и преступность в экономике России. <http://newasp.omskreg.ru/bekryash/ch7p1.html> (последнее посещение – 10.02.2016 г.)
7. Куликов В. На первый раз прощаем // Российская газета. – 2012. 18 декабря. – С. 1, 3.
8. Лозинский И. В. «Концепция развития главы 22 УК РФ: криминализация или декриминализация?» // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 371. – С. 137–140.
9. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. – М., – 2004. – С. 161.
10. Одищева Ю. А. Теоретические и практические вопросы криминализации деяний в сфере экономической деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 1 (30). – С. 147–150.
11. Преступления в сфере экономической деятельности. <http://www.bestreferat.ru/referat-156921.html> (последнее посещение – 10.02.2016 г.)
12. Проблемы сверхкриминализации и декриминализации экономической деятельности. http://lecscenter.org/index.php?option=com_content&view=article&id=112%3Aovercriminalization&catid=39&Itemid=30&lang=ru (последнее посещение – 10.02.2016 г.)
13. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2012. – 142 с.
14. Теллин Д., Осипов Н. Привлечение к уголовной ответственности организатора незаконных азартных игр // Законность. – 2012. – № 8. – С. 28–32.
15. Тюнин В. И., Бадзгардзе Т. А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) // Российская юстиция. – 2012. – № 2. – С. 24–26.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации < http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_25.html#p1791 (последнее посещение – 10.02.2015 г.).

Skvortsova O. V., Lagovskaya E. V. Criminalization and decriminalization of crimes in the field of economic activity // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – Р. 98–108.

In the work are investigated problems of regulation in the current criminal legislation of Russian Federation of norms, prescribing responsibility for crimes in the field of economic activity. Authors are showing the presence of debatable questions due to the process of reformation (criminalization and decriminalization) of criminal legislation, regulating responsibility for these acts. The necessity of further perfection of present criminal statute in the field of economic activity is marked, that it caused by his obvious ineffectiveness.

Key words: criminalization, decriminalization, economy crimes, economic activity, effectiveness of criminal legislation, reform of criminal legislation.

УДК 328.185:378

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: КОРРОЗИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Сычева А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В настоящей статье освещена одна из главных проблем современной системы высшего образования Российской Федерации – коррупция, в ее различных формах и проявлениях. Автор дает оценку качеству предоставляемой услуги высшего образования на современном этапе, анализирует причины упадка культуры образовательных ценностей и приоритетов, влекущего за собой появление коррупционной активности в учебных заведениях высшего уровня. Делается попытка установить комплекс первичных факторов, способствующих появлению, распространению и процветанию противозаконной коррупционной деятельности в рамках осуществления образовательной функции учебными учреждениями высшего уровня. Освещена проблема отсутствия антикоррупционного правосознания граждан, невосприятия коррупции как угрозы, губящей интеллектуальный потенциал страны, неготовности граждан получать достойное образование в рамках урегулированной законом процедуры и, напротив, – стремление пойти путем, поощряющим распространение противозаконной активности коррупционного характера. В статье предложены меры по усилению антикоррупционной деятельности в высших учебных заведениях, пропаганде отторжения рыночно-потребительского подхода к учебному процессу на всех уровнях, искоренению аморального подхода при осуществлении профессиональных педагогических функций и агитации к морально здоровому добросовестному их исполнению.

Ключевые слова: высшее образование, коррупция в системе образования, правовой нигилизм, дача взятки, подкуп, антикоррупционная пропаганда, мониторинг коррупции, интеллектуальный потенциал, профессиональная этика преподавателя, борьба с коррупцией.

Явление коррупции давно стало неотъемлемой частью всех сфер деятельности, в которые тем или иным образом вовлечены граждане России. Пронизывая различные социальные слои населения, она стала совершенно привычной альтернативой, незыблемой составляющей комплексного подхода в решении возникающих вопросов. Она настолько многогранна, что мимикрировала с абсолютно всеми сферами человеческой активности. Поэтому со всей уверенностью носит титул не социального дефекта, а нормы любых социальных отношений. Она появляется там, где нужно решить вопрос, как ключ, открывающий все двери. И дверь в знания здесь далеко не последняя. Сфера высшего образования прочно держит позицию наиболее коррумпированной среди различных социальных институтов. В зависимости от престижности учебного заведения, а также возможности потенциального трудоустройства по окончании его наиболее претендующими на звание коррумпированных получают заведения юридической, медицинской, экономической и некоторых других специализаций. Взаимоотношения студент – преподаватель постепенно, но довольно активно были переформатированы из сферы потребления знаний первым и их предоставлением вторым в рыночные, абсолютно уверенно вытесняющие морально здоровую среду в учебном заведении. Такая модель поведения усваивается

«потребляющей знания» частью учебного процесса и в дальнейшем уверенно имплементируется в жизнь.

Дезориентация ценностей в сфере высшего образования укрепляет коррупционные практики как привычно происходящее явление. Спрос именно на академический потенциал студента (равно как и абитуриента) неумолимо падает. Никому не интересно, насколько ты умен и стремишься ли ты к освоению новых знаний. Со старта образовательного процесса стоит лишь вопрос кто, как и непосредственно кого должен отблагодарить за зачисление будущего «специалиста» в ВУЗ. Бремя ответственности за интеллектуальный потенциал любого государства, и России в частности, возложен на систему образования в целом и, несомненно, отвечает за интеллектуальный потенциал государства. Наряду с этим квалификационная составляющая будущего специалиста как основополагающая становится отнюдь не приоритетной. Как следствие, проявляется прогрессирующая тенденция нерелевантности в подготовке специалистов.

По данным, опубликованным организацией Transparency International, из 167 стран мира Россия занимает 48 место как страна со стабильно высоким на протяжении последних четырех лет уровнем коррупции, или 119 место – как страна с высоким индексом восприятия коррупции. С 1993 года данная неправительственная организация на международной арене ведет активную борьбу с коррупцией и в настоящее время действует по всему миру. Ее призыв, встречающий посетителей официального сайта – Unmask the corrupt: take action today (разоблачи коррумпированных: прими меры сегодня), – как нельзя лучше демонстрирует, каким именно должен быть подход в вопросе противодействия преступлений данной группы – немедленным и ежедневным [11].

Львиная доля общего числа совершенных в России преступлений коррупционного направления приходится на сферу образования. Она стабильно занимает позицию наиболее «проплаченных». Причем ситуация одинаково неутешительна в образовательных учреждениях абсолютно всех уровней, дифферент – лишь в размере денежного вознаграждения или иной коррупционной «благодарности». Бесконечная череда услуг представителей сферы образования начинается с тысячных очередей при записи ребенка в детский сад, обойти которые стремятся многие родители, а продолжается вариациями на тему «единый государственный экзамен, или как выгодно оплатить собственную безграмотность».

Однозначного и исчерпывающего определения коррупции не существует. Все же Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции» определяет коррупцию как:

- злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;
- совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица [10].

Согласно Перечню № 23 Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 февраля 2012 года «О введении в действие статей уголовного Кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния только при наличии всех перечисленных ниже критериев:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечании к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечании к ст. 201 УК РФ [5].

Так, в рамках статьи 290 педагог будет являться субъектом преступления, в частности, при осуществлении экзаменационного оценивания, тем самым реализуя возложенные на него тем или иным нормативным актом (равно как и должностным лицом) функциональные обязанности.

- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

- совершение преступления только с прямым умыслом.

А также преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий: предусмотренные статьями 290 (Получение взятки), 291 (Дача взятки) и 291.1. (Посредничество во взяточничестве) Уголовного Кодекса Российской Федерации, и некоторые иные.

С превалированием на рынке занятости должностей в государственных и муниципальных структурах над частными равноценный вклад в статистику данного вида преступлений вносят действия, подпадающие также под действие статей 285 (Злоупотребление должностными полномочиями), 201 (Злоупотребление полномочиями), 286 (Превышение должностных полномочий) [5]. Антикоррупционное законодательство в целом представлено положениями Конституции Российской [9], Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [10], Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 года № 815 «О мерах по противодействию коррупции» [6], Указ Президента Российской Федерации от 25 февраля 2011 года № 233 «О некоторых вопросах организации деятельности Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции» [7], а также многими иными нормативно-правовыми актами субъектов властных полномочий, в том числе имплементированными нормами международного права. Вне зависимости от уровня правового противодействия антикоррупционные нормы должны находиться в тесной связи и восполнять пробелы, которые способны сделать крайне неэффективными даже самые совершенные с точки зрения закона схемы борьбы с самыми разнообразными коррупционными деяниями.

Залог успешного противодействия чему бы то ни было – в изучении первопричины, факторов, приведших к имеющемуся результату. Многочисленные опросы и исследования доказывают, что рост коррупции есть не что иное, как прямой результат неустойчивости экономики в стране, стабильный рост количества и размера обя-

зательных государственных платежей, взимаемых с граждан при обратно пропорциональном упадке финансовой обеспеченности населения страны. Отсюда – недостаточное финансирование сферы образования, педагогической деятельности. Оплата труда сотрудников высших учебных заведений не соответствует непосредственно выполняемым функциям и возложенным обязанностям, а также физическим ресурсам преподавателя, которые расходуются при выработке учебной нагрузки; отсутствуют стимулирующие выплаты и иные поощрения трудовой деятельности. Вполне очевидно, что такой подход влияет на отношение педагога к выполняемой работе и способствует формированию неблагоприятной атмосферы учебного процесса. При отсутствии возможности обеспечить себе нормальные (речь даже не идет о достойных) условия жизни забота о качестве и эффективности учебного процесса отходит в дальний угол.

Кроме того, дефицит бюджета учебного учреждения вынуждает руководство идти на весьма специфические меры. Так, в одном из высших учебных заведений Республики Крым введено негласное и, разумеется, неписанное правило – не отчислять из учебного заведения студентов, учащихся на коммерческой основе, вне зависимости от уровня неуспеваемости и поведения студента. Такая позиция взята за основу как источник наполнения бюджета учебного заведения, а следовательно – как один из ресурсов фонда заработной платы, преподавателей в частности. Формула «преподаватель старается для студента, а не студент старается во имя знаний» вырабатывает отношение вседозволенности, поскольку «вопрос все равно будет решен». С одной стороны, это укрепляет позицию непосредственных участников данной коррумпированной схемы, а с другой – абсолютно развязывает руки студентам во всевозможных противоправных проявлениях: от явного неуважения до давления и откровенного преследования с сексуальным мотивом. В условиях нынешней экономики остаться без работы в результате несогласия с мнением «правлящей верхушки» вуза, задействованной в коррумпированной цепочке, большее зло, нежели претерпевать противоправные посягательства. Тем не менее даже в подобных условиях при устном опросе в студенческой среде больше половины возлагает ответственность за инициативу, принуждение (прямое или косвенное) к даче взятки на педагога. Хотя фактические обстоятельства дела иные.

Баснословное количество бюджетных средств расходуется на разнообразные программы противодействия коррупции. Однако шаткость политического аппарата и раздутый представительский аппарат власть имущих государственных структур превращает такую деятельность в конвейер бесчисленного количества муниципальных служащих, приоритетом которых является набить карман при любом удобном случае. Рыночные отношения в государственных структурах обрاملены в короткую схему: у выгодополучателя есть власть принять то или иное решение в пользу обратившегося, а последний в свою очередь лишь безоговорочно принимает предложенные условия. Пренебрежение своими обязанностями на должности – от государственного регистратора до преподавателя ВУЗа – формирует у граждан четкий образ некомпетентного работника, пытающего «продать» свои властные полномочия. Студент или его представитель в этих условиях вынужден концентрироваться не на подготовке к экзамену, а на необходимости поиска финансового или иного решения вопроса. И призыв Всероссийского общества защиты прав потребителей образова-

тельных услуг «Российским гражданам – достойное образование» звучит не более чем как пустой лозунг объединения коррумпированных бюрократов.

Немаловажным фактором, способствующим укоренению коррупции в российском обществе, является, как ни странно, равнодушное отношение самих граждан к качеству получаемого образования. В обществе сформирован потребительский подход к нему: основной целью является конечный результат обучения – диплом, сертификат, иной документ установленного образца и, к сожалению, никак не сам процесс обучения и развития профессионально-практических навыков и умений. Родители формируют в сознании ребенка-студента стремление получить диплом как счастливый билет в перспективное и финансово благополучное будущее, заведомо давая понять, что процесс обучения второстепенен и все равно придется «переучиваться» в процессе работы. К тому же такое отношение дает повод самому студенту относиться к учебе с безразличием, что также впоследствии приведет к желанию с его стороны решать академические задолженности совсем не интеллектуальным путем. Непротивление становится поощрением цепи самых разнообразных проявлений коррупции.

Одним из них является наличие слаженного сценария в рамках одного учебного заведения, кафедры или одной дисциплины (что более распространено) по проведению контроля знаний учащихся. То есть существует кадровая вертикаль сотрудников, возможно также с участием третьего заинтересованного лица, посредством которой процесс сдачи контроля знаний по той или иной дисциплине и осуществляется. Либо происходит решение вопроса оценки студента иным проработанным образом. На практике эта процедура отточена до минимального шага, разница – лишь в количестве посредников и в самом вопросе или же его «цене». В действиях педагога будет усмотрен состав преступления, предусмотренного статьей 290 Уголовного Кодекса РФ или 204 Уголовного Кодекса РФ, когда следствием установлена причинно-следственная связь между положительным (удовлетворительным) результатом контроля знаний учащегося и фактически полученной от него преподавателем «благодарностью». В преддверие совершения явно преступных действий имеет место быть нарушение профессиональной этики педагогом в различных формах, когда состав преступления фактически отсутствует, но поведение преподавателя выходит за рамки дозволенного.

Значительную роль в борьбе с коррумпированной высшей школой играет культура в этой области. Отсутствие уважения к преподавателю, нравственной культуры восприятия педагога как человека является показателем общенациональной культуры страны. В нашей стране должность преподавателя принадлежит к числу низкооплачиваемых. Отсюда – укоренившийся стереотип, что данную профессию осваивают люди, которые не смогли построить карьеру в более престижной отрасли, по принципу «учит тот, кто не умеет делать». А следовательно, не достоин уважения со стороны как студентов, так и граждан иных социальных кругов. Эта тенденция присуща не только российскому обществу, но также многим странам постсоветского пространства. К слову, в странах арабского мира учитель приравнен к священнослужителю, и уважительное отношение прививается с раннего детства. Слова учителя принимаются как неопровержимая догма. Почтение к учителю равно почтению к родителям, поэтому крайне сложно вообразить судебный процесс, к

примеру, в Аммане по статье о понуждении к вступлению в сексуальные отношения женщины-преподавателя.

Правовая безграмотность, пассивный правовой нигилизм стал нормой. Роль права, всей системы норм регулирования различных сфер деятельности сводится к минимуму. В обществе сформирован менталитет активного неприятия деятельности в рамках закона, поскольку быстрые и результативные коррумпированные схемы абсолютно во всех властных структурах (вне зависимости от объема полномочий) давно вошли в общепринятое русло – как самими властью имущими, так и, собственно, не противящейся частью населения. Борьба с коррупцией в высшей школе должна начинаться с самих участников правоотношений в образовательной среде, отказа идти на поводу и быть вовлеченным во противозаконные схемы. Необходимо восстановить и укрепить гражданскую ценность образования. Возможно, это потребует более радикальных мер, чем те, которые были приняты ранее:

- проведение просветительской работы в учебных заведениях с целью ликвидации правовой безграмотности среди студентов, преподавателей и иных сотрудников по вопросам противодействия коррупции во всевозможных ее проявлениях; организация распространения актуальной юридической литературы среди трудовых коллективов учебных заведений в любом удобном доступном формате: на бумажных или электронных носителях;

- периодический гарантированный анонимный опрос среди студентов в период прохождения экзаменационных сессий относительно процедуры контроля знаний преподавателями, по «горячим следам» возможных преступных деяний; организация круглосуточного независимого, неподконтрольного данному конкретному учебному заведению пункта приема анонимных заявлений, жалоб и иных обращений с целью разоблачения коррупционной активности в формате почтового ящика без каких-либо дополнительных атрибутов по идентификации жалобщика в дальнейшем;

- активная пропаганда неприятия коррупции во всех ее проявлениях в учебных заведениях путем публичного порицания лиц, проявивших нарушение профессиональной этики преподавателя, с целью пресечения в дальнейшем возможных правонарушений;

- внесение изменений в утвержденный порядок проведения контроля знаний с возможностью фиксации самого процесса сдачи экзаменации учащегося; проведение повторных пересдач в присутствии дополнительного преподавателя;

- проведение периодического независимого (возможно, публичного, в форме общего собрания) анкетирования учащихся с целью выявления наиболее непредвзятых и объективных педагогов с целью дальнейшего поощрения и стимулирования – создание противовеса отрицательному «стимулированию» со стороны студентов и прочих заинтересованных лиц для популяризации добросовестного отношения к педагогической деятельности, распространения атмосферы совестливого исполнения профессиональных обязанностей.

Разумеется, вышеперечисленные меры в случае их принятия не искоренят коррупцию в высшей школе, как и в системе образования в целом. Однако они в состоянии шаг за шагом свести к минимуму злоупотребления со стороны преподавательского состава, а также постепенно снизить уровень среди студентов привносить с процесс обучения что-либо, кроме стремления к знаниям. Поступление в ВУЗ не должно быть средством избежать воинской повинности или фиктивного «отбывания» обучения лишь для получения «бумажки» о высшем образовании. Систему ценностей в сфере образования необходимо качественно переформатировать, чтобы она не была больной темой нездорового общества. Согласно п. 37 «Стратегии

национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности были указаны кроме прочих преступные посяательства, направленных против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, а также связанные с коррупцией [8]. Поэтому антикоррупционное воспитание должно стать нормой: лекции, просветительские беседы, консультации практикующих специалистов в области правоприменения.

Именно сфера образования (наряду со сферой здравоохранения, правоохранительной, муниципального управления), подверженная коррумпирующей коррозии, несет куда более ощутимые в дальнейшем последствия, нежели какая-либо иная. Привитую человеку с лабильной, формирующейся психикой порочную модель поведения в дальнейшем искоренить невозможно. В итоге формируется поколение специалистов, прошедших школу отторжения социально-правовых норм поведения и морально-этических ценностей на пути к комфортному существованию. «Бог вложил в человека инстинкт самосохранения. Но если снимаются контрольные функции разума, если ослабляется человеческая воля, если под этими контрольными функциями разума исчезает мировоззренческая основа, то инстинкт захватывает человека, и он становится неспособным бороться с искушениями» [12].

Список использованной литературы

2. Бриллиантов А. В., Долженко Г. Д., Иванова Я. Е. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). – Москва, СПС «КонсультантПлюс», 2010. – 460 с.
3. Панченко П. Н. Коррупция в образовательных учреждениях: составы преступлений и соотношение с преступными деяниями // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 53.
4. Заболоцкая А. С. Высшее образование в России: правила и реальность // М., 2004. – С. 260.
5. Чаплыгина А. Ю. Коррупция в образовательных учреждениях: проблема квалификации деяний // Государственная власть и местное самоуправление. – №1. – 2011. – С. 41–45.
6. Уголовный Кодекс Российской Федерации. – Москва: Проспект, КноРус. 2014. – 196 с.
7. Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 года № 815 «О мерах по противодействию коррупции» в редакции от 14 февраля 2014 года.
8. Указ Президента Российской Федерации от 25 февраля 2011 года № 233 «О некоторых вопросах организации деятельности Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции» в редакции 22 февраля 2015 г.
9. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «Об утверждении стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».
10. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года с учетом поправок, внесенных Законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, 30.12.2008 № 7-ФКЗ, 05.02.2014 № 2-ФКЗ, 21.07.2014 № 11-ФКЗ.
11. Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции» редакции от 03.11.2015 года.
12. Официальный сайт международной организации Transparency International <<http://www.transparency.org>> (последнее посещение – 13 февраля 2016 г.).
13. Официальный сайт Московского Патриархата <<http://www.patriarchia.ru>> (последнее посещение – 13 февраля 2016 г.).

Sychova A. Corruption in Higher Education: corrosion of legal consciousness // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 109–116.

This article covers one of the main problems of the Russian Federation, the modern system of higher education – corruption in its various forms and manifestations. The author gives an estimate of the quality of services of higher education at the present stage, it analyzes the causes of the decline of the educational values of culture and priorities, entailing the emergence of corrupt activity in the higher-level educational institutions. Made an attempt to establish a set of the primary factors contributing to the emergence, spread and flourishing illegal corrupt activities within the framework of the educational function of higher level education institu-

tions. Article defines the problem of the lack of anti-corruption legal awareness of citizens, not the perception of corruption as a threat, ruining the country's intellectual potential, not the unwillingness of citizens to receive a decent education in the framework of the procedure regulated by the law, but on the contrary – the desire to go through, encouraging the spread of illegal activity of corruption. The paper suggests measures to strengthen anti-corruption activities in higher education institutions, promoting the rejection of the market – the consumer approach to the educational process at all levels, eradicate immoral approach in professional pedagogical functions and agitation to a healthy moral and conscientious of their execution.

Keywords: higher education, corruption in the education system, the legal nihilism, bribe giving, bribery, anti-corruption propaganda, monitoring corruption, intellectual potential, professional ethics of the teacher, fight against corruption.

Spisok ispol'zovannoj literatury

1. Brilliantov A. V., Dolzhenko G. D, Ivanova Ja. E. Kommentarij k ugovornomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). –M.: SPS «Konsul'tantPljus», 2010. – 460 s.
2. Panchenko P. N. Korruptcija v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah: sostavy prestuplenij i sootnoshenie s prestupnymi dejanijami // Uголовное право. – 2005. – N 2. – S. 53.
3. Zabolockaja A. S. Vysshee obrazovanie v Rossii: pravila i real'nost' // M., 2004. – S. 260
4. Chaplygina A. Ju. Korruptcija v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah: problema kvalifikacii dejanij // Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie. – №1. 2011. – S. 41–45
5. Uголовный Кодекс Россиjskoj Federacii. Moskva: Prospekt, KnoRus. 2014.–196 s.
6. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19 maja 2008 goda № 815 «O merah po protivodejstviju korruptcii» v redakcii ot 14 fevralja 2014 goda.
7. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 25 fevralja 2011 goda № 233 «O nekotoryh voprosah organizacii dejatel'nosti Prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po protivodejstviju korruptcii» v redakcii 22 fevralja 2015 g.
8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12 maja 2009 goda № 537 «Ob utverzhenii strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda»
9. Konstitucija Rossijskoj Federacii ot 12 dekabnja 1993 goda s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF ot 30.12.2008 № 6- FKZ, 30.12.2008 № 7-FKZ, 05.02.2014 № 2 FKZ, 21.07.2014 № 11-FKZ
10. Federal'nyj zakon № 273-FZ ot 25 dekabnja 2008 goda «O protivodejstvii korruptcii» redakcii ot 03.11.2015 goda
11. Oficial'nyj sajt mezhdunarodnoj organizacii Transparency International <<http://www.transparency.org> > (poslednee poseshhenie – 13 fevralja 2016 g.)
12. Oficial'nyj sajt Moskovskogo Patriarhata <<http://www.patriarchia.ru>> (poslednee poseshhenie – 13 fevralja 2016 g.).

УДК 343.9.022

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Скребец Е. С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Экстремизм сегодня является одним из наиболее опасных явлений социальной жизни, который дестабилизирует политическую систему и несет угрозу жизнедеятельности граждан. Вопросы безопасности и противодействия экстремизму становятся все более актуальными, в связи с чем возникает необходимость дальнейшего систематического и углубленного изучения такого общественно опасного явления как экстремизм.

Экстремизм используется в качестве прямого способа достижения политических, идеологических и социальных целей, а также является инструментом устрашения. Таким образом, действия экстремистского характера оказывают психологическое воздействие для привлечения общественного внимания и подрыва авторитета государства в обеспечении безопасности граждан.

В статье автором рассмотрены и проанализированы основные виды экстремизма как современного феномена в зависимости от сферы воздействия. Также внимание уделено факторам и причинам, порождающим экстремистскую деятельность.

Ключевые слова: экстремизм, политический, религиозный, национальный, экономический, молодежный, государственный экстремизм, безопасность, государство, общество, средства массовой информации.

Сегодняшнее внимание, которое уделено такому социально-политическому явлению как экстремизм, обусловлено, прежде всего, его опасностью, которое угрожает обществу и его пути к прогрессу. Экстремизм во всех его проявлениях является многогранным и многоаспектным, полиэтническим и поликонфессиональным явлением. В связи с этим исследование данного феномена является осуществлением деятельности на выработку эффективных мер по устранению наиболее опасных его проявлений.

В современной литературе и политической терминологии понятие «экстремизм» является одним из наиболее часто используемых. Экстремизм (от фр. *Extremisme*, от лат. *Extremus* – крайний) – приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике). К таким мерам можно отнести провокацию беспорядков, насильственно изменение государственной границы, подрыв политической и экономической стабильности, террористические акции. Для экстремистов характерным является отрицание каких – либо компромиссов, переговоров, соглашений, а также существующих политических, культурных, религиозных и социальных норм и ценностей.

Факторами, порождающими и приводящими деятельность экстремистских организаций в действия, являются: социальные и экономические потрясения, нарушение привычного образа жизни людей, неуверенность в завтрашнем дне, безработица, коррумпированность чиновников, рост преступности, кризис института семьи и семейного воспитания, системы образования и др.

В своей пропагандистской деятельности экстремисты используют демагогические лозунги и призывы, которые обещают людям быстрое устранение угнетающих их трудностей, установление порядка и стабильной социальной обеспеченности граждан. В свою очередь, взамен требуют решительных действий по отношению к инакомыслящим.

Обычно выделяют рациональный и иррациональный экстремизм. Целью рационального экстремизма является максимально быстрое и действенное преодоление социальных проблем с помощью использования радикальных мер. Иррациональный экстремизм также используют в осуществлении своих намерений радикальные меры, но цели его менее масштабны. Это экстремизм молодежный (вандалы), психопатический (немотивированные массовые убийства, например, в школах), спортивный (фанаты) и т. п., хотя и такую разновидность экстремизма весьма просто объяснить, учитывая психологическое восприятие толпы и нюансы психологического восприятия, в основном несовершеннолетних [1].

На сегодняшний день единой, общепризнанной классификации экстремизма не существует. И это неудивительно, так как с изменением общества и эволюцией меняются виды и формы его проявления. Таким образом, в литературе упоминаются следующие виды экстремизма по направленности: политический, религиозный, национальный, экономический, государственный, экологический, молодежный, правый, левый, экстремизм в Интернете. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

1. Политический экстремизм существует со времен возникновения политической власти и политической борьбы. Представляет собой осуществление политики крайними методами, действиями и направлен на радикальное изменение государственного строя, политического режима, который существует в той или иной стране. Характерным признаком политического экстремизма является легитимное, по их мнению, использование насилия в различных формах. Политический экстремизм опасен, в первую очередь, для самой государственности. Его конечной целью является приобретение власти, необходимой «для установления режима монопольного правления силы, которая генетически не терпит никакой оппозиции и будет подавлять мешающих ей «оппонентов» посредством неправового насилия» [2].

Левый и правый экстремизм относят к одним из разновидностей политического экстремизма.

2. Левый экстремизм повторяет и перенимает революционные идеи анархизма, выступает защитником малоимущих, обездоленных и трудящихся. Представители и сторонники левого экстремизма выступают с критикой против социального неравенства, эксплуатации и подавления личности.

3. К правому экстремизму относят фашистские, неонацистские, ультраправые, националистические и расистские движения и организации, которые критикуют современное общество за отсутствие порядка, потребительство, упадок нравов. Данному виду экстремизма свойственна высокая организованность и масштабность в осуществлении своей деятельности.

4. Религиозный экстремизм – это отрицание и непринятие системы традиционных для общества религиозных ценностей и догматических устоев, а также агрессивная пропаганда идей, которые им противоречат. Также религиозным экстремизмом можно считать тип религиозной идеологии и деятельности, отличающийся крайним радикализмом, ориентированный на бескомпромиссность по отношению к сложившимся традициям, возрастание напряженности внутри религиозного общества и социального окружения; идеология и деятельность некоторых течений, которые характеризуются приверженностью крайним толкованиям вероучения, деструктивным характером целей деятельности, распространением своих взглядов и влияний.

К разряду экстремистских можно также отнести религиозные объединения, такие как секты. Необходимость борьбы с экстремизмом, в том числе и религиозно окрашенным, должна быть целью всего общества и каждого гражданина [3].

5. Национальный экстремизм представляет собой идеологию и практику использования силы как самого эффективного средства решения национального вопроса, нетерпимость к другим нациям и расам, веру в национальную исключительность, максимализм.

Так, по мнению С. Н. Фридринского, национальный экстремизм выступает под лозунгами защиты «своего народа», его экономических интересов, культурных ценностей, национального языка и т. д., как правило, в ущерб представителям других национальностей, проживающих на этой территории. Обычно конечной целью националистов является создание самостоятельного независимого государственного образования, в котором они претендуют на государственную власть. Национальный экстремизм почти всегда несет в себе элементы экстремизма политического и достаточно часто – религиозного [4]. Таким образом, национальный экстремизм направлен на развал многонациональных государств.

6. Экономический экстремизм проявляется в стремлении экстремистов установить одну, единую форму собственности и единые методы ведения хозяйства, также характеризуется полным отказом от регулирования экономической сферы со стороны государства, устранение конкурентоспособности в предпринимательской деятельности, резкое сокращение социальных расходов.

7. Государственный экстремизм – репрессии против народа, нарушение прав человека. Он подрывает безопасность государства в целом или в регионе (субъекте Федерации), а также в отдельной местности [5].

8. Экологическим экстремизмом называют деятельность, направленную против природоохранительной политики, а также научно-технического прогресса в этом направлении, аргументируя это тем, что ликвидация неблагоприятных для экологии производств является единственным правильным направлением в улучшении качества окружающей среды.

9. Молодежный экстремизм является одним из самых опасных. Он выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам поведения со стороны молодежи.

Молодежь рассматривается в контексте социальной группы, которая имеет специфические социальные и психологические черты, характеризующиеся возрастными особенностями молодых людей, становлением их духовного мира, а также социально-экономического и общественно-политического положения. В силу возраста для молодежи характерно проявление максимализма, крайностей в поведении, эмоциональности. Экстремальный тип сознания проявляется в специфических формах поведения, характеризующихся импульсивностью мотивации, агрессивностью, склонностью к риску, эпатажем, отклонениями от принятых норм, либо, наоборот, подавленностью, депрессией, пассивностью [6].

10. На сегодняшний день все большую популярность набирает такой вид экстремизма как «экстремизм в Интернете». В своей сущности он направлен на пропаганду идей, целей и ценностей, которые исповедуют экстремисты. В сети Интернет размещается информация экстремистского характера, побуждающая население к противозаконным действиям, но в то же время имея «заванес» законности. Одной из наиболее острых проблем последнего времени является размещение деструктивными организациями, в том числе зарубежными, экстремистских материалов и публикаций в международной сети Интернет [7]. Нельзя не обратить внимание на то, что в настоящее время практически каждый человек ежедневно проводит время в соци-

альных сетях, таким образом, существует большая вероятность прямым или косвенным образом столкнуться с информацией экстремистского характера.

СМИ являются одним из главных активаторов общественного мнения.

Разновидностям экстремизма присущи общие черты, такие как фанатизм, одержимость в навязывании своих идей и взглядов, бескомпромиссность, использование насилия на пути к достижению своих целей, беспрекословное выполнение любых приказов, распоряжений, инструкций от своих «вождей».

В связи с этим важным элементом является формирование у человека миролюбия и толерантного сознания во всех проявлениях жизнедеятельности. Это становится возможным только в условиях свободы выбора, демократии, гарантии прав и свобод человека, а также социальной защищенности граждан. Правовая защищенность также является важнейшим инструментом, гарантирующим мирное сосуществование между гражданами, поскольку именно право выступает первичной формой формирования тех принципов, которые сначала под угрозой наказания, затем – автоматически (неосознанно), и, наконец, сознательно начинают проявляться в человеке как его нравственная позиция [8].

Опираясь на разнообразие видов экстремизма, можно сделать вывод, что экстремизм как выражение крайних взглядов, идей и установок обладает неизменной способностью проникать во все сферы общественной и государственной жизни, социальные отношения.

Общественно опасная деятельность экстремистских организаций вне зависимости от вида и формы должны встретить активное и эффективное противодействие со стороны государства и гражданского общества. На наш взгляд, должны проводиться соответствующие систематические мероприятия по разъяснению и профилактике экстремистских проявлений во всех сферах политической, экономической и религиозной жизни. Целенаправленность и постоянная работа по профилактике и противодействию экстремизму обеспечит безопасность как населения, так и государства от экстремистских преступлений.

На основании вышеизложенного считаем, что с любыми проявлениями экстремизма любого характера и направления должны бороться и общество, и государство. Со стороны государства должны осуществляться меры по устранению социально-экономических и политических условий, которые способствуют возникновению и распространению экстремизма, а также пресекаться любая противозаконная деятельность со стороны экстремистов; должно учитываться этническое, религиозное, расовое разнообразие современного общества. В то же время со стороны общества и общественных организаций, средств массовой информации идеям и лозунгам экстремистов должны противопоставляться толерантность, взаимоуважение культур, религий, традиций всех народов, сохранение гражданского мира и межнациональные и межрелигиозные согласия.

Современный экстремизм является одним из самых разрушительных явлений, которое влияет не только на правосознание, но и на образ жизни людей и их мысли. Таким образом, любые исследования в данном направлении и изучение экстремизма как антигосударственного и антиобщественного феномена являются попыткой оценить ситуацию, возможностью разобраться в данном явлении, а также представляются выработкой мер по предупреждению, нейтрализации и профилактике экстремистских действий. Эффективное осуществление данных мер является залогом успешной борьбы с экстремизмом.

Список литературы:

1. Козлов А. А. Проблемы экстремизма в молодежной среде. Серия: Система воспитания в высшей школе. – М.: 1994. Выпуск 4.

2. Российская газета. 1998. 30 декабря.
3. Социальная и идеологическая сущность религиозного экстремизма / Под ред. Э. Г. Филимонова. – М.: Знание.–1983. – 63 с.
4. Фридринский С. Н. Экстремизм: понятие, виды, формы проявления и основные направления борьбы с данным явлением // Юрист-Правовед. – 2006. – № 4.
5. Социальная и идеологическая сущность религиозного экстремизма / Под ред. Э. Г. Филимонова. – М.: Знание.–1983. – 63 с.
6. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // СОЦИС. 2008. № 5 – С. 38–39.
7. Денисов Ю. Д. Противодействие экстремизму в сети Интернет // Законность. – 2009. – №6 – С. 3.
8. Солдатов Г. У. Практическая психология толерантности, или как сделать так, чтобы зазвучали лучшие струны человеческой души // Век толерантности. №6. URL: <http://www.tolerance.ru>

Skrebets Y. Some special features of the extremism classification on the modern stage of society development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 116 – 121.

Nowadays extremism is one of the most dangerous phenomena of the public life, which leads to destabilization of the political system and makes a threat to citizens' life activity. Questions of safety and extremism counteraction have become more actual. That is why necessity of further systematic and profound study of this social dangerous phenomenon exists.

Extremism is used as a direct way to achieve political, ideological and social targets, also it is a tool of intimidation. Thus, actions of extremist character make psychological influence to attract public attention and disrupt state authority to provide citizens' safety.

In the article the author highlights and analyses main types of extremism as modern occurrence depending on sphere of its appliance. Also special attention is paid to the factors and reasons, having caused extremist activity.

Key words: extremism, political, religious, national, economic, youth, state extremism, security, state, society, mass media.

Spisok literatury:

1. Kozlov A. A. Problemyi ekstremizma v molodezhnoy srede. Seriya: Sistema vospitaniya v vyssheyshkole. – М.: 1994. Vyipusk 4.
2. Rossiyskaya gazeta. 1998. 30 dekabrya.
3. Sotsialnaya i ideologicheskaya suschnost religioznogo ekstremizma / Pod red. E. G. Filimonova. – М.: Znanie.–1983, 63 s.
4. Fridrinskiy S. N. Ekstremizm: ponyatie, vidy, formy proyavleniya I osnovnyie napravleniya borbyi s dannym yavleniem // Yurist'-Pravoved'. 2006. №4.
5. Sotsialnaya i ideologicheskaya suschnost religioznogo ekstremizma / Pod red. E. G. Filimonova. – М.: Znanie.–1983, 63 s.
6. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Molodezhniy ekstremizm. Suschnost I osobennosti proyavleniya // SOTSIS. 2008. №5 – S. 38–39.
7. Denisov Yu. D. Protivodeystvie ekstremizmu v seti Internet // Zakonnost. – 2009. – 6 – S. 3.
8. Soldatov G.U. Prakticheskaya psihologiya tolerantnosti, I likak sdelat tak, chtoby I zazvuchali uchshiestrunyi chelovecheskoydushi // Vek tolerantnosti. №6. URL: <http://www.tolerance.ru>

УДК 341.172

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ОФОРМЛЕНИИ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Чернядьева Н. А.

Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ)

Статья посвящена анализу региональных механизмов борьбы с терроризмом, сложившихся на территории бывшего СССР. Постсоветское пространство с международно-организационной точки зрения представляет собой ряд образований, состав, цели создания и основные задачи которых пересекаются. Важным направлением деятельности трех субъектов (СНГ, ШОС, ОДКБ) является противодействие преступности в целом и терроризму в частности. Автор показывает основные черты институционального оформления данной сферы, связанные с этой проблемы регионального взаимодействия. В частности, особое внимание привлекают внутренняя динамичность, разнотемпный характер интеграции и раскоординированность политик в региональной структуре безопасности и противодействия терроризму. Правовую основу антитеррористической борьбы постсоветского региона составляют договоры о борьбе с терроризмом, принятые в СНГ и ШОС. Указанные соглашения носят преимущественно практический характер. Это качество отражает одну из важнейших тенденций антитеррористического развития постсоветского пространства. В СНГ основная роль в организации регионального антитеррористического пространства принадлежит постоянно действующему специализированному отраслевому органу – Антитеррористическому центру. Его основной задачей является создание прочного информационно-аналитического обмена между государствами. Основные задачи и функции Региональной антитеррористической структуры ШОС были определены как поддержание рабочих связей и координация действий с компетентными органами государств – членов ШОС. ОДКБ, являясь, прежде всего, военно-политическим (оборонительным) союзом, делает упор на сотрудничество в сфере использования вооруженных сил и оборонительных методик. Подобная акцентуация, по мнению автора, имеет и негативные последствия: не работает на перспективу, создает доктринальные проблемы, неопределенность в выработке единой научно-правовой базы для сотрудничества. В целом отмечается организационная и функциональная несистемность существующих контртеррористических органов региональных международных организаций. По мнению автора, это свидетельствует о пробном характере взаимодействия, отражает ситуацию поиска наиболее оптимальных вариантов сотрудничества. Организационная многоликость постсоветского пространства представляется промежуточным результатом наступившего после распада СССР интеграционного процесса, современного оформления новых межгосударственных связей и евразийской политической архитектуры.

Ключевые слова: борьба с терроризмом, международный терроризм, ОДКБ, ШОС, СНГ, международная безопасность, постсоветское пространство, международно-правовое взаимодействие.

Сейчас оформляется новая международная организационно-правовая структура объединений государств – бывших советских республик. Ее составляющие – это созданные на руинах и на историко-политическом наследии СССР организации. Среди них выделяется Евразийский экономический Союз (ЕАЭС), правопреемник Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) – интеграционное экономиче-

ское образование с перспективой создания единого пространства движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [1, с. 1, 3]. Параллельно с ЕАЭС функционирует группа международных структур, компетенция которых характеризуется более широко по сравнению с ЕАЭС кругом вопросов.

Три организации: Содружество независимых государств (СНГ), организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) созданы в том числе в целях борьбы с терроризмом [2, с. 2; 3, с. 8; 4, с. 1]. Для реализации контртеррористического взаимодействия в рамках указанных организаций были заключены два значимых многосторонних договора. Это Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. (далее – договор ШОС) [5] и Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 04 июня 1999г. (далее – договор СНГ) [6].

Данные акты установили базисные, устоявшиеся в мировой практике формы сотрудничества в региональной антитеррористической сфере: определение терроризма и иных основных понятий, необходимых для уголовно-правовой квалификации террористических деяний; установление основных направлений сотрудничества и определение институциональной системы для их реализации. По мнению А. А. Нагиевой, с которым можно согласиться, договоры о борьбе с терроризмом, принятые в СНГ и ШОС, содержат много схожих норм [7, с. 10]. Общность наблюдается в постановке основных задач, использовании основных принципов международного права в построении правового механизма реагирования на акты терроризма, системе мер по предотвращению, профилактике и противодействию терроризму.

Однако необходимо отметить, во-первых, недостаточную доктринальную проработку содержания термина «терроризм» в международной правовой базе постсоветского пространства и, во-вторых, тенденцию сохранения национального подхода в борьбе с явлениями терроризма. В международных актах обращает внимание слабая проработка конструктивных признаков терроризма как политико-правового явления, разрозненность подходов к определению его сущности, нечеткость в определении существенных элементов террористического акта как преступления, отсутствие правовых норм, посвященных его международной форме, неконкретность в идентификации круга субъектов данного преступления. Все это дает основания согласиться с точкой зрения Г. В. Игнатенко и Л. А. Лазутина о том, что определение терроризма в конвенционном постсоветском пространстве имеет скорее политический, чем юридический смысл [8, с. 28].

Примечательно, что в рамках ОДКБ не разработан акт, устанавливающий правовую базу для данной организации в борьбе с терроризмом. Несмотря на то, что МИД РФ декларирует усиление роли ОДКБ в антитеррористическом взаимодействии [9], здесь пока не создан оперативно-правовой инструментарий, позволяющий говорить об эффективной правовой основе сотрудничества. Думается, что сейчас нет необходимости в активизации работы в данном направлении. Первоочередной задачей может считаться создание системного регулирования, конкретизация полномочий каждой международной региональной организации, ликвидация дублирования и коллизий в уже существующих правовых комплексах. Курс должен быть взят на формирование общерегионального антитеррористического права, единого

для всего нашего пространства, максимально гармонизированного с универсальным уровнем.

Представляется, что одна из основных причин слабой доктринальной проработки договоров СНГ и ШОС кроется в том, что эти соглашения носят преимущественно практический характер: решают задачи взаимодействия и выработки реальной политики государств-участников. В настоящий момент эти направления являются наиболее актуальными и важными в практической, реальной политике. Например, по мнению Ю. Бойко, Э. Садыковой, главная цель Конвенции ШОС и договора СНГ – обеспечение эффективного взаимодействия правоохранительных органов и спецслужб на соответствующих направлениях [10, с. 28]. Г. В. Игнатенко и Л. А. Лазутин, В. Ю. Вобликов [8, с. 28], К. Н. Соколов [11] видят основное назначение договорного компонента в области противодействия терроризму в устранении причин, его порождающих.

Анализ норм договоров подтверждает их практическую направленность, приоритетность именно реальных форм взаимодействия над иными аспектами сотрудничества.

Так, в СНГ основная роль в организации регионального антитеррористического пространства принадлежит постоянно действующему специализированному отраслевому органу – Антитеррористическому центру (далее – АТЦ), по мнению А. Ч. Токтомушева уникальной, не имеющей аналогов в мире структуре [12, с. 16]. Его основной задачей является создание прочного информационно-аналитического обмена между государствами [13]. Другой форме взаимодействия – подготовке проектов актов для создания единого правового поля на территории государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом, предусмотренном в уставном акте АТЦ [14], – уделяется значительно меньше внимания.

Основные задачи и функции Региональной антитеррористической структуры ШОС (далее – РАТС) были определены как поддержание рабочих связей и координация действий с компетентными органами государств – членов ШОС по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, сбор и анализ информации по данному направлению [15, с. 6]. Исследователи называют свидетельством дееспособности данной антитеррористической структуры регулярное проведение учений и военных маневров контртеррористической направленности [16, с. 16]. К. Н. Соколов считает, что методы борьбы, практикуемые в ШОС, более эффективны, чем те, которые используют аналогичные западные субъекты. В нашем региональном пространстве упор делается преимущественно на разрешение различных противоречий, имеющих для терроризма детерминантный характер, в то время как на Западе популярен силовой, оборонительный подход в противостоянии данному злу [11].

Таким образом, обе структуры занимаются в основном организацией практического взаимодействия и решением практических задач.

ОДКБ, являясь, прежде всего, военно-политическим (оборонительным) союзом, делает упор на сотрудничество в сфере использования вооруженных сил и оборонительных методик [12, с. 19]. В этой организации не поставлена задача создания собственной научно-теоретической концепции, в которой бы устанавливались общие согласованные подходы к определению природы преступных явлений, для борьбы с которыми, в числе прочих, создана ОДКБ. В. И. Батюк не видит в этом «причин для

беспокойства» [16, с. 14–15], указывая на существующее среди политических элит стран-участниц общее понимание источников террористической угрозы, что способствует межгосударственному взаимодействию.

Тем не менее представляется, что подобная акцентуация в названных случаях имеет и негативные последствия: не работает на перспективу, создает доктринальные проблемы, неопределенность в выработке единой научно-правовой базы для сотрудничества.

Таким образом, подведя промежуточный итог анализа в рамках данной статьи, отметим, что опыт регионального антитеррористического сотрудничества на постсоветском пространстве говорит о большой проделанной работе и перспективности его продолжения в будущем.

В первую очередь, очевидна существующая несистемность и нестабильность в межгосударственных отношениях в этой сфере. В. И. Батюк называет это как одну из основных причин неэффективности, раскоординированности антитеррористической деятельности на постсоветском пространстве [16, с. 13–14]. Думается, что механизмы СНГ, ОДКБ, ШОС, ставшие результатами многосторонних инициатив по выстраиванию разнотемных интеграций постсоветских стран [17], представляют собой пробные попытки взаимодействия.

Ситуацию поиска оптимальных организационных основ сотрудничества подтверждает, например, размытость целевого компонента у всех организаций. Так, М. В. Старчак отмечает разнородность задач, стоящих перед ШОС, и противоречивость подходов у участников к их выполнению [18, с. 480]. Это подтверждает и система приоритетов для данной организации, озвученная президентом В. В. Путиным в ходе саммита ШОС в сентябре 2014 г. (Душанбе) и нашедшая свое закрепление в Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года [19]. Основными направлениями сотрудничества продолжают оставаться вопросы безопасности, поддержание мира и стабильности, борьба с терроризмом. К ним добавлена, по инициативе Китая [20], разработка программы торгово-экономического сотрудничества. Одновременный акцент и на экономическом взаимодействии и на вопросах безопасности вызывает проблемы внутри организации в виде конфликтов между участниками или перекос в пользу какого-либо одного направления сотрудничества.

Также в данном плане показателен и состав СНГ, ОДКБ, ШОС. На февраль 2016 г. участниками СНГ являются десять государств, из которых:

пятеро (Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан) входят в ШОС. Единственный участник ШОС, не являющийся членом СНГ, – Китай;

четверо (Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан) одновременно участвуют еще в ОДКБ. Также в ОДКБ входят Белоруссия и Армения – участники СНГ.

Таким образом, в данном случае очевидны дублирование и повтор участников, что дает основания говорить о формировании единого интеграционного ядра государств постсоветского пространства. Общность решаемых задач и субъектное единство СНГ, ОДКБ, ШОС неоднократно отмечались и лидерами указанных организаций, например, генеральным секретарем ОДКБ Н. Бордюжа и директором исполкома РАТС ШОС Чж. Синьфен [21].

Пока, на данном этапе, существующие проблемы и противоречия дают основания ряду исследователей критически оценивать организационно-правовую структуру

ру постсоветского пространства с точки зрения успешности осуществления политики безопасности и предотвращения террористической угрозы. Так, Т. Ренард назвал ШОС неэффективной с точки зрения западной интеграции и регионального сотрудничества [22, р. 369]. С. Старр считает, что совместные попытки России и КНР стабилизировать ситуацию в регионе провалились, так как они не смогли создать в регионе никаких эффективных структур регионального порядка. Поэтому рост американского вмешательства, по мнению исследователя, во многом отвечает как российским, так и китайским интересам [23]. Иной точки зрения придерживается С. Арис, который говорит, что ШОС – это организация с очень конкретной повесткой, нацеленной на решении внутренних проблем региона, и в связи с этим ШОС лишена глобальных амбиций [24, р. 212].

Действительно, анализ деятельности ШОС как организации, привлекающей наибольшее внимание со стороны западных ученых, так и СНГ, и ОДКБ, показывает, что характер деятельности организаций постсоветского пространства существенно отличается от западных форматов регионального сотрудничества. Структуры нашего региона:

- носят преимущественно международно-правовой, а не наднациональный характер;
- в большей мере ориентированы на политическое, а не на экономическое сотрудничество;
- в большей мере склонны к поиску компромиссных, учитывающих индивидуальные особенности государств, пути решения проблем;
- опираются на многоплановый (как позитивный, так и негативный) опыт взаимодействия внутри СССР.

Существующая несхожесть и политическая конъюнктура не позволяют дать зарубежным специалистам полноценный и объективный анализ природы постсоветской межгосударственной сферы.

На основании проведенного исследования можно смоделировать возможный сценарий развития интеграционных процессов в нашем регионе. Возможно, случится концентрация всех полномочий в сфере региональной международной безопасности одной структуре, действующей в рамках одной организации, объединяющей большинство государств нашего региона. При этом вряд ли обоснованно считать эффективным и востребованным полное слияние всех международных организаций постсоветского пространства. Практика деятельности иных региональных образований, например, Европейского Союза, показывает успешность политики так называемого «продвинутого сотрудничества», в которой предоставляется дифференцированная возможность участия в единых, общеевропейских процессах, используется более мягкий, сочетающий принципы наднациональности и международного права, подход в выработке единых решений. Поэтому может быть, что в ближайшем будущем на постсоветском пространстве будет функционировать масштабная наднациональная структура с развернутым перечнем социально-политических, правовых и экономических целей деятельности, возможно, на основе ЕАЭС, и международная организация, в состав которой будут входить государства, ориентированные в своей политике на сотрудничество с Россией и другими постсоветскими странами, но сохраняющие большую самостоятельность в решении внутренних и внешних вопросов. Думается, что акцент во второй структуре будет сделан именно на решение проблем безопасности и политического сотрудничества.

Такое развитие позволит избежать тупика, практически неизбежного в будущем из-за неоднородности развития государств-членов и исторически сложившихся противоречий между ними.

Отметим, что в научной литературе высказана и иная точка зрения на перспективы взаимодействия всех трех международных региональных структур. А. Ч. Токтомушев считает, что со временем все организации постсоветского пространства отладят схему взаимодействия и будут гармонично дополнять друг друга [12, с. 28].

В настоящий момент ОДКБ и ШОС прочно вошли в систему международной безопасности ООН, признаны ее компетентными участниками. В резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН говорится о важности развития сотрудничества ООН с данными региональными организациями в таких областях, как укрепление мира и безопасности; борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; противодействие наркотрафику и другим видам транснациональной преступности [25, п.1; 26, п. 1].

Таким образом, подводя итоги статьи, отметим следующее. Постсоветское пространство с международно-организационной точки зрения представляет собой ряд образований, состав, цели создания и основные задачи которых пересекаются. Важным направлением деятельности трех субъектов (СНГ, ШОС, ОДКБ) является противодействие преступности в целом и терроризму в частности. В статье показана актуальность и значимость данной сферы в региональном взаимодействии. Организационная многоликость постсоветского пространства представляется промежуточным результатом наступившего после распада СССР интеграционного процесса, современного оформления новых межгосударственных связей и евразийской политической архитектуры. Среди характерных черт современного состояния постсоветской региональной структуры безопасности и противодействия терроризму можно отметить внутреннюю динамичность, разнотемпный характер интеграции и раскоординированность политик в исследуемой сфере, нестабильность существующих образований, их несистемность. Думается, что все это свидетельствует о пробном характере взаимодействия, отражает ситуацию поиска наиболее оптимальных вариантов сотрудничества. Все это говорит о пока еще не решенной проблеме систематизации международного взаимодействия в рамках регионального антитеррористического сотрудничества.

Правовую основу антитеррористической борьбы постсоветского региона составляют договоры о борьбе с терроризмом, принятые в СНГ и ШОС. Указанные соглашения носят преимущественно практический характер. Представляется, что это отражает одну из важнейших тенденций антитеррористического развития постсоветского пространства.

Тем не менее отметим, что современные интеграционные образования прошли серьезный эволюционный путь, проделали большую работу по формированию единых политических, правовых, информационных и институциональных подходов в области борьбы с терроризмом. Проведенный анализ позволяет говорить о позитивном характере этого процесса, перспективности его продолжения в будущем.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) // [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения 03.02.2016).
2. Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (Подписан в г. Минске 04.06.1999) // Собрание законодательства РФ. 29 мая 2006 г. N 22. Ст. 2291.
3. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.odkbcto.org/documents> (Дата обращения 03.02.2016);

4. Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 07.06.2002 // Собрание законодательства РФ. 23 октября 2006 г. № 43. Ст. 4417.
5. Собрание законодательства РФ. – 2003. – 13 октября 2003 г. — № 41. – Ст. 3947.
6. Собрание законодательства РФ. – 29 мая 2006 г. – № 22. – Ст. 2291.
7. Нагиева А. А. Сотрудничество государств – участников СНГ в области борьбы с терроризмом // Международное уголовное право и международная юстиция. – М.: Юрист, 2011, № 1. – С.8–12.
8. Вобликов В. Ю. Экономическая глобализация и механизм обеспечения региональной безопасности и противодействия терроризму в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Реформы и право. – 2010. – № 1. – С. 26–30.
9. Россия в борьбе с международным терроризмом // Внешняя политика России в подробностях // [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/nsnpop.nsf/osn_copy/1166C55233F5FC2CC32570430031542B (Дата обращения 03.02.2016).
10. Бойко Ю., Садыкова Э. Политико-правовые аспекты международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в рамках ШОС // Обозреватель – Observer. – 2008. – № 8. – С. 25–31.
11. Соколов К. Н. ШОС и формирование правовой базы для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // [Электронный ресурс] URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=20> (Дата обращения 03.02.2016).
12. Токтомушев А. Ч. Центральная Азия: коллективные усилия государств в противодействии угрозе международного терроризма. – Астана. – 2005. – 43с.
13. Антитеррористический центр государств – участников СНГ и его место в борьбе с международным терроризмом. Выступление Руководителя Антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых Государств в Дипломатической Академии МИД Российской Федерации 31.01.2002 г. // URL: [Электронный ресурс] <http://www.e-cis.info/page.php?id=1412> (Дата обращения 03.02.2016).
14. Положение Об Антитеррористическом Центре Государств – Участников Содружества Независимых Государств (с изменениями и дополнениями, внесенными решением Совета глав государств СНГ от 28 ноября 2006 года). Утверждено Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств об Антитеррористическом центре государств - участников Содружества Независимых Государств от 1 декабря 2000 года // URL: [Электронный ресурс] <http://www.cisatc.org/132/166/189> (дата обращения 25.08.2014)
15. Соглашение между государствами – членами ШОС «О Региональной антитеррористической структуре» от 07.06.2002 // URL: [Электронный ресурс] ecrats.org/upload/iblock/224/2.pdf (дата обращения 25.08.2014)
16. Батюк В. И. Международное сообщество в борьбе с терроризмом: проблемы структуризации // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2008. – № 1. – С. 5–19.
17. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября.
18. Старчак М. В. Шанхайская Организация Сотрудничества в обеспечении безопасности в Центральной Азии // Безопасность Евразии. – № 4. – 2006. – С. 475–487.
19. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года // [Электронный ресурс] URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=125> (Дата обращения 03.02.2016).
20. Латухина К. Шире ШОС // Российская газета. Федеральный выпуск № 6481(209). 15 сентября 2014.
21. ОДКБ и ШОС намерены взаимодействовать в борьбе с терроризмом. 21.01.2014 17:48 // [Электронный ресурс] URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=12383> (Дата обращения 03.02.2016).
22. Renard T. Strategic Bilateralism or Effective Multilateralism? The EU, the SCO and SAARC // The Palgrave Handbook of EU-Asia Relations. ed. by T.Christiansen, E. Kirchner, Ph. Murray. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. P. 359–375.
23. Starr S. F. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. - 2005. - July/August. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.foreignaffairs.org/20050701faessay84412/s-frederick-starr/a-partnership-for-central-asia.html> (Дата обращения 03.02.2016.)
24. Aris S. Eurasian Regionalism. The Shanghai Cooperation Organisation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 224 p. // [Электронный ресурс] URL: <http://ebookey.org/Eurasian-Regionalism-The-Shanghai-Cooperation-Organisation-Critical-Studies-of-the-Asia-Pacific-repost-2899484.html> (Дата обращения 03.02.2016).
25. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 11 ноября 2014 года A/RES/69/11. «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Шанхайской организацией сотрудничества» // [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/ga/69/docs/69res_nocte.shtml (Дата обращения 03.02.2016);
26. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 11 ноября 2014 года A/RES/69/12. «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Организацией Договора о коллективной

Безопасности» // [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/ga/69/docs/69res_nocte.shtml (Дата обращения 03.02.2016).

Cherniadeva N. A. To the question of the institutional design of the counter-terrorism the former Soviet Union space // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – T. 1 (67). № 4. – P. 122 – 130.

This article analyzes the regional mechanisms to combat terrorism, established in the territory of the former USSR. An important activity of the three entities (the CIS, SCO, CSTO) is countering crime in general and terrorism in particular. Author shows the main features of the institutional design of the sector and the associated problems of regional cooperation. The legal basis for the fight against terrorism in the region are agreements on counter-terrorism (the CIS and SCO). These agreements are mainly of a practical nature. This accentuation has negative consequences. It does not work in the future, create doctrinal problems, uncertainty about the development of a uniform scientific and legal framework for cooperation. In general, the author points out the organizational and functional unsystematic nature of existing counter-terrorism authorities of regional international organizations. According to the author it indicates the trial nature of the interaction, the situation reflects the search of the optimal variants of cooperation.

Keywords: fight against terrorism, international terrorism, CSTO, SCO, CIS, international security, the post-Soviet space, the international legal cooperation.

Spisok literatury

1. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze (Podpisan v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 08.05.2015) // [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Data obrashhenija 03.02.2016).
2. Dogovor o sotrudnichestve gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv v bor'be s terrorizmom (Podpisan v g. Minske 04.06.1999) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 29 maja 2006 g. N 22. St. 2291;
3. Ustav Organizacii Dogovora o kolektivnoj bezopasnosti ot 7 oktjabrja 2002 goda. // [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.odkbcsto.org/documents> (Data obrashhenija 03.02.2016);
4. Hartija Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva ot 07.06.2002 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 23 oktjabrja 2006 g. N 43. St. 4417.
5. Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2003. – 13 oktjabrja 2003 g. – № 41. – St. 3947.
6. Sobranie zakonodatel'stva RF. – 29 maja 2006 g. – № 22. – St. 2291.
7. Nagieva A.A. Sotrudnichestvo gosudarstv-uchastnikov SNG v oblasti bor'by s terrorizmom // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija. – M.: Jurist, 2011, № 1. – S. 8–12.
8. Voblikov V.Ju. Jekonomicheskaja globalizacija i mehanizm obespechenija regional'noj bezopasnosti i protivodejstvija terrorizmu v ramkah Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva // Reformy i pravo. – 2010. – № 1. – S. 26–30.
9. Rossija v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom // Vneshnaja politika Rossii v podrobnostjah // [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.mid.ru/nsnpop.nsf/osn_copy/1166C55233F5FC2CC32570430031542B (Data obrashhenija 03.02.2016)
10. Bojko Ju., Sadykova Je. Politiko-pravovye aspekty mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s terrorizmom v ramkah ShOS // Obozrevatel' – Observer. – 2008. – № 8. – S. 25–31
11. Sokolov K. N. ShOS i formirovanie pravovoj bazy dlja bor'by s terrorizmom, separatizmom i jekstremizmom // [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=20> (Data obrashhenija 03.02.2016).
12. Toktomushev A. Ch. Central'naja Azija: kollektivnye usilija gosudarstv v protivodejstvii ugroze mezhdunarodnogo terrorizma. – Astana. – 2005. – 43 s.
13. Antiterroristicheskij centr gosudarstv-uchastnikov SNG i ego mesto v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom. Vystuplenie Rukovoditelja Antiterroristicheskogo centra gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv v Diplomatičeskoj Akademii MID Rossijskoj Federacii 31.01.2002 g. // URL: [Jelektronnyj resurs] <http://www.e-cis.info/page.php?id=1412> (Data obrashhenija 03.02.2016).
14. Polozhenie Ob Antiterroristicheskom Centre Gosudarstv – Uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv (s izmenenijami i dopolnenijami, vnesennymi resheniem Soveta glav gosudarstv SNG ot 28 nojabrja 2006 goda). Uтверждено Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств об Antiterroristicheskom centre gosudarstv - uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv ot 1 dekabrja 2000 goda // URL: [Jelektronnyj resurs] <http://www.cisatc.org/132/166/189> (data obrashhenija 25.08.2014)
15. Soglasenie mezhd gosudarstvami – chlenami ShOS «O Regional'noj antiterroristicheskoj strukture» ot 07.06.2002 // URL: [Jelektronnyj resurs] ecrats.org/upload/iblock/224/2.pdf (data obrashhenija 25.08.2014)
16. Batjuk V. I. Mezhdunarodnoe soobshhestvo v bor'be s terrorizmom: problemy strukturizacii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. – Serija: Politologija. – 2008. – № 1. – S. 5–19.

17. Putin V. V. Novyj integracionnyj proekt dlja Evrazii — budushhee, kotoroe rozhdaetsja segodnja // Izvestija. 2011. 3 oktjabrja
18. Starchak M. V. Shanhajskaja Organizacija Sotrudnichestva v obespechenii bezopasnosti v Central'noj Azii // Bezopasnost' Evrazii. – № 4. – 2006. – S. 475 – 487.
19. Strategija razvitiya Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva do 2025 goda // [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=125> (Data obrashhenija 03.02.2016).
20. Latuhina K. Shire ShOS // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk № 6481(209). 15 sentjabrja 2014.
21. ODKB i ShOS namereny vzaimodejstvovat' v bor'be s terrorizmom. 21.01.2014 17:48 // [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=12383> (Data obrashhenija 03.02.2016).
22. Renard T. Strategic Bilateralism or Effective Multilateralism? The EU, the SCO and SAARC // The Palgrave Handbook of EU-Asia Relations. ed. by T.Christiansen, E. Kirchner, Ph. Murray. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. P. 359-375.
23. Starr S. F. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. – 2005. – July/August. // [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.foreignaffairs.org/20050701faessay84412/s-frederick-starr/a-partnership-for-central-asia.html> (Data obrashhenija 03.02.2016.)
24. Aris S. Eurasian Regionalism. The Shanghai Cooperation Organisation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 224 r. // [Jelektronnyj resurs] URL: http://ebookey.org/Eurasian-Regionalism-The-Shanghai-Cooperation-Organisation-Critical-Studies-of-the-Asia-Pacific-repost-_2899484.html (Data obrashhenija 03.02.2016).
25. Rezoljucija, prinjataja General'noj Assambleej OON 11 nojabrja 2014 goda A/RES/69/11. «Sotrudnichestvo mezhdu Organizaciej Ob#edinennyh Nacij i Shanhajskoj organizaciej sotrudnichestva» // [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.un.org/ru/ga/69/docs/69res_nocte.shtml (Data obrashhenija 03.02.2016);
26. Rezoljucija, prinjataja General'noj Assambleej OON 11 nojabrja 2014 goda A/RES/69/12. «Sotrudnichestvo mezhdu Organizaciej Ob#edinennyh Nacij i Organizaciej Dogovora o kollektivnoj Bezopasnosti» // [Jelektronnyj resurs] URL: http://www.un.org/ru/ga/69/docs/69res_nocte.shtml (Data obrashhenija 03.02.2016).

УДК 343.983

УЧАСТНИКИ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Чернецкий О. К.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Сложная конструкция данного следственного действия обуславливает сложность процедуры его проведения, большое количество участников следственного эксперимента. Кроме следователя, который является организатором следственного эксперимента, в качестве его помощника может выступать и другой следователь или сотрудники других правоохранительных органов. На наш взгляд в законодательстве суживается круг участников. К участию в следственном эксперименте могут быть привлечены подозреваемый, пострадавший, свидетель, защитник, представитель, эксперт и др. При анализе проблемных вопросов теории следственного эксперимента также рассмотрены права и обязанности его участников, которые прописаны в УПК. Сопоставлены права и обязанности участников следственного эксперимента, и это показывает, что они изложены в разной форме и далеко не всегда имеют единую трактовку. Как свидетельствует практика, необходимым элементом процедуры являются разъяснения участникам следственного эксперимента их прав и обязанностей. Поскольку содержание следственного эксперимента не всегда понятно подозреваемому, обвиняемому, пострадавшему, свидетелям, а также понятым и специалистам, им нужно разъяснить цель данного действия и порядок его проведения. При этом возникают довольно специфические проблемы.

Ключевые слова: следственный эксперимент, следственные действия, участники эксперимента.

Как свидетельствует практика, сложная конструкция данного следственного действия обуславливает сложность процедуры его проведения, большое количество участников следственного эксперимента, особенно в случаях, когда воспроизводится и исследуется действие, которое охватывает две точки на местности (например, выстрел и зону его слышимости), кроме следователя, который является организатором следственного эксперимента, в качестве его помощника, может выступать и другой следователь или сотрудники других правоохранительных органов. На наш взгляд, в УПК суживается круг участников: к участию в следственном эксперименте могут быть привлечены подозреваемый, пострадавший, свидетель, защитник, представитель [1, с. 6–29; 2, с. 6–11; 3, с. 9–19].

К обязательным участникам следственного эксперимента нужно отнести понятых, которые призваны удостоверять его ход и результаты. Однако их роль может быть более активной, чем при осмотре: они могут предлагать менять условия в зависимости от жизненного опыта и даже сами могут в них принимать участие. Если эксперимент охватывает несколько пунктов на местности, количество понятых может быть более двух (по два в каждой точке).

Специалист привлекается к следственному эксперименту по усмотрению следователя, и его роль может состоять в воспроизведении обстановки (например, в постановке механизма в определенное положение) и в самом проведении опытов (например, в определении длины тормозного пути автомобиля при определенной скорости движения).

Эксперт может принимать участие в следственном эксперименте по его ходатайству в случаях, когда результат действия имеет значение для ответов на вопросы,

которые представляют предмет экспертного вывода. Руководствуясь этой целью, он может предлагать изменение условий, темпа и вариантов воспроизводимых действий.

Особенно необходимо привлечение к следственному эксперименту подозреваемого, пострадавшего и свидетелей, которые могут помочь в реконструкции обстановки и в проведении опытных действий, описанных ими в показаниях. Подозреваемый и обвиняемый могут привлекаться также для того, чтобы они могли убедиться в объективности результатов следственного эксперимента. Необходимо однако иметь в виду, что все вышеперечисленные лица, согласно закону, не имеют обязанности давать любые объяснения в ходе следственного эксперимента. Поэтому привлекать их к его проведению возможно только с их согласия.

В случае участия в следственном эксперименте подозреваемого и обвиняемого в следственном действии принимает участие их защитник, который имеет право заявлять ходатайства, делать заявления и замечания, направленные на обеспечение прав подзащитных. Уместно включается в состав участников следственного эксперимента адвокат, представитель пострадавшего и свидетелей, которые также должны иметь возможность обеспечить соблюдение прав, которые представляются этим участникам. С целью осуществления контроля над законностью следственного эксперимента при его проведении могут принимать участие прокурор и руководители следственных отделов.

Анализируя проблемные вопросы теории следственного эксперимента, нужно также рассмотреть права и обязанности его участников, которые прописаны в УПК. Сопоставление прав и обязанностей участников следственного эксперимента показывает, что они изложены в разной форме и далеко не всегда имеют единую трактовку. В связи с этим целесообразно еще раз провести их процессуальный и лингвистический анализ и изложить в одинаковом порядке [4, с. 11].

Особенно, как свидетельствует практика, необходимым элементом процедуры являются разъяснения участникам следственного эксперимента их прав и обязанностей. Понятым, специалистам и экспертам разъясняется также их ответственность за невыполнение обязанностей. Поскольку содержание следственного эксперимента не всегда понятно подозреваемому, обвиняемому, пострадавшему, свидетелям, а также понятым и специалистам, им нужно разъяснить цель данного действия и порядок его проведения. При этом возникает довольно специфическая проблема: если эксперимент проводится для проверки способности лица к восприятию определенных обстоятельств, должен ли следователь стимулировать у испытуемого намеренное восприятие какого-нибудь объекта. Например, должен ли он говорить лицу, что он может заметить определенное препятствие на пути движения транспорта или услышать выстрел. Поскольку этим моделируется ситуация, более оптимальная для испытуемого, чем при истинном событии. На наш взгляд, ответ должен быть негативным. Участникам эксперимента надо охарактеризовать цель воспроизведения в целом. Если следователь постановил решение относительно применения при эксперименте технических средств, с этим заранее должны быть ознакомлены участники.

Безусловно, при проведении следственного эксперимента следователь должен учитывать нормы международного права, действующее законодательство РФ, разъяснения высших судебных органов. Вместе с тем в рамках уголовного судопроизводства в первую очередь следователь должен ориентироваться на соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства [5, с. 17; 6, с. 4].

Анализируя содержание норм уголовно-процессуального законодательства, в которых определяются права и обязанности следователя при проведении следственного эксперимента, отметим, что к ним, в частности, относятся: право следователя на единоличное принятие решения о проведении эксперимента; обязательность

проведения эксперимента только в рамках возбужденного уголовного дела и только по вопросам, которые относятся к расследуемому делу; запрет на проведение эксперимента, если при его проведении создается угроза здоровью лиц, которые привлекаются к его производству. Но в случаях, когда следственный эксперимент нужно провести в жилом помещении или другом владении лица, он осуществляется лишь по добровольному согласию лица, которое ими владеет, или на основании постановления судьи по ходатайству следователя.

Под правом следователя на производство эксперимента в широком смысле имеется в виду следующее:

1) законодатель предоставляет следователю процессуальную самостоятельность в принятии решения о необходимости и целесообразности проведения следственного эксперимента;

2) следователь не обязан проводить следственный эксперимент, если считает нецелесообразным его производство;

3) следователь самостоятельно выбирает виды следственных экспериментов, место и время их проведения, а также перечень опытных действий, которые, по его мнению, необходимо провести;

4) следователь самостоятельно определяет состав участников эксперимента и может привлекать к его производству необходимые ему средства.

К основным обязанностям следователя при производстве следственного эксперимента нужно причислять требования, к которым относятся: принцип постоянного соблюдения законности; недопустимость унижения чести и достоинства участников следственного эксперимента и присутствующих лиц; в процессе проведения следственного эксперимента соблюдать нормы законодательства, которые действуют на момент проведения эксперимента; соблюдение установленного порядка подследственности; соблюдение прав участников эксперимента.

Необходимо заметить, что в УПК почти не определяются основания производства следственного эксперимента. Как отмечает С. А. Шейфер, комплекс норм закона о следственных действиях, которые связаны с собиранием доказательств, должен обеспечивать обоснованность следственного действия. Нужны и другие правила, которые ограждают лиц, привлеченных к участию в следственных действиях, то есть обвиняемого, подозреваемого, их защитника, потерпевшего, его представителя, свидетеля и др., от необоснованного вторжения органов расследования, прокурора, суда в сферу охраняемых Конституцией прав и свобод граждан, от причинения им неправомерного морального, имущественного убытка и вреда здоровью [5, с. 6–29]. Кроме того, закон должен представлять участникам следственных действий необходимые гарантии, которые обеспечивают им реальную возможность осуществлять свои функции, реализовать свои права, выступать активными субъектами проведения на его начальном этапе. Также необходимы и правила, которые обеспечивают эффективность следственного действия, то есть пригодность его к получению тех доказательств вопреки противодействию лиц, которые уклоняются от представления информации, предметов, документов или прямо препятствуют этому. С другой стороны, нормы УПК должны через надлежащую процедуру обеспечивать допустимость получаемых органами расследования доказательств для того, чтобы они со временем могли быть признаны достоверными и использоваться для обоснования выводов субъектов правосудия [5, с. 30].

Список литературы:

1. Комягина Ю. С., Лаврухин С. В. Следственные действия: сущность, классификация, принципы. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 6–29.

2. Власенко Н. В., Степанов В. В. Сущность и тактика проверки показаний на месте. – М.: Юрлитинформ, 2004. – С. 6–11.
3. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – М.: Юрлитинформ, 2004. – С. 9–19.
4. Хижняк Д. С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий. – М.: Юрлитинформ, 2004. – С. 11.
5. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. – 208 с.
6. Рубан А. С. Следственный эксперимент: теория и практика: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Владимир, 2009. – С. 4.

Chernetskii O. Members of the investigative experiment // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 131 – 134.

The complex design of this investigative procedure causes the complexity of its procedures, a large number of participants in the investigative experiment. In addition to the investigator, who is the organizer of the investigative experiment, as his assistant, can act and another investigator or members of other law enforcement agencies. We, look in the legislation narrows the circle of participants. To participate in the investigative experiment can be involved the suspect, the victim, the witness, defense counsel, representatives, experts, etc. .. By analyzing problematic issues investigative experiment theory, also addressed the rights and duties of its members, which are set out in the Code of Criminal Procedure. We compared the rights and obligations of participants in the investigative experiment, and it shows that they are presented in different forms and does not always have a single interpretation. As practice shows, a necessary element of the procedure is, explain to the participants of the investigative experiment, their rights and obligations. Since the content of the investigative experiment is not always clear to the suspect, accused, victim, witnesses, and the witnesses and experts - they need to clarify the purpose of the action and the procedure of its holding. This gives rise to quite specific problems.

Keywords: investigative experiment, investigative actions, the participants of the experiment.

Spisok literatury

1. Komyagina Yu. S., Lavruhin S. V. Sledstvennye deystviya: sushchnost, klassifikatsiya, printsipy. – М.: Yurlitinform, 2009. – С. 6–29.
2. Vlasenko N. V., Stepanov V. V. Sushchnost i taktika proverki pokazaniy na meste. – М.: Yurli-tinform, 2004. – С. 6–11.
3. Sheyfer S. A. Sledstvennye deystviya. Osnovaniya, protsessualnyy poryadok i dokazatelstvennoe znachenie. – М.: Yurlitinform, 2004. – С. 9–19.
4. Hizhnyak D. S. Protssessualnye i kriminalisticheskie problemy razvitiya taktiki sledstvennyh deystviy. – М.: Yurlitinform, 2004. – С. 11.
5. Sheyfer S. A. Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessualnaya forma. – М.: ООО Izdatelstvo «Yurlitinform», 2001. – 208 s.
6. Ruban A.S. Sledstvennyy eksperiment: teoriya i praktika: Avtoref. dis... kand. yurid. nauk. – Vladimir, 2009. – S.4.

УДК 334.7

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ХОЛДИНГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Бекирова Э. Э., Алиева З. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена исследованию правового статуса холдингов в Российской Федерации, а также перспективам развития данной формы предпринимательской и корпоративной активности.

Анализируются мнения ведущих ученых-юристов относительно правового статуса холдинга. Так, рассматривается позиция, согласно которой холдинг – это объединение, представляющее собой группу организаций (участников), основанную на отношениях экономической зависимости и контроля, участники которой, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности подчиняются одному из участников группы. А также мнение, согласно которому холдинг представляет собой совокупность взаимосвязанных юридических лиц. Сделан вывод о том, что холдинг – это предпринимательское объединение, структурно состоящее из холдинговой компании (головной организации) и дочерних компаний, основанное на отношениях экономической зависимости и контроля, участники которого, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности подчиняются холдинговой компании, которая, в силу владения преобладающими долями участия в уставном капитале, договора или иных обстоятельств, прямо или косвенно (посредством третьих лиц) оказывает определяющее влияние на принятие решений другими участниками группы. Поскольку отсутствие специального нормативно-правового акта, определяющего правовой статус холдингов, порождает правовые и управленческие проблемы организации и деятельности холдинговых компаний, целесообразным является принятие специального нормативно-правового акта, регламентирующего создание, функционирование и прекращение холдингов, на основании которого будет обеспечено устойчивое и стабильное регулирование этого сложного предпринимательского объединения.

Ключевые слова: холдинг; предпринимательское объединение; экономическая зависимость; группа лиц; контроль; дочернее хозяйственное общество; основное хозяйственное общество; холдинговая компания.

Переход России к рыночной экономике способствовал появлению новых экономико-правовых явлений, пришедших на смену административно-командным механизмам и методам управления деятельностью субъектов хозяйствования. В этот переходный период универсальной моделью оптимизации управленческих процессов внутри интегрированных объединений субъектов предпринимательской деятельности стал холдинг, как одна из наиболее эффективных форм перехода от плановых процессов централизации управления к добровольному принципу объединения и корпоративной самоорганизации.

Анализ правового статуса холдингов и перспектив развития законодательства в данной сфере является необходимым как с теоретической, так и с практической точки зрения. Практическое значение данного исследования заключается в том, что холдинги являются активными участниками экономического оборота и нуждаются в

совершенной правовой регламентации. Теоретическая направленность данного исследования состоит в том, что отношения экономической зависимости и контроля, лежащие в основе создания объединений холдингового типа заставляют по-новому переосмысливать содержание принципа юридического равенства субъектов гражданского права.

Правовому регулированию холдингов посвящена работы таких ученых-правоведов, как Д. Ю. Авельцова, В. С. Белых, А. Ю. Бушева, В. В. Долинской, Т. В. Кашаниной, Е. Н. Кравченко, М. И. Кулагина, В. В. Лаптева, Д. В. Ломакина, О. М. Олейник, В. Н. Петухова, О. Ю. Скворцова, Е. А. Суханова, К. Ю. Тотьева, И. С. Шиткиной и других.

Однако теоретические и практические вопросы, связанные с определением правового статуса холдингов, преимуществ и недостатков данного предпринимательского объединения, а также перспектив развития и совершенствования законодательства в данной сфере, не получили достаточной систематической разработанности.

После проведенной в 90-х гг. XX в. кодификации гражданского законодательства все объединения, создаваемые с целью осуществления предпринимательской деятельности, практически оказались за пределами правового регулирования.

Продолжающаяся реструктуризация экономики России уже столкнулась как с несовершенством правового обеспечения создания и деятельности объединений предпринимателей, так и с фрагментарностью теоретического исследования проблемы предпринимательских объединений. Если организационно-управленческие и финансово-экономические аспекты объединений коммерческих организаций в определенной мере освещались в современной литературе, то юридические вопросы деятельности холдингов до последнего времени оставались наименее исследованными.

Предпринимательские объединения, по сути, являются формализацией происходящих во всем мире интеграционных процессов. Они представляют собой организационно-правовое выражение экономических законов концентрации производства и капитала, экономии затрат и, как следствие, повышения рентабельности производства. Именно поэтому эта тема актуальна в настоящий момент, когда Россия в значительной степени присоединилась к мировому экономическому сообществу [22, с. 3].

В соответствии со сложившейся практикой холдингами называют любые конгломератные объединения коммерческих структур, в которых отношения между управляющей компанией и дочерними подразделениями регулируются не только и не столько правом собственности или мерой участия в уставном капитале, сколько посредством тех или иных форм договорных отношений, определяемых действующим законодательством.

Профессор И. С. Шиткина определяет холдинг как форму предпринимательского объединения, представляющую собой группу организаций (участников), основанную на отношениях экономической зависимости и контроля, участники которой, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности подчиняются одному из участников группы – холдинговой компании (головной организации), которая, будучи центром холдингового объединения, в силу владения преобладающими долями участия в уставном капитале, до-

говора или иных обстоятельств прямо или косвенно (через третьих лиц) оказывает определяющее влияние на принятие решений другими участниками группы [22, с. 50].

При широкой распространенности холдингов в современной предпринимательской практике их правовое обеспечение в значительной степени отстает от требований времени. Отечественное законодательство о предпринимательских объединениях характеризуется отсутствием системности, последовательности, единообразия понятийного аппарата.

Гражданский кодекс РФ непосредственно называет следующие возможные формы объединений: объединения юридических лиц в форме ассоциаций или союзов [1, ст. 123.8], общественные [1, ст. 123.4] и религиозные организации [1, ст. 123.26]. Сущность указанных организаций законодатель раскрывает через родовое понятие «объединение», уточняя специфические черты, характеризующие каждую форму. Так, ассоциацией или союзом признается объединение юридических лиц и/или граждан, основанное на добровольном или в установленных законом случаях на обязательном членстве и созданное для представления и защиты общих, в том числе профессиональных, интересов, для достижения общественно полезных целей, а также иных не противоречащих закону и имеющих некоммерческий характер целей. В организационно-правовой форме ассоциации или союза создаются, в частности, объединения лиц, имеющие целями координацию их предпринимательской деятельности, представление и защиту общих имущественных интересов, профессиональные объединения граждан, не имеющие целью защиту трудовых прав и интересов своих членов, профессиональные объединения граждан, не связанные с их участием в трудовых отношениях, саморегулируемые организации и их объединения.

Понятие «объединение» в действующем российском законодательстве отсутствует, и, таким образом, получается, что «легитимное» применение этой дефиниции возможно только по отношению к перечисленным формам объединений – некоммерческим организациям. Возникает вопрос: каким общим понятием можно обозначить формы интеграции в экономике, которые имеют приоритетной целью осуществление предпринимательской деятельности [22, с. 16].

Можно было бы именовать их группами, как предлагал доктор юридических наук, выдающийся ученый в области предпринимательского права М. И. Кулагин [14, с. 138], а также учитывая, что правовая категория «группа лиц» определяется в Федеральном законе «О защите конкуренции». Однако не все виды интеграции коммерческих организаций можно идентифицировать с группой.

К тому же понятие «группа лиц», сформированное в российском антимонопольном законодательстве, значительно шире, чем совокупность форм объединений предпринимателей. М. И. Кулагин отмечал, что для зарубежного законодательства характерно различное понимание группы, указывая на то, что в юридической литературе четко обозначилось два подхода к определению группы. В соответствии с первым группой следует считать юридически самостоятельные организации (единицы), связанные отношениями зависимости, а также проводящие единую хозяйственную политику. Сторонники второй точки зрения считают группой только такие организации, в которых один из участников обладает контролем над другими. Иначе говоря, между ними должны существовать отношения власти или субordi-

нации. При этом большинство норм, регулирующих деятельность групп в законодательстве западных стран, исходя из анализа, проведенного цитируемым автором, относится к группам, образованным на началах субординации [15, с. 51].

Таким образом, вследствие невозможности обозначить этим понятием все существующие формы интеграции наличием в российском антимонопольном законодательстве сходного, но далеко не идентичного понятия «группа лиц», использование его применительно к различным формам интеграции предпринимателей не будет верным.

Распространенным является подход, когда любые виды объединений организаций и граждан, скооперировавшихся для достижения общей цели и действующих под общим наименованием, именуют корпорациями или корпоративными объединениями [12, с. 205]. Так, например, В. Н. Петухов предлагает использовать термин «корпорация» как применительно к различным формам объединений промышленных предприятий, существовавшим в советский период [18, с. 4], так и к «сложным хозяйственным структурам, организованным по иерархическому принципу (таким, как холдинги, финансово-промышленные группы и т. п.) и основанным преимущественно на акционерной собственности».

Н. Н. Пахомова различает понятия «корпоративные объединения» и «корпорации». К числу корпоративных объединений она относит широкий круг субъектов, основанных на соглашениях о совместной деятельности (в том числе договорные и финансово-промышленные группы), отношениях общей долевой собственности, простые товарищества, хозяйственные товарищества, общества, кооперативы. Корпорациями указанный автор признает финансово-промышленные группы и юридические лица (хозяйственные товарищества, общества, кооперативы), то есть те корпоративные объединения, которые подлежат государственной регистрации [17, с. 71].

Ученые-экономисты Ю. Б. Винслав, В. Е. Дементьев, А. Ю. Мелентьев, Ю. В. Якутин, представляющие Международную академию корпоративного управления, в поисках определения различных форм интеграции выработали понятие «интегрированной корпоративной структуры» (ИКС), которую определяют как группу юридически или хозяйственно самостоятельных предприятий (организаций), ведущих совместную деятельность на основе консолидации активов или договорных (контрактных) отношений для достижения общих целей. К основным организационно-хозяйственным формам ИКС, существующим в мировой практике, они относят крупные компании, имеющие дивизиональную структуру, холдинговые компании, финансово-промышленные группы, консорциумы, контрактные группы, транснациональные корпорации [11, с. 28].

Профессор И. С. Шиткина определяет предпринимательское объединение как не обладающую статусом юридического лица совокупность экономически взаимосвязанных субъектов – организаций и (или) индивидуальных предпринимателей, совместно участвующих в осуществлении предпринимательской деятельности для достижения согласованных целей, которое может быть создано как на добровольной (договорной) основе, так и вследствие экономического контроля одного(их) участника(ов) над другими.

Данная позиция не получила однозначного признания в правовой науке. Так, В. С. Белых считает, что холдинг представляет собой совокупность взаимосвязан-

ных юридических лиц, а потому некорректно использовать в данном случае словосочетание «объединение юридических лиц». С позиции гражданского права понятие «объединение» обладает строго определенным юридическим содержанием. В целях предупреждения двусмысленности категориального аппарата и избежания расширения законодательно установленного значения отдельных терминов некоторые ученые предлагают именовать, например, холдинги не формой предпринимательского объединения, а «многосубъектными предпринимательскими образованиями» [10, с. 87].

Следует согласиться с мнением профессора И. С. Шиткиной, которая указывает на то, что при отсутствии в законодательстве однозначного определения категории «объединение» и использовании этого понятия в Гражданском кодексе РФ только применительно к некоммерческим организациям не исключена возможность введения доктринального понятия «предпринимательское объединение». Представляется, что дополнение термина «объединение» определением «предпринимательское» снимает высказанные сомнения в расширении законодательно установленного категориального аппарата. Таким образом, и понятие «многосубъектное предпринимательское образование» также не вполне корректно, поскольку понятие «образование» используется в законодательстве применительно к административно-территориальным субъектам – государственным и муниципальным образованиям.

К тому же понятие «объединение» в самом законодательстве используется не только по отношению к некоммерческим организациям, но и применительно к холдингам [7, ст. 4], а также к другим объединениям коммерческих организаций [5, п. 2 ст. 4].

Следовательно, под предпринимательскими объединениями следует понимать устойчивую форму интеграции, участники которой, оставаясь формально независимыми субъектами, осуществляют согласованную предпринимательскую деятельность в интересах объединения в целом [22, с. 26–27].

Будучи предпринимательским объединением, холдинг не обладает статусом юридического лица, то есть является неправосубъектным образованием. В. С. Белых считает, что холдинги не могут участвовать не только в гражданских правоотношениях, но и в иных (например, административных, налоговых). Это означает, что холдинги как форма предпринимательского объединения не обладают ни универсальной, ни специальной правоспособностью. Тогда возникает вопрос, обладают ли холдинги частичной правоспособностью [10, с. 86].

В соответствии со статьей 2 Гражданского кодекса РФ, участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются граждане и юридические лица. В регулируемых гражданским законодательством отношениях могут участвовать также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Холдинг же не является юридическим лицом, так как не обладает его правоспособностью, не имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленного имущества, а потому не отвечает признакам юридического лица, закрепленным в Гражданском кодексе РФ. В силу этого холдинг не может считаться участником гражданских правоотношений, то есть не является их субъектом [19, с. 11].

Правоспособностью наделены холдинговая компания, а также хозяйственные общества (товарищества), входящие в состав холдинга. Холдинговая компания – это

хозяйственное общество (основная, преобладающая компания), которое в силу преобладающего участия в уставном капитале иных хозяйственных обществ (участников холдинга) либо в соответствии с договором, либо иным образом имеет возможность прямо или косвенно (через третье лицо) определять решения, принимаемые хозяйственными обществами – участниками холдинга [1, ст. 67.3]. Как видно, Гражданский кодекс РФ в какой-то мере очерчивает юридические контуры холдинга [10, с. 87].

Тема нормативного регулирования холдингов активно обсуждалась с мая 1999 года по июнь 2002 года. В результате этого обсуждения появился проект Федерального закона «О холдингах» (Проект № 99049555-2), который был принят Государственной думой в окончательной редакции 01 декабря 1999 года и одобрен Советом Федерации РФ 07 июля 2000 года. Однако уже 20 июля 2000 года указанный проект был отклонен Президентом РФ со следующим комментарием: «При разработке Федерального закона четко не была определена экономическая и юридическая цель создания и регламентации деятельности такого образования как холдинг, в результате чего закон содержит большое количество неясных положений, применение которых затруднено. Кроме того, отдельные положения Федерального закона противоречат Гражданскому кодексу Российской Федерации и иным федеральным законам» (Письмо Президента РФ от 20 июля 2000 года № Пр-1504). Предложения Президента РФ были учтены, и 27 июня 2001 года проект Федерального закона был принят Государственной Думой РФ с учетом предложений Президента РФ.

Нормами проекта Федерального закона «О холдингах» предлагалось нормативное определение холдинга как совокупности «двух и более юридических лиц (участников холдинга), связанных между собой отношениями (холдинговыми отношениями) по управлению одним из участников (головной компанией) деятельностью других участников холдинга на основе права головной компании определять принимаемые ими решения».

В части корпоративного регулирования холдингов гражданско-правовые основы создания и деятельности содержатся в статье 67.3 Гражданского Кодекса Российской Федерации, которая определяет понятия основного хозяйственного общества и дочернего хозяйственного общества.

Законодательство об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью также содержит общие положения о дочерних и зависимых обществах, однако прямо не регулирует порядок создания и деятельность холдингов.

Согласно указанным нормам, хозяйственное общество признается дочерним, если другое (основное) хозяйственное товарищество или общество в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом [2, 3, ст. 6].

Основой образования холдингов с участием государства или муниципальных образований является Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества», регулирующий внесение государственного или муниципального имущества в качестве вклада в уставные капиталы открытых акционерных обществ [4, ст. 25].

В рамках Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» холдингу и

группе лиц предоставляется право осуществлять капитальные вложения. Согласно указанному закону, инвесторами могут быть объединения юридических лиц, создаваемые на основе договора о совместной деятельности и не имеющие статуса юридического лица [5, ст. 4].

Налоговое законодательство Российской Федерации также не оперирует понятием «холдинг», но регулирует деятельность «взаимозависимых лиц». Согласно статье 20 Налогового кодекса Российской Федерации, взаимозависимыми лицами для целей налогообложения признаются в том числе организации, отношения между которыми могут оказывать влияние на условия или экономические результаты их деятельности или деятельности представляемых ими лиц, а именно когда одна организация непосредственно и (или) косвенно участвует в другой организации и суммарная доля такого участия составляет более 20 процентов. 18 июля 2011 года в Налоговый кодекс был введен раздел, полностью посвященный взаимозависимым лицам.

Антимонопольным законодательством холдинг и группа компаний рассматривается как группа лиц. Федеральный закон «О защите конкуренции» определяет понятие группы лиц в том числе как хозяйственное общество (товарищество, хозяйственное партнерство) и юридическое лицо, если такое юридическое лицо имеет в силу своего участия в этом хозяйственном обществе (товариществе, хозяйственном партнерстве) либо в соответствии с полномочиями, полученными, в том числе на основании письменного соглашения, от других лиц, более чем пятьдесят процентов общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале этого хозяйственного общества (товарищества, хозяйственного партнерства). При этом группа лиц рассматривается как самостоятельный и единый хозяйствующий субъект [6, ст. 9].

Попытка урегулирования деятельности холдингов и групп компаний была сделана и на уровне СНГ. 17 февраля 1996 года Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ было принято Постановление № 707 «О рекомендательном законодательном акте «О финансово-промышленных группах». Этот акт явился своего рода предложением государствам применения единообразного подхода к определению и регулированию деятельности холдингов и групп компаний. При этом, согласно указанному рекомендательному акту, финансово-промышленной группой является группа юридических лиц, объединивших полностью или частично свои материальные и нематериальные активы на основе договора о создании финансово-промышленной группы для интеграции технологически и (или) организационно связанных организаций в целях реализации инвестиционных проектов и программ, направленных на повышение конкурентоспособности продукции.

На основании вышеуказанного целесообразен вывод о том, что в настоящий момент в российском законодательстве отсутствует единообразное понимание понятия «холдинг» и, соответственно, единое систематизированное регулирование данной сферы предпринимательской деятельности. При таких обстоятельствах большое значение имеет локальное нормотворчество самих холдингов и групп компаний, направленное на создание единого предпринимательского объединения и регламентацию внутренних и внешних отношений указанных объединений [13, с. 20–21].

Отсутствие специального нормативно-правового акта порождает правовые и управленческие проблемы организации и деятельности холдинговых компаний, не позволяет четко определить организационную форму предпринимательства, максимально извлечь из нее возможные преимущества и избежать ответственности за нарушение требований действующего законодательства, установленных применительно к холдинговым образованиям.

Основной причиной появления холдингов как формы объединения субъектов предпринимательской деятельности является объективное стремление получения большей доходности при меньших затратах, что позволяет осуществить холдинговая система управления. Обзор эволюции холдинговых компаний в странах с развитой экономикой показывает, что интегрированные структуры сформировались повсеместно, несмотря на существенные региональные различия в условиях хозяйствования и мотиваций к объединению. Крупные интегрированные структуры играют весьма значительную роль в экономиках развитых стран, в том числе в США, Японии, Германии и Швейцарии. Они контролируют более 1/3 промышленного производства своих стран, более 1/2 внешней торговли, более 3/4 патентов и лицензий на высокие технологии и «ноу-хау» [21, с. 7].

Основополагающим признаком холдингового объединения является наличие контроля одного участника над другими. Экономическим преобладанием, исходя из действующего законодательства, следует признавать возможность одного хозяйствующего субъекта определять решения другого.

Действительно, экономической предпосылкой контроля является прежде всего наличие контрольного пакета акций (долей участия). При этом основанием для установления контроля с точки зрения российского законодательства может стать не только преобладающее участие основного общества в уставном капитале дочернего, но и наличие договора или иных обстоятельств, позволяющих основному обществу (головной организации) определять решения дочернего [22, с. 32].

Н. Я. Куценко отмечает, что понятие контроля не является простым и не исчерпывается концентрацией акций в одних руках одной или нескольких компаний. Контролировать деятельность фирмы – это значит определять ее стратегию, политику, выбор долгосрочных целей и программ, иметь решающее влияние или власть [16, с. 25]. Конечно, преимущественным основанием и способом осуществления экономической власти является обладание контрольной долей участия в уставном капитале. Это основание отличается своим постоянством и универсальностью, поскольку распространяется на все сферы руководства деятельностью дочернего общества.

Российское законодательство о холдингах находится в стадии своего формирования, многие понятия эволюционируют, получают свое развитие в правоприменительной практике. Холдинги в России – еще молодое явление в сравнении с мировой практикой, где опыт исчисляется более чем вековой историей. Поэтому несовершенство законодательства о холдингах объяснимо, но такое положение дел не может существовать сколько-нибудь значительное время.

В условиях стремительной интеграции России в мировое сообщество для обеспечения развития отечественного предпринимательства, защиты публичных интересов государства, всех участников гражданского оборота, включая не только сами интегрированные структуры, но также и акционеров, кредиторов экономически за-

висимых участников объединения, необходимо должно правовое регулирование холдингов и концептуальное осмысление этого правового и экономического явления в научной доктрине.

Структуру классического холдинга в качестве обязательных элементов составляют две группы участников:

- основное хозяйственное общество (акционерное, с ограниченной ответственностью) или товарищество (полное, на вере);
- дочернее хозяйственное общество (акционерное, с ограниченной ответственностью).

Основное общество или товарищество и дочерние общества не являются особыми организационно-правовыми формами предпринимательской деятельности, они используются для обозначения характера отношений экономической зависимости между двумя юридическими лицами. В этой связи представляется не вполне удачным расположение ст. 67.3 в § 2 гл. 4 Гражданского кодекса РФ, которые как бы включаются в перечень видов хозяйственных обществ и товариществ.

Дочерним может быть только хозяйственное общество. Запрет на возможность быть дочерним хозяйственному товариществу вытекает из самой сущности данной организационно-правовой формы предпринимательской деятельности, представляющей собой объединение лиц, а не объединение капиталов. Согласно законодательству, коммерческая организация или индивидуальный предприниматель может быть участником только одного товарищества, поскольку участник товарищества, как правило, должен принимать личное участие в его деятельности, а самое главное – полный товарищ несет неограниченную имущественную ответственность по долгам товарищества. Перечисленные особенности, характеризующие правовой статус хозяйственного товарищества, сделали невозможным его участие в предпринимательском объединении холдингового типа в качестве подчиненной дочерней структуры.

Организацию, которая стоит во главе холдинга, определяя условия ведения предпринимательской деятельности других участников, законодатель именует или основным обществом (в Гражданском кодексе РФ), или головной организацией (в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности»). В научной доктрине ее именуют также холдинговая компания в узком значении этого слова.

На выбор организационно-правовых форм участников холдинга влияют различные обстоятельства, в том числе особенности правового статуса, присущие той или иной организационно-правовой форме, масштаб, профиль бизнеса, сложившиеся традиции корпоративного управления и пр.

В России наиболее распространены холдинги, во главе которых находится акционерное общество. Данный факт обусловлен, прежде всего, особенностями российской приватизации, когда крупные государственные предприятия и объединения преобразовались в публичные акционерные общества. Организационно-правовая форма акционерного общества, наиболее ярко представляющая объединение капиталов, действительно имеет ряд преимуществ перед другими. К числу таких преимуществ можно отнести: возможность привлечения инвесторов путем выпуска и размещения акций, право акционеров на свободное отчуждение акций (за исключением установленного в непубличном акционерном обществе ограничения, связанного с реализацией преимущественного права приобретения акций), стабильность имущественной базы, выражающуюся в отсутствии возможности «выхода» акцио-

нера из общества с выплатой ему самим обществом стоимости принадлежащих ему акций. Форма акционерного общества в качестве основного общества холдинга имеет и отдельные недостатки, в основном характерные для публичного общества, обязанного осуществлять публичную деятельность.

Рассматривая организационно-правовую форму общества с ограниченной ответственностью, следует выделить следующие преимущества, которые выражаются прежде всего в обеспечении большей степени конфиденциальности контроля, в отсутствии проблем, связанных с регистрацией выпуска и размещением акций. Однако эти достоинства могут быть нивелированы уже только одним обстоятельством, что участник общества может в любой момент выйти из общества без согласия других участников, что повлечет за собой императивную обязанность общества с ограниченной ответственностью выплатить этому участнику действительную стоимость его доли, определяемую на основании данных бухгалтерской отчетности, или выдать ему в натуре имущество той же стоимости. То есть основное общество в форме общества с ограниченной ответственностью может не обеспечить стабильности холдингового объединения. Теоретически имеется возможность существования основного общества в форме товарищества (полного, на вере), но на практике такой подход не распространен.

На выбор организационно-правовых форм дочерних обществ существенное влияние будет оказывать наличие помимо основного общества также других акционеров или участников. В случае если мы имеем дело с дочерним обществом, 100 % уставного капитала которого принадлежит основному («компания одного лица»), то, очевидно, для этого общества будет оптимальна организационно-правовая форма общества с ограниченной ответственностью: она сохранит все достоинства этой формы.

Таким образом, холдинг представляет собой предпринимательское объединение, характеризующееся наличием устойчивых внутренних отношений субординации и контроля между головной организацией и другими участниками холдинга.

Холдинги, согласно действующему законодательству, не подлежат государственной регистрации, следовательно, и возможность прекращения статуса холдинга также не предусмотрена. Законодательство не содержит требований к основному или дочернему хозяйственным обществам о необходимости указывать в уставе свою принадлежность к холдингу; участники холдинга могут сделать это по своему усмотрению, исходя из диспозитивных норм о возможности включения в устав любых положений, не противоречащих федеральным законам.

Следует заметить, что присвоение группе компаний статуса холдинга и распространение на него специального правового режима более, чем для самих участников объединения, было бы важно для государства, партнеров по бизнесу, работников и других лиц, вступающих с ними во взаимоотношения. Этим лицам не безразлично, кто определяет волю юридического лица, с которым они имеют соответственно публичные, обязательственные или трудовые отношения.

В проекте Федерального закона № 99049555-2 «О холдингах» была предусмотрена государственная регистрация холдингов, приобретающих статус консолидированной группы налогоплательщиков. Порядок регистрации должен был быть установлен Правительством РФ. Законопроект устанавливал для любых холдингов, за исключением возникших в силу договора, что головная компания и участник

холдинга приобретают права и обязанности, вытекающие из холдинговых отношений с момента государственной регистрации соответствующих изменений в уставе участника холдинга. Если в течение шести месяцев с момента приобретения головной компанией преобладающего участия в уставном капитале участника холдинга не внесена запись в устав участника холдинга, холдинг, согласно законопроекту, считался созданным без данного участника (что это означает, законопроект не пояснял) [22, с. 96].

Таким образом, правовое регулирование холдингов, осуществляемое преимущественно в рамках гражданского законодательства путем определения категорий основного и дочерних хозяйственных обществ (ст. 67.3 Гражданского кодекса РФ, ст. 6 Федерального закона «Об акционерных обществах», ст. 6 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»), является недостаточным чтобы удовлетворить потребности динамично развивающихся предпринимательских отношений и гарантировать сбалансированную защиту интересов, затрагиваемых отношениями межкорпоративной зависимости.

В современном отечественном законодательстве, регламентирующем деятельность холдингов, частично сложился правовой вакуум, так как Временное положение уже не в полной мере соответствует предпринимательским реалиям современной России, а Федеральный закон «О холдингах» так и не был принят.

Однако даже при отсутствии комплексной правовой регламентации холдинговые компании продолжают функционировать, доказывая тем самым свою жизнеспособность и эффективность.

В российской экономике холдинги стали одной из самых распространенных и перспективных организационных структур во многих сферах экономической деятельности, и поэтому их роль и значение будут постоянно возрастать. Создание холдинговых компаний позволяют предприятиям малого и среднего бизнеса расширить свою деятельность, развить деловые связи, добиться налоговых и кредитных преимуществ. Для крупных компаний образование холдингов позволяет существенно увеличить свою экономическую «массу», укрепить инвестиционный потенциал, поднять рентабельность и технологический уровень производства. Дочерние компании обеспечивают проведение внутрифирменных операций. Благодаря им достигается снижение финансовых затрат и налоговых платежей. Общая производственно-технологическая, инвестиционная и сбытовая политика создает преимущества в конкурентной борьбе и способствует успешному освоению внутренних и внешних рынков.

К тому же создание дочерних обществ может быть направлено на рационализацию управления, поскольку в результате снимается часть функций с персонала материнской компании. Ее руководство освобождается от управления текущими «рутинными» операциями по управлению бизнесом. Оно может сосредоточиться на главном – стратегии развития фирмы, кадровой работе и планировании распределения ресурсов компании. Это не означает, что материнская компания отказывается от контроля за дочерними обществами, управление ими она реализует через соответствующие инструменты.

Корпоративные схемы с участием дочерних фирм позволяют:

- перераспределять издержки и доходы между компаниями холдинга;
- создавать «вспомогательные» центры прибыли;

- переводить доходы через компании, зарегистрированные в льготных регионах;
- оптимизировать внутрифирменное финансирование и обеспечить привлечение внешних источников финансовых ресурсов;
- координировать инвестиции и консолидировать финансовый потенциал холдинга, координировать фондовые операции [20, с. 37–38].

В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 99049555-2 «О холдингах» указывается, что создание холдингов позволит ликвидировать последствия деструктуризации, ставшей результатом проведенной в стране приватизации [9]. Холдинги могут объединить все звенья технологической цепочки, например, от добычи сырья до производства и выпуска изделий.

Такая интеграция, соединяющая различные элементы производства, позволяет:

- оптимизировать использование производственных мощностей и товарно-сырьевых потоков;
- свести к минимуму издержки, а также коммерческие, финансовые и прочие риски;
- облегчить процесс привлечения ресурсов;
- обеспечить возможность для оперативного перераспределения ресурсов и средств;
- создать наилучшие условия для стратегического планирования и развития производства;
- укрепить устойчивость по отношению к неблагоприятным изменениям конъюнктуры (сырье идет не на биржу и оптовый рынок, а используется в рамках холдинга);
- повысить эффективность инвестиционных процессов, улучшить финансово-экономическое состояние предприятий.

Кроме того, оптимизация налоговых платежей на предприятиях, составляющих единую технологическую цепочку, в конечном счете позволяет значительно повысить рентабельность и увеличить прибыль, что способствует увеличению налогооблагаемой базы [20, с. 40].

Поддержка создания холдингов содействует реализации интересов государства по загрузке предприятий национальной промышленности, причем не только профильных отраслей, но и обеспечивающих (энергетика, транспорт, строительство), и тем самым повышает уровень занятости и укрепляет социальную стабильность [21, с. 10].

Определяя правовой статус холдинга, следует отметить, что холдинг – это предпринимательское объединение, структурно состоящее из холдинговой компании (головной организации) и дочерних компаний, основанное на отношениях экономической зависимости и контроля, участники которого, сохраняя формальную юридическую самостоятельность, в своей предпринимательской деятельности подчиняются одной холдинговой компании, которая, будучи центром объединения, в силу владения преобладающими долями участия в уставном капитале, договора или иных обстоятельств прямо или косвенно (через третьих лиц) оказывает определяющее влияние на принятие решений другими участниками группы.

Целесообразным является принятие комплексного нормативно-правового акта, регламентирующего создание, функционирование и прекращение холдингов, что

станет основой устойчивого и стабильного регулирования этого сложного предпринимательского объединения. Специальное регулирование позволит обеспечить прозрачность деятельности холдингов и эффективность государственного контроля за его работой, что очень важно, поскольку холдинговые компании имеют ряд неоспоримых преимуществ, среди которых высокая конкурентоспособность, самодостаточная вертикально интегрированная система организации производства от добычи сырья до выпуска готовой продукции, мобильное управление ликвидностью, сокращение издержек и эффективность финансового и налогового планирования.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994г. №51-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) // СЗ РФ.–1994. – №32. – ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 29.12.2015) // СЗ РФ.–1996. – № 1. – ст. 1.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 29.12.2015) // СЗ РФ.–1998. – № 7. – ст. 785.
4. Федеральный закон от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (в ред. от 29.12.2015) // СЗ РФ. – 2002. – № 4. – ст. 251.
5. Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (в ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ.–1999. – № 9. – ст. 1096.
6. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 05.10.2015) // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – ст. 3434.
7. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 29.12.2015) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ.–1996. – № 6. – ст. 492.
8. Указ Президента РФ от 16.11.1992 №1392 «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» (ред. от 26.03.2003, с изм. от 30.06.2012) // Собрание актов Президента и Правительства РФ.–1992. – № 21. – ст. 1731.
9. Проект Федерального закона №99049555-2 «О холдингах» (внесен депутатами ГД В. К. Гусевым, А. И. Лукьяновым, А. Г. Пузановским, Н. Н. Савельевым) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант – Плюс: [Сайт информационно-правовой компании]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru>, свободный.
10. Белых В., Берсункаев Г. Холдинги и холдинговое законодательство в России // Бизнес, менеджмент, право. 2007. – № 1. – С. 86–89.
11. Винслав Ю., Дементьев В., Мелентьев А., Якутин Ю. Развитие интегрированных корпоративных структур в России // Российский экономический журнал. 1998. – № 11–12. – С. 27–41.
12. Кашанина Т. В. Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ: Учебник для вузов. – М.: Инфра-М-НОРМА, 1999. – 815 с.
13. Койнаш У. В. Законодательное регулирование холдингов и групп компаний // Вестник Палаты адвокатов «Нижегородский адвокат». 2013. – № 6. – С. 20–22.
14. Кулагин М. И. Избранные труды. – М: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1997. – 330 с.
15. Кулагин М. И. Предпринимательство и право: опыт Запада. – Москва: Дело, 1992. – 144 с.
16. Куценко Н. Я. Холдинговые компании в рыночной экономике. – М.: Ин-т науч. информ. по обществ. наукам Рос. акад. наук, 1994. – 356 с.
17. Пахомова Н. Н. Социальное значение корпораций // Законодательство. 2004. – № 11. – С. 71–74.
18. Петухов В. Н. Корпорации в российской промышленности: законодательство и практика. Научно-практическое пособие. – М.: Городец, 1999. – 208 с.
19. Портной К. Я. Правовое положение холдингов в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03: Москва, 2003.–197 с.
20. Сулакшин С. С., Буянова Е. Э., Кулаков В. В., Михайлов Н. И., Сазонова Е. С. Правовая модель холдинга для России. – М.: Научный эксперт, 2012. – 280 с.

21. Шепелев С. Б. Формирование и развитие корпоративных структур холдингового типа в условиях структурной перестройки промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: Москва, 2004. – 26 с.
22. Шиткина И. С. Холдинг: правовое регулирование и корпоративное управление: Научно-практ. издание: Учеб. пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 648 с.

Bekirova E.E., Alieva Z.G. Legal status of holdings in the Russian Federation: development prospects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 135 – 148.

The article concentrates on the study of the legal status of holding companies in Russian Federation and the prospects of development of this form business and corporation activity. Leading scientists and lawyers' opinions on legal status of holding companies are analyzed.

Thus a viewpoint according to which holding is a union that constitutes a group of organizations (participants), formed on relationship of economical dependence and control, which participants, though retaining formal legal independence, in their business activity subject one of the group member is considered. There is an opinion according to which a holding is a group of interrelated legal entities.

A conclusion is made that a holding is a corporate group which structurally consists of a parent holding company (a main organization) and subsidiaries, their relationships are based on economic dependence and control, its participants retain formal legal independence in their business activities and at the same time they submit to a holding company that expressly or by implication (by means of the third person) controls making decisions of the other members of the group because of keeping majority shares, agreement or other circumstances. Absence of any special legal regulation that defines legal status of holdings causes law and management problems in organizing and operation of holding companies. It is appropriate to adopt a special legal regulation that defines organizing, functioning and termination of holding companies. The special legal regulation can provide constant regulation of this difficult business union.

Key words: holding; business union; economic dependence; group of people; control; subsidiaries; a holding company; a parent holding company.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast 1 ot 30 noyabrya 1994g. №51-FZ (v red. ot 30.12.2015) // SZ RF.–1994. – №32. – st. 3301.
2. Federalnyiy zakon ot 26.12.1995 g. № 208-FZ «Ob aktsionernyih obschestvah» (v red. ot 29.12.2015) // SZ RF.–1996. – №1. – st. 1.
3. Federalnyiy zakon ot 08.02.1998 g. № 14-FZ «Ob obschestvah s ogranichennoy otvetstvennostyu» (v red. ot 29.12.2015) // SZ RF.–1998. – №7. – st. 785.
4. Federalnyiy zakon ot 21.12.2001 g. №178-FZ «O privatizatsii gosudarstvennogo i munitsipalnogo imushchestva» (v red. ot 29.12.2015) // SZ RF. – 2002. – №4. – st. 251.
5. Federalnyiy zakon ot 25.02.1999 g. № 39-FZ «Ob investitsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii, osushchestvlyаемой в форме kapitalnyih vlozheniy» (v red. ot 28.12.2013) // SZ RF.–1999. – №9. – st. 1096.
6. Federalnyiy zakon ot 26.07.2006 g. № 135-FZ «O zaschite konkurentsii» (v red. ot 05.10.2015) // SZ RF. – 2006. – №31. – st. 3434.
7. Federalnyiy zakon ot 02.12.1990 N 395-1 (red. ot 29.12.2015) «O bankah i bankovskoy deyatel'nosti» // SZ RF.–1996. – №6. – st. 492.
8. Ukaz Prezidenta RF ot 16.11.1992 №1392 «O merah po realizatsii promyshlennoy politiki pri privatizatsii gosudarstvennyih predpriyatiy» (red. ot 26.03.2003, s izm. ot 30.06.2012) // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitelstva RF.–1992. – №21. – st. 1731.
9. Proekt Federalnogo zakona №99049555-2 «O holdingah» (vnesen deputatami GD V. K. Gusevim, A. I. Lukyanovym, A. G. Puzanovskim, N. N. Savelevym) [Elektronnyiy resurs] // Spravochnaya pravovaya sistema Konsultant Plyus: [Sayt informatsionno-pravovoy kompanii]. — Rezhim dostupa: <http://base.consultant.ru, svobodnyiy>.
10. Belyih V., Bersunkaev G. Holdingi i holdingovoe zakonodatel'stvo v Rossii // Biznes, menedzhment, pravo. 2007. – № 1. – S. 86-89.

11. Vinslav Yu., Dementev V., Melentev A., Yakutin Yu. Razvitie integrirovannykh korporativnykh struktur v Rossii // Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal. – 1998. – № 11–12. – S. 27 – 41.
12. Kashanina T.V. Korporativnoe pravo. Pravo hozyaystvennykh tovarishestv i obshchestv: Uchebnik dlya vuzov. – M.: Infra-M-NORMA, 1999. – 815 s.
13. Koynash U.V. Zakonodatelnoe regulirovaniye holdingov i grupp kompaniy // Vestnik Palaty advokатов «Nizhegorodskiy advokat». – 2013. – № 6. – S. 20 – 22.
14. Kulagin M. I. Izbrannyye trudy. – M: Statut (v serii «Klassika rossiyskoy tsivilistiki»), 1997. – 330 s.
15. Kulagin M. I. Predprinimatelstvo i pravo: opyt Zapada. – Moskva: Delo, 1992. – 144 s.
16. Kutsenko N.Ya. Holdingovyye kompanii v ryinochnoy ekonomike. – M.: In-t nauch. inform. po obshchestv. naukam Ros. akad. nauk, 1994. – 356 s.
17. Pahomova N. N. Sotsialnoye znachenie korporatsiy // Zakonodatelstvo. 2004. – №11. – S. 71 – 74.
18. Petuhov V. N. Korporatsii v rossiyskoy promyshlennosti: zakonodatelstvo i praktika. Nauchno-prakticheskoye posobie. – M.: Gorodets, 1999. – 208 s.
19. Portnoy K. Ya. Pravovoye polozheniye holdingov v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03: Moskva, 2003.–197 s.
20. Sulakshin S. S., Buyanova E. E., Kulakov V. V., Mihaylov N. I., Sazonova E. S. Pravovaya model hold-inga dlya Rossii. – M.: Nauchnyy ekspert, 2012. – 280 s.
21. Shepelev S. B. Formirovaniye i razvitie korporativnykh struktur holdingovogo tipa v usloviyakh strukturnoy perestroyki promyshlennosti: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05: Moskva, 2004. – 26 s.
22. Shitkina I. S. Holdingi: pravovoye regulirovaniye i korporativnoye upravleniye: Nauchno-prakt. izdaniye: Ucheb. posobie. – M.: Volters Kluver, 2008. – 648 s.

УДК 342.951:351.82

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Евсикова Е. В., Геращенко А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье раскрывается сущность и взаимоотношений категорий «предупреждение правонарушений» и «профилактика правонарушений», а также на основе проведенного анализа авторами предлагается собственное понятие «предупреждение административных правонарушений в Республике Крым». Кроме того, в статье проводится анализ административно-деликтной ситуации в Республике Крым и эффективность применения административно-деликтного законодательства Республики Крым на практике. Также авторы проводят собственную классификацию субъектов предупреждения административных правонарушений в Республике Крым и приходят к выводу, что одним из основных субъектов предупреждения административных правонарушений в Республике Крым являются органы внутренних дел и прежде всего – полиция.

Ключевые слова: предупреждение административных правонарушений в Республике Крым; профилактика административных правонарушений в Республике Крым; административно-деликтное законодательство; субъекты предупреждения административных правонарушений в Республике Крым; полиция.

Социально-экономические и политико-правовые преобразования, произошедшие за последние два года в Республике Крым, выдвигают перед крымскими законодателями ряд существенных проблем, требующих своевременного и обоснованного с научной точки зрения разрешения. Среди них важное место занимали разработка и принятие закона Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» [1] с целью установления административной ответственности по вопросам, не отнесенным Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2] к ведению Российской Федерации и требующих законодательного урегулирования на уровне субъектов Российской Федерации, в том числе за нарушение норм и правил, предусмотренных законами и иными нормативно-правовыми актами Республики Крым, нормативно-правовыми актами органов местного самоуправления муниципальных образований, а также определение органов и должностных лиц, уполномоченных на составление протоколов и рассмотрение административных правонарушений, предупреждение административных правонарушений в Республике Крым.

В то же время, следует отметить важность не просто принятия самого закона, предусматривающего административную ответственность за нарушение прав и свобод человека и гражданина, охраны здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, права собственности, а также предупреждение совершения административных

правонарушений и преступлений на территории нового субъекта в Российской Федерации в течение так называемого «переходного периода» и в условиях интеграции Республики Крым в правовую систему Российской Федерации, поскольку увеличение количества населения Республики Крым (в основном за счет отдыхающих – в курортный период, а также за счет иностранных граждан и беженцев из Украины) приводит к обострению административно-деликтной ситуации в Республике Крым из-за значительного увеличения количества совершаемых правонарушений.

Значительный вклад в исследование указанной проблематики внесли работы С. С. Алексеева, В. К. Бабаева, В. М. Баранова, Ю. И. Гревцова, О. С. Иоффе, О. Е. Кутафина, В. П. Протасова, М. С. Строговича, В. Н. Синюкова, Ю. Г. Ткаченко, Ю. К. Толстова, В. А. Туманова, Р. О. Халфиной, М. Д. Шаргородского и многих других.

Целью исследования является выявление правовых основ деятельности по предупреждению правонарушений в Республике Крым, а также определение роли и места полиции в системе государственных органов, осуществляющих указанную функцию.

Среди элементов системы борьбы с правонарушениями их предупреждение занимает особое место. При этом оно считается исторически сложившимся явлением, то есть в тех или иных формах присуще любому государству на всех этапах его развития. Для обеспечения эффективности данной деятельности в настоящем и будущем нужно иметь всестороннее представление о процессе ее возникновения и развития. Проведение ретроспективных исследований деятельности государственных органов и общественных учреждений по предупреждению правонарушений необходимо также в целях выявления объективных характеристик этой деятельности (ее сущности, форм, методов, правовых и организационных основ, позитивных моментов и проблем), которые послужили бы политико-правовым обоснованием проводимых в государстве реформ.

Современные исследователи указывают, что под предупреждением правонарушений понимается основанная на нормативных правовых актах деятельность государственных органов, а также – под их контролем и надзором – общественных учреждений, направленная на выявление причин и условий правонарушений, и создание условий, в которых подданные путем правомерного поведения могут удовлетворять свои материальные и духовно-нравственные потребности с учетом их социального положения [3, с. 8].

Р. Б. Границкий исследует административно-правовые средства предупреждения правонарушений в общественных местах, под которыми понимает применение государством (в лице государственных органов и должностных лиц и лишь в указанных законом случаях – общественными организациями) средств, направленных, прежде всего, на регулирование (изменение) поведения лиц, совершающих правонарушения в общественных местах, с целью прекращения их противоправного поведения и обеспечения условий для привлечения таких лиц к административной ответственности, а также являющихся способами воздействия на деятельность органов государственного управления (их должностных лиц) и общественных организаций, осуществляющих деятельность по предупреждению правонарушений в общественных местах [4, с. 9].

М. Н. Бурак отмечает, что под причиной административного правонарушения следует понимать конкретное явление или совокупность таких явлений, которые в силу своих обстоятельств порождают совершение противоправного проступка, а под условием административного правонарушения следует понимать комплекс действий, которые непосредственно не порождают противоправное действие, но сопутствуют причинам и обеспечивают последним развитие. Также он отмечает, что ад-

министративно-правовые средства предупреждения правонарушений в сфере потребительского рынка – это закрепленные в КоАП РФ и иных нормативно-правовых актах и применяемые государством (в лице органов и должностных лиц) методы воздействия, направленные, прежде всего, на регулирование (изменение) поведения лиц, допускающих противоправные действия в указанной сфере, с целью выявления причин и условий, а также обеспечения его предупреждения и устранения. Кроме того, они являются способами воздействия на деятельность органов государственного управления (их должностных лиц), осуществляющих предупреждение правонарушений в сфере потребительского рынка. Такое правовое воздействие необходимо для регламентации, упорядочения их деятельности, обеспечения ее законности и эффективности [5, с. 14–15].

Н. В. Жариков исследует меры административного предупреждения, применяемые полицией в сфере оборота радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств (далее – РЭС и ВУ), под которыми понимает разновидность мер административно-правового принуждения, применяемых сотрудниками полиции в пределах своей компетенции по отношению к физическим и юридическим лицам и их имуществу, в целях предотвращения противоправных деяний, нарушающих требования нормативных правовых актов, регулирующих оборот РЭС и ВУ на территории Российской Федерации, обеспечения электромагнитной совместимости РЭС и ВУ, а также эксплуатационной готовности радиочастотного спектра для нужд государственного управления, в первую очередь, в сферах президентской и правительственной связи, обороны страны, безопасности Государства, обеспечения правопорядка, социальной сферы и экономики [6, с.10].

А. В. Равнюшкин под административно-правовыми средствами предупреждения и пресечения органами внутренних дел (полицией) правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений понимает систему административно-правовых норм и административных процедур (действий), реализуемых уполномоченными субъектами и оказывающих регулирующее воздействие на поведение граждан в сфере семейно-бытовых отношений с целью недопущения вредных его последствий и включающих в себя различные методы и способы правового регулирования [7, с.11].

Таким образом, исходя из всей совокупности идей и воззрений, под предупреждением правонарушений понимается основанная на нормативных правовых актах деятельность государственных органов, а также под их контролем и надзором общественных учреждений, направленная на выявление причин и условий правонарушений, и создание условий, в которых подданные путем правомерного поведения могут удовлетворять свои материальные и духовно-нравственные потребности с учетом их социального положения [8, с. 516–517].

Анализ современного состояния изучения указанной проблемы показывает, что в научной литературе для обозначения деятельности, направленной на выявление и дальнейшую работу с причинами и условиями совершения административных правонарушений используются такие понятия как «профилактика», «предупреждение», «предотвращение», «противодействие», «борьба», «пресечение», «превенция» и т. д.

В то же время, если одни авторы используют указанные понятия в качестве синонимов, то другие признают их взаимозаменяемыми, а третьи вообще разделяют их, выделяя особенности каждого.

Так, термин «борьба» употребляется для обозначения тех усилий, которые необходимо приложить при столкновении полярных интересов, подразумевающих деятельное противостояние и направленных скорее на прекращение уже совершающегося действия, чем на его предупреждение [9].

Однако некоторые авторы предлагают считать понятие «борьба с правонарушениями» наиболее широким, поскольку им охватывается вся работа органов испол-

нительной власти и общественности, направленная на охрану интересов общества и граждан от преступных посягательств: начиная от разработки законодательства и его применения и кончая закреплением результатов исправления и перевоспитания лиц, совершивших правонарушения, в том числе и выявление, и устранение причин и условий правонарушений. А термин «предупреждение правонарушений» предлагается рассматривать как более узкое понятие, которое входит в понятие «борьба с правонарушениями» и подчиняется его задачам. В свою очередь, предупреждение правонарушений входит в систему предупреждения как один из видов предупредительной деятельности т. е., целое (общее) – это предупреждение, а часть (особенное) – предупреждение правонарушений [10, с. 14].

Кроме того, под «противодействием» понимается действие, препятствующее другому действию, или сопротивление. Причем применение отрицательных обратных связей на какое-либо действие предполагает комплекс мер, включающий в себя и предупредительную деятельность [9].

В то же время, анализ действующего законодательства Российской Федерации показывает, что законодатель при урегулировании отношений по предупреждению правонарушений применяет термин «профилактика».

Так, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» на законодательном уровне закрепляет понятие «профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» как систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении [11, ст. 1].

Также проект Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», опубликованный 16 августа 2011 г. на интернет-портале «Российской Газеты», применяет термин «профилактика правонарушений», под которым понимается система мер социального, правового, воспитательного и иного характера, направленных на нейтрализацию или устранение причин и условий совершения правонарушений, заключающихся в целенаправленном, предупредительном воздействии на лиц с антиобщественным поведением, как в их собственных интересах, так и в интересах общества, а также направленных на снижение у лиц риска стать жертвами преступных посягательств. В то же время, под системой профилактики правонарушений указанный законопроект понимает совокупность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений и граждан, принимающих участие в профилактике правонарушений в соответствии с законодательством Российской Федерации [12].

Изучая зарубежный опыт, следует отметить, что законодатели соседних государств тоже применяют термин «профилактика правонарушений», закрепленный в соответствующих законодательных актах.

Так, Закон Республики Беларусь от 04 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», который вступил в силу 16 апреля 2014 г., закрепляет термин «профилактика правонарушений» и делит ее на общую и индивидуальную [13].

Кроме того, в законе Республике Казахстан «О профилактике правонарушений» применяется термин «профилактика правонарушений» как комплекс правовых, экономических, социальных и организационных мер, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений, направленных на сохранение и укрепление право-

порядка путем выявления, изучения, устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений. Субъектами профилактики правонарушений признаются государственные органы, органы местного самоуправления, организации и граждане Республики Казахстан, осуществляющие профилактику правонарушений [14].

Также, термин «профилактика правонарушений» закреплён и в законе Республики Узбекистан «О профилактике правонарушений», под которым понимается система правовых, социальных, организационных и иных мер общей, специальной, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений, применяемых в целях сохранения и укрепления правопорядка, выявления, пресечения правонарушений, а также выявления, устранения причин совершения правонарушений и условий, им способствующих [15, ст. 3].

Следует отметить, что подход субъектов Российской Федерации в решении указанного вопроса на законодательном уровне неодинаков. Так, в одних субъектах Российской Федерации соответствующие законы субъектов не закрепляют понятие «профилактика правонарушений», однако предусматривают «систему профилактики правонарушений» как совокупность государственных учреждений, органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований, некоммерческих организаций и граждан, осуществляющих взаимосвязанные социальные, правовые, организационные, педагогические и иные меры, направленные на предупреждение правонарушений и устранение причин и условий, способствующих их совершению [16; 17].

Другие субъекты закрепляют в соответствующем законодательстве понятие «профилактика правонарушений» как систему социальных, правовых и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и «деятельность по профилактике правонарушений» как деятельность органов и учреждений системы профилактики правонарушений по применению системы социальных, правовых и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [18, ст. 1].

Аналогичным путем пошли законодатели Республики Крым, которые в целях предупреждения и профилактики правонарушений в Республике Крым приняли Закон Республики Крым от 1 сентября 2014 года №60-ЗРК «О профилактике правонарушений в Республике Крым» [19]. Данный Закон устанавливает основы правового регулирования профилактики правонарушений на территории Республики Крым, определяет принципы и основные направления деятельности органов и учреждений системы профилактики правонарушений, а также регулирует отношения органов государственной власти республики и органов местного самоуправления в Республике Крым, организаций и граждан, участвующих в деятельности по профилактике правонарушений.

Так, под профилактикой правонарушений в Республике Крым понимается система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и устранение обстоятельств, способствующих их совершению. В то же время, система профилактики правонарушений в Республике Крым представляет собой совокупность органов, учреждений, организаций, деятельность которых направлена на своевременное предупреждение, выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений.

Кроме того, деятельность по профилактике правонарушений в Республике Крым представлена деятельностью органов государственной власти Республики Крым,

органов местного самоуправления в Республике Крым, учреждений и граждан по применению системы социальных, правовых и иных мер, направленных на своевременное предупреждение, выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [19, п. 1 ст. 1].

Следует отметить, что одной из основных задач деятельности по профилактике правонарушений в Республике Крым является предупреждение правонарушений, выявление и устранение причин и условий, способствующих их совершению наряду с обеспечением защиты прав, свобод и законных интересов граждан от противоправных действий (бездействия), принятием профилактических мер, направленных на предупреждение правонарушений, снижением уровня преступности в Республике Крым, обеспечением участия граждан в профилактике правонарушений, обеспечением защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, координацией деятельности органов государственной власти Республики Крым и органов местного самоуправления в Республике Крым, а также организаций и граждан в сфере профилактики правонарушений, воспитанием граждан в духе соблюдения законности и правопорядка.

Таким образом, термин «профилактика правонарушений» более широкий и подразумевает под собой систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и устранение обстоятельств, способствующих их совершению. В то же время, в качестве одной из задач законодательства Республики Крым об административных правонарушениях закреплено именно предупреждение административных правонарушений. Исходя из этого, авторы данного исследования будут использовать указанный термин как основополагающий. Под «предупреждением административных правонарушений в Республике Крым» предлагается понимать основанную на законе деятельность органов государственной власти Российской Федерации, государственной власти Республики Крым и органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Крым, общественных институтов, юридических лиц, граждан, направленную на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений с обеспечением охраны и защиты прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов юридических лиц от противоправных действий (бездействия) с принятием профилактических мер в рамках их компетенции и предоставленных законом полномочий.

Очевидно, что кризисные процессы, происходящие в политической, экономической и социальной сферах Республики Крым в последние годы, приводят к дестабилизации административно-деликтной ситуации в Республике Крым, что в свою очередь приводит к появлению новых противоправных действий. Именно поэтому обеспечение общественной безопасности на Крымском полуострове становится наиболее приоритетным направлением деятельности республиканских правоохранительных органов.

Кроме того, специфика геополитического расположения полуострова и наличие рекреационного потенциала обусловили значительный рост количества совершаемых правонарушений в курортно-летний период, в том числе иностранцами и лицами без гражданства (на данный момент большое количество представляют беженцы, в том числе из Донбаса и других регионов Украины).

По оценкам экспертов, сегодня административно-деликтная ситуация в Республике Крым в целом остается стабильной, несмотря на многочисленные попытки ее дестабилизации, различные провокации националистических, религиозно-этнических и других преступных групп и организаций, в том числе антигуманные и

античеловеческие действия указанных субъектов по отключению Крыма от электроэнергии и перекрытию водоснабжения.

Следует отметить, что в переходный период в Крыму действовала Программа обеспечения безопасности в Республике Крым на 2014–2016 годы (далее – Программа) [20], основная цель которой была направлена на поддержание надлежащего уровня общественной безопасности в Республике Крым и создание необходимой инфраструктуры для ее обеспечения. Работа в данном направлении была признана одним из важнейших факторов профилактики правонарушений, обеспечения социального и межсоциального мира и согласия, социальной консолидации и толерантности.

Вместе с тем данная программа предусматривала реализацию комплекса мероприятий, направленных на создание надлежащих условий для приобретения проживающим на территории правовых знаний и навыков в области правового регулирования законодательства, обеспечения эффективности осуществления согласованных мер по профилактике правонарушений и устранения причин, которые способствуют совершению таких правонарушений, повышения уровня безопасности в области регулирования дорожного движения и др.

Таким образом, наиболее эффективные – с учетом вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации в марте 2014 года – мероприятия, предусмотренные Программой, целесообразно было скорректировать с учетом целей, задач и принципов, определенных Концепцией общественной безопасности Российской Федерации [21].

Следует отметить, что административно-деликтное законодательство Российской Федерации довольно активно применяется на территории Республики Крым с 21 марта 2014 года, это в первую очередь свидетельствует об эффективности действий государственных органов и их должностных лиц в сфере интеграции Республики Крым в правовую систему Российской Федерации. На территории Республики Крым административное законодательство нашло свое применение, в частности, судами довольно часто выносятся решения, определения о взыскании штрафа, лишении прав и иные меры административного наказания, предусмотренные КоАП РФ и Законом Республики Крым «Об административных правонарушениях», должностными лицами составляются протоколы о выявленных фактах совершения административных правонарушений.

Так, например, Арбитражный суд Центрального округа оставил без изменения решение Арбитражного суда Республики Крым по иску прокурора о наложении на владельца незаконно установленных рекламных конструкций административного штрафа и постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда, который оставил в силе это решение. Таким образом, жалоба ответчика – ООО «Рекламное агентство “Визард”» оставлена без удовлетворения. Ранее прокуратура г. Керчи провела проверку исполнения требований законодательства при размещении рекламных конструкций. Установлено, что ООО «Рекламное агентство “Визард”» разместило на улицах города пять рекламных объектов типа «билборд» и «ситилайт». При этом они использовались в отсутствие разрешения на их эксплуатацию. С учетом того, что реклама размещалась самовольно, прокурор города возбудил в отношении юридического лица дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.37 КоАП РФ (установка и эксплуатация рекламной конструкции без предусмотренного законодательством разрешения на ее установку и эксплуатацию). Рассмотрев представленные прокуратурой материалы, Арбитражный суд Республики Крым привлек общество к административной ответственности в виде штрафа в размере 500 тыс. рублей. Это решение было оставлено без изменений решениями судов апелляционной и кассационной инстанций и вступило в силу.

Инспекция по жилищному надзору Республики Крым вынесла решение о привлечении управляющих компаний «Аршинцево» и «Крэч-15» к административной ответственности с наложением штрафов в размере 40 тыс. рублей каждой. Факт невыполнения управляющими организациями обязанностей по содержанию многоэтажных домов установила проверка прокуратуры Керчи. По результатам рассмотрения постановлений прокуратуры Инспекцией по жилищному надзору Республики Крым вынесены решения о привлечении правонарушителей к административной ответственности с наложением штрафов в размере 40 тыс. рублей каждому.

В частности, прокуратура Керчи установила, что в домах заявителей трубы системы центрального отопления, кровля и наружные водостоки находятся в неудовлетворительном состоянии, что привело к образованию сырости и влаги на стенах и проникновению ее в жилые помещения. Управляющие организации, в свою очередь, на многочисленные обращения жильцов не реагировали, никаких мер для обеспечения надлежащего содержания общего имущества домов не принимали.

Однако к административной ответственности привлекаются не только юридические лица, но и граждане. Так, в ходе проведения надзорного мероприятия Госинспекторами Министерства экологии и природных ресурсов Республики Крым с целью предупреждения, выявления и пресечения нарушений требований природоохранного законодательства в области обращения с отходами в селе Красноармейское выявлено 10 фактов несанкционированного складирования твердых коммунальных отходов. В отношении виновных лиц составлено 10 протоколов об административных правонарушениях по ст. 8.2 КоАП РФ. Дела об административных правонарушениях рассмотрены, и гражданам вынесены постановления о назначении административного наказания в виде штрафа на сумму 1000,00 рублей. Общая сумма наложенных штрафов составила 10 000 рублей.

Также 5 мест несанкционированного складирования твердых коммунальных отходов ликвидировано незамедлительно, а 5 гражданам госинспекторами Минприроды Крыма выданы предписания об устранении нарушений законодательства в области охраны окружающей среды и нарушений природоохранных требований.

В то же время, участковыми уполномоченными полиции ОМВД России по Белогорскому району в ходе профилактических рейдов выявлены четыре факта незаконной торговли алкогольной продукцией. Так, местные жители незаконно реализовывали спиртную продукцию в своих домовладениях. Всего у граждан изъято порядка 10 бутылок с алкоголем. По результатам экспертизы, изъятая продукция является спиртосодержащей жидкостью. Правонарушители привлечены к административной ответственности по ст.14.2. КоАП РФ (незаконная продажа товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена). По решению суда гражданам назначено административное наказание в виде штрафа в размере 1500 руб. с конфискацией продукции.

Следует отметить, что в Республике Крым виновные лица привлекаются к административной ответственности не только по нормам КоАП РФ, но и на основании Закона Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым».

Так, статья 3.11. указанного Закона предусматривает административную ответственность за нарушение правил благоустройства, установленных органами местного самоуправления в виде предупреждения или административного штрафа для граждан в размере от трехсот до одной тысячи рублей; должностных лиц – от двух тысяч до десяти тысяч рублей; юридических лиц – от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей.

Например, Департамент административно-технического контроля администрации Симферополя за три месяца выписал более 2,3 млн. руб. штрафов за нарушения

в сфере соблюдения норм и требований благоустройства. Однако нарушители добровольно оплатили только 14 % штрафов. За время работы подразделений администрации по административной практике было составлено 482 административных материала. Привлечены лица к административной ответственности в виде штрафов на общую сумму 2,35 млн. рублей. Добровольно оплачено административных штрафов на общую сумму 308 тыс. рублей. Так, за первый месяц работы департамента городские власти оштрафовали нарушителей на 1 млн. руб.

Реализация Закона Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» в период с сентября по декабрь 2015 года позволила пополнить бюджет муниципального образования городской округ Симферополь на сумму более 1 миллиона рублей. Данный закон имеет важное значение для Крыма в части наведения порядка, обеспечения безопасности крымчан и туристов, создания комфортных условий для жизни и отдыха.

Кроме того, в период массового отключения электроэнергии в Крыму на полуостров приезжали лица с материковой части Российской Федерации, которые привозили и продавали генераторы по ценам в 5–10 раз выше рыночных и осуществляли торговлю в неустановленных местах. Благодаря Закону Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» всего за несколько дней были наложены административные штрафы на сумму около 500 тысяч рублей [22].

Вместе с тем административно-деликтную ситуацию в Республике Крым существенно усложняет то, что в летний период активизируются лица, занимающиеся попрошайничеством, которые своим поведением и навязчивыми действиями вызывают у населения и гостей полуострова негативную реакцию. За указанные действия такие лица также будут привлекаться к административной ответственности на основании Закона Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым».

Таким образом, административно-деликтное законодательство Республики Крым, к которому прежде всего относятся КоАП РФ и Закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым», играет важную роль в процессе предупреждения административных правонарушений в Республике Крым.

В то же время, предупреждение административных правонарушений в Республике Крым является важным направлением противодействия правонарушениям и преступлениям в Республике Крым в частности и в Российской Федерации в целом.

Учитывая то, что субъект – это физическое или юридическое лицо, носитель субъективных прав и юридических обязанностей, основной особенностью субъектов предупреждения административных правонарушений в Республике Крым является наличие прав и обязанностей по осуществлению разъяснительной работы, применению мер информационного характера, воспитательного воздействия, административно-принудительных мер с целью предупреждения правонарушений в Российской Федерации и в Республике Крым.

Множество и разнообразие субъектов предупреждения правонарушений в Республике Крым требует выработки их определенной классификации с учетом критериев для осуществления такой деятельности, а именно: масштаба, характера, форм и методов деятельности таких органов, а также приоритетности выполнения функций по профилактической работе наряду с другими полномочиями, входящими в их компетенцию, правового статуса и специализации определенных полномочий, степени специализации по выполнению профилактических задач, уровней, видов, территории и временных рамок деятельности.

Учитывая сложность и многоуровненность системы субъектов предупреждения административных правонарушений в Республике Крым, целесообразно провести

их классификацию, определяя наиболее существенные критерии видового проявления этих субъектов:

1. Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, утверждает по представлению Председателя Правительства Российской Федерации положения о них и назначает руководителей и заместителей руководителей этих органов, а также осуществляет иные полномочия как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации и Председатель Совета Безопасности Российской Федерации.

2. Государственная Дума и Совет Федерации также являются важными субъектами предупреждения административных правонарушений путем принятия соответствующих законодательных актов в данной сфере.

3. Правительство РФ, как высший исполнительный орган государственной власти общей компетенции, наделено широкими контрольными полномочиями в отношении федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации.

4. Федеральные органы исполнительной власти (федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства) относятся к субъектам предупреждения административных правонарушений в рамках своих полномочий (например, Министерство внутренних дел РФ, Министерство юстиции РФ (Федеральная служба исполнения наказаний и Федеральная служба судебных приставов), Министерство образования и науки РФ, Федеральная служба безопасности РФ и т. д.).

5. На уровне субъектов РФ к субъектам предупреждения правонарушений в Республике Крым следует отнести: Главу Республики Крым, Правительство Республики Крым, Государственный Совет Республики Крым в рамках предоставленных полномочий.

6. На местном уровне следует выделить местные государственные администрации и органы местного самоуправления муниципальных образований, которые также в пределах соответствующих полномочий осуществляют деятельность по предупреждению правонарушений.

Вместе с тем деятельность специализированных или частично специализированных субъектов по предупреждению и профилактике правонарушений обусловлена формальными ограничениями и направлена на профилактику отдельных категорий правонарушений в определенной сфере охраняемых законом правоотношений. К таким субъектам относятся органы государственного управления в сфере здравоохранения, образования и науки, культуры, охраны окружающей среды и природопользования, транспорта, связи и информации, предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций, финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, таможенного дела, собственности, деятельности институтов государственной власти, защиты Государственной границы и обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ, управления, воинского учета и т. д.

К неспециализированным субъектам предупреждения административных правонарушений авторы данной работы относят средства массовой информации, администрации предприятий, учреждений, организаций, общественные объединения, отдельных граждан, осуществляющих функции правового воспитания, образования, разъяснительного характера и т. д.

Наличие специальных полномочий по профилактике и предупреждению правонарушений у соответствующих органов власти дает основания для отнесения данных субъектов к специализированным (например, судебные органы, органы прокуратуры, органы внутренних дел, общественные формирования по охране общественного порядка и государственной границы и т. д.).

В то же время, следует отметить, что предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений является одним из приоритетных направлений деятельности полиции, что выражается в обязанностях полиции выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению; выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу; участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; участвовать в пропаганде правовых знаний; пресекать административные правонарушения и осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных законодательством об административных правонарушениях к подведомственности полиции, закрепленных в ст. 12 Федерального закона «О полиции» [23].

Кроме того, в условиях кардинального реформирования системы МВД России приоритет отдается не карательным, а предупредительным мерам борьбы с противоправными деяниями, в том числе и предупреждению административных правонарушений, что подтверждается и основными положениями указа Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [24], в соответствии с которым обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, в первую очередь среди несовершеннолетних, и иных правонарушений (включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики), разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений.

В целях обеспечения государственной и общественной безопасности совершенствуются структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти, развивается система выявления, предупреждения и пресечения разведывательной и иной деструктивной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, наносящей ущерб национальным интересам, актов терроризма, проявлений религиозного радикализма, национализма, сепаратизма, иных форм экстремизма, организованной преступности и других преступных посягательств на конституционный строй Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, государственную и частную собственность, общественный порядок и общественную безопасность.

Так, в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в целях обеспечения государственной и общественной безопасности также осуществляется комплексное развитие правоохранительных органов и специальных служб, укрепляются социальные гарантии их сотрудникам, совершенствуется научно-техническая поддержка правоохранительной деятельности, принимаются на вооружение перспективные специальные средства и техника, развивается система профессиональной подготовки специалистов в области обеспечения государственной и общественной безопасности [24].

Такой подход к преобразованию правоохранительной системы позволит ей развиваться в рамках взятого курса на социализацию органов внутренних дел и пози-

тивным образом скажется на процессе укрепления гражданского общества и институтов демократии в России.

Сотрудники органов внутренних дел в своей деятельности неоднократно проводят предупреждение совершения различных видов административных правонарушений, что является одной из приоритетных задач, стоящих перед полицией в частности. Предупреждением и профилактикой совершения административных правонарушений занимается значительная часть органов внутренних дел, предупреждение и профилактика проводятся с целью выявления и предупреждения совершения новых административных правонарушений, путем разъяснения составов отдельных наиболее распространенных правонарушений и мер административной ответственности, которые могут быть применены к правонарушителям.

Таким образом, обеспечение комплексного подхода к борьбе с административными правонарушениями в Республике Крым предполагает участие в этой работе широкого круга субъектов. К системе этих субъектов относятся как органы государственной власти Российской Федерации, так и органы представительной и исполнительной власти Республики Крым, а также органы местного самоуправления муниципальных образований и их должностные и служебные лица, ведомства и учреждения, профессионально занимающиеся предупреждением асоциального поведения, общественные организации и формирования, уставные цели которых связаны с профилактикой правонарушений, средства массовой информации, отдельные граждане и т. д. Однако одно из главных мест в системе субъектов предупреждения правонарушений в Республике Крым занимают органы внутренних дел и, прежде всего, полиция, на которую возлагаются задачи по предупреждению и профилактике совершения правонарушений и преступлений, для чего она наделяется значительным объемом средств общего и специального пресечения (применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия). Однако с учетом кардинального реформирования системы МВД и ориентации на повышение престижа органов внутренних дел, уважения и доверия к сотрудникам полиции граждан следует больший упор делать именно на предупреждение и профилактику правонарушений, в том числе путем проведения постоянного мониторинга ситуации в регионе, определения и надзора за группой риска, разъяснения норм административно-деликтного законодательства Республики Крым, в том числе через средства массовой информации, как федеральные, так и региональные, активного участия в процессе правового воспитания граждан, прежде всего, несовершеннолетних, повышения их правовой культуры.

Совершенствование существующих средств борьбы с административными нарушениями, по мнению авторов, существенно поможет органам внутренних дел в их работе, а также будет способствовать формированию в Российской Федерации и ее новом субъекте – Республике Крым – гражданского общества и построению правового государства, в котором для предотвращения и наказания виновных в административных правонарушениях будет достаточно только общественного порицания.

Список литературы:

14. Закон Республики Крым «Об административных правонарушениях в Республике Крым» от 25.06.2015 г. № 117-ЗРК/2015. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_256272.pdf.
15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ с изменениями и дополнениями от 30 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000#ixzz3ykOpAFMs.

16. Ушанов А. В. Организационно-правовые основы предупреждения правонарушений в Российской империи : автореф. дис. ...канд. юрид. наук.: 12.00.01 // Ушанов Александр Валерьевич. – М., 2011. – 29 с.
17. Границкий Р. Б. Административно-правовые средства предупреждения правонарушений в общественных местах (по материалам ОВД Дальневосточного региона): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.14 // Границкий Роман Борисович. – Хабаровск, 2011. – 23 с.
18. Бурак М. Н. Административно-правовые средства предупреждения правонарушений в сфере потребительского рынка : автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.14 / Бурак Максим Николаевич. – М., 2009. – 26 с.
19. Жариков Н. В. Административно-правовые основы предупреждения и пресечения полицией правонарушений в сфере оборота радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств : автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.14 / Жариков Николай Викторович. – Челябинск, 2013. – 24 с.
20. Равнюшкин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.14 / Равнюшкин Александр Викторович. – М., 2015. – 245 с.
21. Административное право : учебник / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма, 2008. – 812 с.
22. Чернышова Т. И. Предупреждение административных правонарушений в области защиты Государственной границы Российской Федерации /Чернышова Т. И./ («Административное право и процесс», 2012, № 12). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.centerbereg.ru/m671.html>.
23. Обыденнова Т. В. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел по предупреждению и пресечению правонарушений, совершаемых несовершеннолетними : атореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.14 / Обыденнова Татьяна Викторовна. – М., 2004. – 28 с.
24. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» с изменениями и дополнениями от 23 ноября 2015г. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/12116087/1/#block_100#ixzz3yMxlDAdk.
25. Проект федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Опубликовано: 16 августа 2011 г. на Интернет-портале «Российской Газеты». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.rg.ru/2011/08/16/profilaktika-site-dok.html>.
26. Закон Республики Беларусь от 04 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.pravo.by/MAIN.ASPX?GUID=3871&P0=H11400122&P1=1>.
27. Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года № 271-IV «О профилактике правонарушений» с изменениями и дополнениями. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30657323
28. Закон Республики Узбекистан «О профилактике правонарушений» от 14 мая 2014 года № ЗРУ-371. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.senat.uz/ru/laws/zru-371_14.05.2014.html.
29. Закон города Москвы № 14 от 19 марта 2008 года «О единой системе профилактики правонарушений в городе Москве». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://mosopen.ru/document/14_zk_2008-03-19.
30. Закон Чувашской Республики от 25.11.2003 N 38 (ред. от 27.03.2014) "О профилактике правонарушений в Чувашской Республике" (принят ГС ЧР 11.11.2003). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW098;n=66054>
31. Закон Санкт-Петербурга от 04.06.2007 N 230-42 (ред. от 26.11.2015) «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» (принят ЗС СПб 16.05.2007). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=167176;from=720970;md=189271.23920126950252152;;ts=0189271000318720980858167>
32. Закон Республики Крым от 1 сентября 2014 года № 60-ЗРК «О профилактике правонарушений в Республике Крым». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.rg.ru/2014/09/09/krim-zakon60-reg-dok.html>
33. Постановление ВР АРК «О Программе обеспечения общественной безопасности в Автономной Республике Крым на 2014–2016 годы» от 25 декабря 2013 года № 1541-6/13. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://crimea.gov.ru/act/11495>

34. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 20 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. // [Режим доступа]: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/117.html> (Дата обращения 12.11.2015).
35. Ефим Фикс: Закон об административных правонарушениях позволит навести порядок. 29 января 2016 г. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://crimea-news.com/society/2016/01/29/169632.html>
36. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» с изменениями и дополнениями от 14 декабря 2015г. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://base.garant.ru/12182530/1/#block_100#ixzz3ydv6yBKK
37. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

Evsikova E.V., Gerashenko A.V. Warning of administrative crimes in Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 149 – 163.

In the article essence opens up and mutual relations of categories "warning of offences" and "prophylaxis of offences", and also on the basis of the conducted analysis authors are offer an own concept "Warning of administrative crimes in Republic of Crimea". In addition, in the article the analysis of administratively-tort situation in Republic of Crimea and efficiency of application of administratively-tort legislation of Republic of Crimea are conducted in practice. Also, authors conduct own classification of subjects of warning of administrative crimes in Republic of Crimea and come to the conclusion, that one of basic subjects of warning of administrative crimes in Republic of Crimea are organs of internal affairs and foremost – is a police.

Keywords: warning of administrative crimes in Republic of Crimea; a prophylaxis of administrative crimes is in Republic of Crimea; administratively-tort legislation; subjects of warning of administrative crimes are in Republic of Crimea; police.

Spisok literaturi:

1. Закон Respubliki Krim "Ob administrativnih pravonaryshenijah v Respublike Krim" ot 25.06.2015 g. № 117-ZRK/2015. [Elektronnii resyrs] // [Regim dostypa] : http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_256272.pdf.
2. Kodeks Rossiiskoi Federathii ob administrativnih pravonarysheniah ot 30 dekabria 2001 g. № 195-FZ s izmeneniami i dopolneniami ot 30 dekabria 2015g. [Elektronnii resyrs] // [Regim dostypa] : http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000#ixzz3ykOpAFMs.
3. Yshanov A.V. Organizathionno-pravovie osnovi predupregdenia pravonaryshenii v Rossiiskoi Imperii : avtoref. dis. ...kand. urid. nayk: 12.00.01 // Ushanov Aleksandr Valerievitch. – M., 2011. – 29 s.
4. Granitskii R. B. Administrativno-pravovie sredstva predyprezdenia pravonarushenii v obshestvennih mestah (po materialam OVD Dalnevostochnogo regiona) : avtoref. dis. ...kand. urid. nayk: 12.00.14 // Granitskii Roman Borisovitch. – Habarovsk, 2011. – 23 s.
5. Burak M. N. Administrativno-pravovie sredstva predyprezdenia pravonarushenii v sfere potrebitelskogo rinka : avtoref. dis. ...kand. urid. nayk: 12.00.14 // Burak Maksim Nikolaevithc. – M., 2009. – 26 s.
6. Zarikov N. V. Administrativno-pravovie osnovi predyprezdenia i presethenia polithiei pravonarushenii v sfere oborota radioelektronnih sredstv i visothcastotnih ystroistv : avtoref. dis. ...kand. urid. nayk: 12.00.14 // Zarikov Nikolai Viktorovich. – Theliabinsk., 2013. – 24 s.
7. Ravniushkin A.V. Administrativno-pravovie sredstva predyprezdenia i presethenia organami vny-trennih del pravonarushenii v sfere semeino-bitovih otnoshenii : dis. ...kand. urid. nayk: 12.00.14 // Ravniushkin Aleksandr Viktorovitch. – M., 2015. – 245 s.
8. Administrativnoe pravo: ythebnik / D.N. Bahrah, B.V. Rossinskii, U.N. Starilov. -3-e izd., per-esmotr. Idop. – M.: Norma, 2008. – 812 s.
9. Thernishova T.I. Predyprezdenie administrativnih pravonarushenii v oblasti zashiti Gosudarstvennoi granithi Rossiiskoi Federathii / Thernishova T.I. / ("Administrativnoe pravo i prothess", 2012, № 12). [Elektronnii resyrs] // [Regim dostypa] : <http://www.center-bereg.ru/m671.html>.
10. Obidenova T.V. Administrativno-pravovoeregulirovanie dejatelnosti organov vnutrennih del po preduprezdeniu i presetheniu pravonarushenii, sovershaemih nesovershennolenimi : avtoref. dis. ...kand. urid. nayk: 12.00.14 // Obidenova Tatijana Viktorovna. – M., 2004. – 28 s.
11. Federalnii zakon ot 24 iunia 1999 g. N 120-FZ "Ob osnovah sistemii profilaktiki i pravonarushenii nesovershennoletnsh" s izmenenijami i dopolnenijami ot 23 nojabria 2015g. [Elektronnii resyrs] // [Regim dostypa] : http://base.garant.ru/12116087/1/#block_100#ixzz3yMxIDAk.
12. Proekt federalnogo zakona «Ob osnovah sistemii profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii», Opublikovano: 16 avgusta 2011 g. na Internet-portale «Rossiyskoy Gazetyi». St. 2. [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.rg.ru/2011/08/16/profilaktika-site-dok.html>.

13. Закон Республики Беларусь от 04 января 2014 г. № 122-Z «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.pravo.by/MAIN.ASPX?GUID=3871&P0=H11400122&P1=1>.
14. Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года № 271-IV «О профилактике правонарушений» с изменениями и дополнениями. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30657323
15. Закон Республики Узбекистан «О профилактике правонарушений» от 14 мая 2014 года # ZRU-371. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.senat.uz/ru/laws/zru-371_14.05.2014.html.
16. Закон города Москвы от 14 от 19 марта 2008 года «О единой системе профилактики правонарушений в городе Москве». [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://mosopen.ru/document/14_zk_2008-03-19.
17. Закон Чувашской Республики от 25.11.2003 N 38 (ред. от 27.03.2014) "О профилактике правонарушений в Чувашской Республике" (принят GS ChR 11.11.2003). [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW098;n=66054>
18. Закон Санкт-Петербурга от 04.06.2007 N 230-42 (ред. от 26.11.2015) «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» (принят ZS SPb 16.05.2007). [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=167176;from=720970;rnd=189271.23>
19. Закон Республики Крым от 1 сентября 2014 года #60-ZRK «О профилактике правонарушений в Республике Крым». [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.rg.ru/2014/09/09/krim-zakon60-reg-dok.html>
20. Постановление VR ARK «О Программе обеспечения общественной безопасности в Автономной Республике Крым на 2014–2016 годы» от 25 декабря 2013 года № 1541-6/13. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://crimea.gov.ru/act/11495>
21. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 20 ноября 2013 г. [Elektronnyiy resurs]. // [Rezhim dostupa]: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/117.html> (Data obrascheniya 12.11.2015).
22. Ефим Фикс: Закон об административных правонарушениях позволит навести порядок. 29 января 2016 г. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://crimea-news.com/society/2016/01/29/169632.html>
23. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-FZ «О полиции» с изменениями и дополнениями от 14 декабря 2015г. [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/12182530/1/#block_100#ixzz3ydv6yBKK.
24. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Elektronnyiy resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 164–171.

УДК 342.9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Коноплев В. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проведен анализ научной, справочной литературы и норм действующего законодательства относительно определения понятия, содержания и направлений административной деятельности органов внутренних дел. Автор концентрирует внимание на исследовании понятия административной деятельности. Установлено, что административную деятельность целесообразно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле административная деятельность ОВД включает в себя властные отношения между любым органом (подразделением, службой, отдельным работником) и физическим (юридическим) лицом независимо от органа, подразделения или службы ОВД и регулируемых определенной группой правовых норм в зависимости от вида конкретных правоотношений (уголовные, гражданские, финансовые и др.); в узком – исполнительно-распорядительные отношения, одной из сторон которых является орган (подразделение, служба) или отдельный работник системы ОВД, и которые урегулированы только административно-правовыми нормами.

Ключевые слова: органы внутренних дел, действующее законодательство, понятие, содержание, направления, административная деятельность, формы и методы деятельности.

Современное развитие любого государства невозможно без создания действенного механизма обеспечения безопасности населения, благоприятных условий проживания и создания безопасных условий жизнедеятельности человека. Это в полной мере касается Российской Федерации, которая имеет основания (географические, экономические, социальные, политические, организационные, ресурсные) для создания и реализации данного механизма.

Функцию охраны и защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц государство возлагает на правоохранительные органы, ключевое место среди которых занимают органы внутренних дел, которые не только в организационном, но и в функциональном плане занимают важное место в системе правоохранительных органов. Более 60 % преступлений, фиксируемых в уголовной статистике, составляют преступления, которые выявляются и расследуются органами внутренних дел, а такие направления их деятельности, как охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, организация работы, связанной с обеспечением безопасности дорожного движения, являются прерогативой только их правоохранительной деятельности.

Исследуя вопрос об определении сущности административной деятельности органов внутренних дел, стоит отметить, что события, которые происходили последние двадцать лет, обусловили не только позитивные тенденции, но и определенные негативные, к которым относятся: снижение уровня контроля со стороны государ-

ства; снижение контролирующего воздействия со стороны уполномоченных органов публичной администрации; угрожающий национальной безопасности уровень коррупции и т. д. Однако анализ мнений экспертов свидетельствует, что основной причиной этих негативных факторов являются: несовершенство нормативно-правовой базы; значительный уровень коррупции в органах власти; непрозрачность административных процедур и т. д.

Для Российской Федерации вопросы совершенствования нормативной базы в сфере организации деятельности правоохранительных органов, в частности органов внутренних дел, являются крайне актуальными.

Указанное положение касается и определения понятия «административная деятельность», которое по своему содержанию должно соответствовать сущности этого явления. Отметим, что анализ научной, учебно-методической, справочной литературы и норм законодательства свидетельствует, что в настоящее время не имеется единого подхода к определению этого понятия. Это приводит к определенным сложностям в правоприменительной деятельности, ведь одно понятие должно четко отражать определенное явление.

Итак, с учетом приведенного можно утверждать, что вопрос теоретического анализа сущности и содержания понятия «административная деятельность органов внутренних дел» является актуальным. По нашему мнению, разработка и закрепление в действующем законодательстве единого подхода к определению содержания приведенного понятия будет иметь не только теоретическое, но и важное практическое значение, ведь его закрепление позволит:

- усовершенствовать правоприменительную практику органов внутренних дел. Отсутствие нормативного определения понятийного аппарата приводит к неоднозначности в деятельности таких субъектов;
- уменьшить возможность применения со стороны уполномоченных субъектов властных полномочий административного усмотрения. Итак, нормативное закрепление данной категории будет способствовать более полному обеспечению реализации установленных законодательством прав физических и юридических лиц;
- обеспечить комплексное правовое регулирование данной сферы.

Как уже было отмечено ранее, термин «административная деятельность» в законодательстве не определен. По нашему мнению, использование в словосочетании «административная деятельность» прилагательного «административная» указывает на властного субъекта этой деятельности (орган, подразделение, должностное лицо) и характеризует властно-публичную (административную) природу его деятельности. В российской юридической литературе существует несколько взглядов на сущность административной деятельности.

Так, профессор О. П. Корнев в учебнике «Административная деятельность органов внутренних дел» административную деятельность ОВД определяет как целенаправленную, организующую, исполнительную и распорядительную деятельность, которая состоит в непосредственном, повседневном, практическом осуществлении задач и функций государства в сфере внутренних дел [1, с. 38].

Профессор Л. Л. Попов также считает, что административная деятельность ОВД – это деятельность по практической реализации функций по обеспечению личной безопасности граждан, охраны общественного порядка и общественной безопасности и что она имеет свои составляющие, то есть делится на административно-

наблюдательную, административно-распорядительную и административно-юрисдикционную деятельность [2, с. 84].

А. В. Зубач, А. Н. Кокорев определяют, что административная деятельность ОВД – это подзаконная, государственно-властная, исполнительно-распорядительная деятельность, направленная на организацию и практическое решение задач и выполнение функций ОВД по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности и осуществляемая в административно-правовых формах с использованием административно-правовых методов [11, с. 15].

Авторский коллектив учебника «Административная деятельность органов внутренних дел» определяет, что административная деятельность органов внутренних дел представляет собой исполнительно-распорядительную деятельность по организации работы служб и подразделений указанных органов и практическому осуществлению административно-правовыми способами охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью [12, с. 14].

В украинской юридической науке сложились несколько иные мнения относительно понятия «административная деятельность». Так, Л. В. Коваль считает, что главное в административной деятельности – это издание нормативных и индивидуальных актов [3, с. 69]. И. П. Голосниченко под административной деятельностью ОВД понимает урегулированную нормами административного права их исполнительно-властную деятельность, которая направлена на обеспечение личной безопасности граждан, защиту их прав и свобод, законных интересов, общественного порядка, общественной безопасности и борьбу с правонарушениями [4, с. 7].

М. В. Корниенко административную деятельность ОВД определяет как специфическую, исполнительно-распорядительную, подзаконную, государственно-властную деятельность по организации и осуществлению охраны общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, предупреждения и пресечения преступлений и других правонарушений [5, с. 8].

В. А. Гуменюк под административной деятельностью ОВД понимает определенную нормативными актами исполнительно-властную деятельность, которая направлена на обеспечение личной безопасности граждан, защиту их прав и свобод, законных интересов организаций и практическое осуществление установленных государством мер по охране общественного порядка, общественной безопасности и борьбы с правонарушениями [6, с. 14–15].

Анализ вышеприведенных подходов ученых к определению понятия «административная деятельность ОВД» предоставил возможность сделать вывод об их односторонности, так как в приведенных понятиях преимущественно речь идет о реализации предусмотренных законом функций по охране общественного порядка и общественной безопасности, а также выявлению, предупреждению и пресечению административных правонарушений, что является только одним из ее направлений (видов), а именно – внешнеадминистративной, а другое направление – внутриорганизационная – осталась без внимания ученых.

Таким образом, по нашему мнению, административную деятельность ОВД целесообразно определить как урегулированную административно-правовыми нормами, исполнительно-властную, распорядительную деятельность, которая направлена, с одной стороны, на обеспечение выполнения поставленных перед органами внут-

ренных дел правоохранных задач по содействию реализации нормативно закрепленных прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, их охрану и защиту, охрану общественного порядка и общественной безопасности, борьбу с правонарушениями, с другой – на упорядочение внутрисистемных отношений, которые возникают по вопросам организации самой системы органов внутренних дел, обеспечение необходимых условий для ее функционирования.

Например, в зарубежных странах термин «административная деятельность» преимущественно понимается как подготовка материалов в суд и управленческая деятельность по организации деятельности полиции, то есть в более узком смысле. Например, в юридическом словаре Блэка административная деятельность определяется как практическое управление различными органами и агентствами, которые не являются частью государственной власти [7, с. 97].

В деятельности полиции Великобритании термин «административная деятельность» применяется в таких сферах, как подготовка протоколов, справок и других материалов для рассмотрения в суде; проверка протоколов, проведение запросов, дополнительных осмотров мест правонарушения, выявление дополнительных обстоятельств совершения правонарушения; допросы свидетелей, правонарушителей, опросы населения и другие действия с целью установления наиболее полной картины совершения правонарушения [8, с. 45]. Кроме того, к административной деятельности относится деятельность по управлению подчиненными органами и структурами, выдачи приказов, распоряжений и т. п. Некоторые ученые называют административную деятельность полиции Великобритании «бумажной работой» в связи с тем, что при выполнении этой работы используется много времени на подготовку материалов о привлечении правонарушителей к юридической ответственности.

Как видно, в Великобритании административная деятельность рассматривается достаточно широко, так как распространяется на производства по уголовным делам. Но она, как и в Российской Федерации, имеет два направления: внешнее и внутреннее. Отсюда можно сделать вывод, что в этой стране административная деятельность рассматривается как любая внешняя (правоохранительная) и внутренняя (организационно-обеспечительная) деятельность. В отечественной юридической науке в этом смысле административная деятельность рассматривается как административная деятельность в широком смысле.

В США административная деятельность включает в себя: проведение различных совещаний, подготовку материалов для рассмотрения в судах, выполнение различных поручений, общение с пострадавшими, их допрос, допрос свидетелей и правонарушителей, подготовку рапортов и различных справок [9, с. 22–45].

Следует отметить, что большинство работников полиции выполняют именно административную функцию, реализуя организационно-правовые полномочия, которые устанавливаются и обеспечиваются нормами административного права [10, с. 6]. В процессе осуществления административной деятельности работники полиции вступают в многочисленные административно-правовые отношения с гражданами, их объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями.

Административная деятельность полиции имеет четко выраженный государственно-властный, авторитарный характер, осуществляется в официальном порядке от имени государства, которая делегирует ей право на применение специфических

мер административного воздействия, которые, как правило, не используются другими органами исполнительной власти.

Для выполнения административных функций полиция наделена определенными полномочиями, то есть правами и обязанностями. К административным обязанностям полиции необходимо отнести такие как: принимать и регистрировать (в том числе в электронной форме) заявления и сообщения о преступлениях, пресекать противоправные деяния; осуществлять розыск лиц, совершивших преступления или подозреваемых и обвиняемых в их совершении и т. д. К административным правам полиции необходимо отнести такие как: требовать от граждан и должностных лиц, нарушающих общественный порядок, прекращения правонарушений и действий, а равно действий, препятствующих законной деятельности государственных и муниципальных органов, депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти, депутатов представительных органов муниципальных образований, членов избирательных комиссий, комиссий референдума, а также деятельности общественных объединений; проверять документы, удостоверяющие личность граждан, если имеются данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом; проверять у граждан, должностных лиц, общественных объединений и организаций разрешения (лицензии) и иные документы на совершение определенных действий или на осуществление определенного вида деятельности, контроль (надзор) за которыми возложен на полицию в соответствии с законодательством Российской Федерации; проверять документы, удостоверяющие личность граждан, если имеются данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом; проверять у граждан, должностных лиц, общественных объединений и организаций разрешения (лицензии) и иные документы на совершение определенных действий или на осуществление определенного вида деятельности, контроль (надзор) за которыми возложен на полицию в соответствии с законодательством Российской Федерации; составлять протоколы об административных правонарушениях, осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения; принимать участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, метрополитене либо осуществлять такой досмотр самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами и т. д.

Однако следует отметить и то, что административная деятельность полиции может иметь профилактическое, оперативно-розыскное, уголовно-процессуальное, исполнительное и охранное направления.

Таким образом, административную деятельность целесообразно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле административная деятельность ОВД включает в себя властные отношения между любым органом (подразделением, службой, отдельным работником) и физическим (юридическим) лицом независимо от органа, подразделения или службы ОВД и регулируемых определенной группой правовых норм в зависимости от вида конкретных правоотношений (уголовные, гражданские, финансовые и др.); в узком – исполнительно-распорядительные отношения, одной из сторон которых является орган (подразделение, служба) или отдельный работник системы ОВД, и которые урегулированы только административно-правовыми нормами.

Список литературы:

1. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Общая. Учебник. Издание третье / Под ред. А.П. Коренева. – М.: Московская академия МВД России, Изд-во «Щит-М», 2000. – 304 с.
2. Административное право и административная деятельность органов внутренних дел: Учебник / Под ред. Л.Л. Попова. – М.: Академия МВД СССР, 1990. – 223 с.
3. Коваль Л. Административное право. Курс лекций (Общая часть). – К.: Основа, 1994. – 154 с.
4. Административная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: Учебник / Под общ. ред. И. П. Голосниченка, Я. Ю. Кондратьева. – М.: Академия внутренних дел, 1995. – 177 с.
5. Административная деятельность. Часть особенная: Учебник / Под общ. ред. О. М. Бандурки. – Х.: Ун-т внутр. дел «Эспада», 2000. – 368 с.
6. Гуменюк В. А. Административно-правовое регулирование осуществления органами внутренних дел разрешительной системы: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / В.А. Гуменюк – Харьков, 1999. – 210 с.
7. Black H.C. Black's Law Dictionary, 5th edition. – West Publishing Company, Saint Paul, Minnesota. – 1990. – 254 p.
8. English I., Card R., Butterworth's Police Law, 6-th edition, Butterworth, London 1999, 708 p.
9. Крылов В. С. Полиция США. Основные черты организации и деятельности: Учеб. Пособие / В.С. Крылов. – М.: МВШ МВД СССР, 1972. – 80 с.
10. Бандурка А. М. Меры административного пресечения в деятельности милиции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. – Х.: Укр. юрид. академи, 1994. – 158.
11. Зубач А. В., Кокорев А. Н. Административная деятельность органов внутренних дел в вопросах и ответах: Учебное пособие. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: МосУ МВД России. Изд-во «Щит-М», 2007. – 352 с.
12. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Общая: Учебник. – М.: ЦОКР МВД России, 2009. – 264 с.

Konoplev V. V. Theoretical approaches to the definition of the administrative activities of the internal affairs bodies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – Р. 164 – 171.

The article analyzes the scientific, reference literature and the current legislation regarding the definition of the concept, content and direction of the administrative activities of the internal affairs bodies. The author focuses on the study of the concept of administrative activities. It was found that the administrative activities appropriate to consider in the broad and narrow sense. In the broadest sense, administration bodies of internal affairs includes power relations between any entity (unit, service, individual employee) and physical (legal) person, regardless of authority, unit or service bodies of internal affairs and regulated by a specific group of legal rules, depending on the specific relationships (criminal, civil, financial, etc.); narrow - executive-

administrative relations, one side of which is the body (division, office) or an individual employee bodies of internal affairs system, and are resolved only administrative and legal norms.

Key words: bodies of internal affairs, the current legislation, the concept, content, direction, administration, forms and methods of operation.

Spisok literatury:

1. Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennix del. chast' obshchaya. ucheb'nik. Izdanie trete / Pod red. A.P. Koreneva. – M.: Moskovskaya akademiya mvd Rossii, izd-vo «shhit-m», 2000. – 304 s.
2. Administrativnoe pravo i administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennix del: ucheb'nik / Pod red. L.I. Popova. – M.: Akademiya MVD SSSR, 1990. – 223 s.
3. Koval L. Administrativnoe pravo. kurs lekcij (obshchaya chast') / L. Koval. – K.: Osnova, 1994. – 154 s.
4. Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennix del. obshchaya chast': ucheb'nik / Pod obshh. red. I.P. Golosnichenka, ya.yu. kondrateva. – M.: Akademiya vnutrennix del, 1995. – 177 s.
5. Administrativnaya deyatel'nost'. Chast' osobennaya: ucheb'nik / pod obshh. red. o.m.bandurky. – X.: un-t vnutr. del «Espada», 2000. – 368 s.
6. Gumenyuk V. A. administrativno-pravovoe regulirovanie osushchestvleniya organami vnutrennix del razreshitel'noj sistemy: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.07 / V. A. Gumenyuk. – Xarkov, 1999. – 210 s.
7. Black H. C. black's law dictionary, 5th edition. – West publishing company, saint paul, minnesota. – 1990. – 254 r.
8. English I., Card R., butterworth's police law, 6-th edition, butterworth, London 1999, 708 r.
9. Krylov V.S. Policiya SSHA. osnovnye cherty organizacii i deyatel'nosti: ucheb. posobie. – M.: Mvsh MVD SSSR, 1972. – 80 s.
10. Bandurka A. M. Mery administrativnogo presecheniya v deyatel'nosti milicii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.07 / A.M. Bandurka. – X.: Ukr. yurid. akademi, 1994. – 158.
11. Zubach A. V., Kokorev A. N. Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennix del v voprosax i otvetax: uchebnoe posobie. Izdanie vtroe, ispravlennoe i dopolnennoe. – M.: mosu mvd Rossii. izd-vo «shhit-m», 2007. – 352 s.
12. Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennix del. Chast' obshchaya: ucheb'nik. – M.: Cokr MVD Rossii, 2009. – 264 s.

УДК 347.1

ЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ВЗВЕШИВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ КАК СРЕДСТВА ПРАВОТОЛКОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ В ПРАВЕ

Ротань В. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Проблема способов закрепления правовых норм в актах гражданского законодательства никогда не привлекала должного внимания науки. Даже Е. В. Васьковский, создавший мощное рационалистическое учение о толковании и применении гражданских законов, не довел исследование указанных способов до логического завершения. Сохраняются проблемы даже при интерпретации текстуально закрепленных правовых норм. Что касается логически закрепленных правовых норм, то они попросту игнорируются как в науке, так и в практике правового применения.

Научный инструментарий обнаружения логически закрепленных правовых норм обычно заменяется абстрактной ссылкой на смысл или содержание соответствующего положения акта гражданского законодательства.

Поэтому наука гражданского права должна обратиться к исследованию логически закрепленных правовых норм. Логически закрепленные в актах гражданского законодательства правовые нормы обнаруживаются при толковании путем учета контекста, а также с помощью вывода *a contrario*, *a fortiori*, от предыдущего правового явления к последующему и наоборот. Логически закрепленные нормы гражданского права способны конкурировать с текстуально закрепленными правовыми нормами. Однако правовые нормы, обнаруживаемые при помощи вывода *a contrario*, не могут применяться в противоречии с текстуально закрепленными правовыми нормами. Однако из этого правила есть ряд исключений.

Ключевые слова: правовая норма; гражданское законодательство; текстуально закрепленные нормы; логически закрепленные нормы; вывод степени; вывод от противоположного; контекст; преимущественное применение норм; конкуренция между нормами.

Значение и логических инструментов, и взвешивания ценностей как средств правотолкования и разрешения коллизий в праве преимущественно прямо не отрицается. Исключение составляют лишь крайние философско-правовые учения, которые то, что называют юриспруденцией понятий, пытались и пытаются заменить юриспруденцией ценностей. Следует, однако, признать, что и учение о логических инструментах, и учение о взвешивании ценностей к настоящему времени в виде, пригодном для практического применения, не созданы. Поэтому и попытки определить их соотношение заканчиваются только общими рассуждениями. При таких условиях следует признать, что обращение к проблеме соотношения логических инструментов и взвешивания ценностей как средств правотолкования и разрешения коллизий в праве является актуальным.

Как следует из вышеизложенного, оснований для утверждения об исследованности проблемы соотношения логических инструментов и взвешивания ценностей как средств правотолкования и разрешения коллизий в праве не имеется. Но было бы неправильным и мнение о том, что наука и вообще не создала предпосылок для разрешения этой проблемы. Такие предпосылки созданы усилиями Ф. К. ф. Савиньи,

Г. Ф. Пухты, Р. Дворкина, Р. Алекси, Е. В. Васьковского, И. С. Перетерского, П. Е. Недбайло, А. С. Пиголкина, А. Ф. Черданцева, С. С. Алексеева и других ученых. Нельзя также игнорировать значение для разрешения этой проблемы философских и правовых разработок в области аксиологии. Следует упомянуть и современные научные исследования по проблемам, о которых здесь идет речь. Ищут пути разрешения этой проблемы Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции России. Четко видны попытки ее разрешения в практике судов зарубежных стран, осуществляющих конституционную юрисдикцию, в частности Верховного Суда США, Конституционного Суда Украины.

Целью настоящей статьи является разработка теоретических положений, которые могли бы стать научным основанием для разрешения теоретических и практических проблем соотношения логических инструментов и взвешивания ценностей как средств правотолкования и разрешения коллизий в праве.

Прежде всего следует исключить односторонний подход к проблеме, обозначенной в заголовке настоящей статьи. Тем более следовало бы избегать односторонности, обусловленной местом ученого в науке. Так, когда к упомянутой проблеме обращается специалист в области философии права, то можно предположить, что он будет игнорировать логические инструменты, настаивая на философском подходе, который в определенной мере может быть отождествлен с подходом ценностным. Так, А. М. Бернюков выделяет герменевтический и психологический уровни осмысления права. На первом уровне судье, полагает ученый, достаточно имеющихся у него знаний. На психологическом уровне судья «должен мыслить метафизически и иррационально». При этом «главным орудием выступает ... индивидуальный уровень иррационализма, иначе говоря, степень душевного “погружения” для “ощущения” правовой нормы» [1, с. 189–190]. Автор также констатирует наблюдающийся в современных условиях «уклон в сторону иррациональных параметров правовой жизни общества и человека» и сетует по поводу того, что «позитивизм, склонность к формализации и унификации социальной жизни еще имеют достаточно крепкие позиции [1, с. 158].

Рационалистический подход к разрешению коллизий не дополняется прямым отрицанием взвешивания ценностей, но раз последнее в числе средств правотолкования и разрешения коллизий вообще не упоминается, то разве это не доказательство игнорирования взвешивания ценностей? В частности, не упоминается это средство правотолкования и разрешения коллизий Е. В. Васьковским [2], А. С. Пиголкиным [3], А. Ф. Черданцевым [4; 5; 6].

Таким образом, правильным было бы не противопоставление двух рассматриваемых подходов, а определение места и роли каждого из них в правотолковании и разрешении коллизий в праве. Это и предлагает Председатель Конституционного Трибунала Польской Республики Б. Здзениcki. Логические инструменты правотолкования и разрешения коллизий в праве он, как это часто делается, называет юриспруденцией понятий, дополняя ее юриспруденцией интересов и юриспруденцией ценностей [7]. Он пишет, что «в юридическом дискурсе, оценивающем конституционность определенных положений, огромную роль играют принципы, выработанные юриспруденцией интересов...» [7]. Однако отделение юриспруденции интере-

сов от юриспруденции ценностей представляется неоправданным, поскольку интересы представляют собой определенные социальные ценности.

Основой каждого правотолковательного дискурса о действии права Б. Здзеницки называет юриспруденцию понятий [7]. С этим утверждением следует согласиться, поскольку законодательство представляет собой построенные по законам лингвистики и логики тексты, предназначенные для передачи от правотворческих органов участникам общественных отношений информации об их юридических правах и обязанностях, об условиях их возникновения, изменения и прекращения. Взвешивание ценностей является вспомогательным средством правотолкования и разрешения коллизий, которое не может быть поставлено в один ряд с рациональными средствами, поскольку оно (взвешивание ценностей) интегрируется в систему рациональных средств (в юриспруденцию понятий).

Покажем это на следующем примере. Ст.125 Конституции РФ определяет виды нормативно-правовых актов, рассмотрение дел о конституционности которых относится к полномочиям Конституционного Суда РФ. В соответствии с пунктом 3 статьи 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» «суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции Российской Федерации, Федеральному конституционному закону, общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору Российской Федерации, конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу». Упомянутые конституционное и законодательное положения друг другу не противоречат, поскольку в первом из них речь идет о делах о соответствии Конституции определенных правовых актов, полномочие на разрешение которых принадлежит исключительно Конституционному Суду, а во втором – об обязанности судов общей юрисдикции применять нормативно-правовые акты с учетом их субординации. Принцип субординации касается и Конституции. Поэтому при рассмотрении и разрешении дел суды общей юрисдикции обязаны применять правовые акты только в части, в которой они не противоречат актам высшей юридической силы, в том числе и Конституции.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 16 июня 1998 г. №19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» пришел к выводу о том, что отказ от применения в конкретном деле закона, неконституционного с точки зрения суда, привел бы к различному толкованию различными судами конституционных норм. Таким образом, ценностью, которая требует защиты, явилось единообразное применение правовых норм, установленных Конституцией РФ. Однако Конституционный Суд прямо не противопоставляет эту ценность положению п.3 ст.5 названного Федерального закона, а обращает внимание на то, что она (эта ценность) признается ст.4, 15, 76 Конституции, согласно которым «законы действуют единообразно на всей территории Российской Федерации». Ссылается Конституционный Суд и на то, что единообразие применения Конституции обеспечивает ее верховенство, как того требует ст. 15 Конституции.

Такой подход представляется правильным. Конституция РФ как акт позитивного права и законы Российской Федерации предоставили юридическую охрану всем

существенным социальным ценностям. Поэтому обращение к последним является допустимым только в целях правильного применения Конституции и законов. Конечно, абстрактно можно было бы, вспоминая исторический опыт или сегодняшнюю практику отдельных стран, говорить о том, что ценности могут быть поставлены выше позитивного права и его рационального толкования. Но конкретно применительно к сегодняшним реальностям следует признать, что Конституция и законы РФ впитали в себя все признанные цивилизованным человечеством социальные ценности. Поэтому потребности обращения к ценностям в противовес позитивному праву нет. Но обращение к ценностям в дополнение к рациональному осмыслению позитивного права является не только целесообразным, но и конструктивным.

Взвешивание ценностей производится прежде всего при толковании и применении тех положений Конституции, международных договоров, законодательных актов, которые формулируют принципы права и вследствие этого не имеют признака достаточной формальной определенности.

Не указывая прямо на использование приема взвешивания ценностей, Верховный Суд США тем не менее такое взвешивание осуществлял при толковании Четырнадцатой поправки к Конституции США, в которой косвенно закрепляется принцип свободы договора. В деле «Лохнер против штата Нью-Йорк» (1903 г.) истец требовал признания неконституционным закона штата Нью-Йорк, которым продолжительность рабочего дня для рабочих городских пекарен ограничивалась десятью часами. Ценностью, которую он защищал, была сама свобода договора как одно из проявлений принципа свободы, закрепленного в Четырнадцатой поправке. На противоположной чаше весов, очевидно, находились интересы социальной группы наемных работников пекарен. Необходимость защиты этих интересов вытекала из принципа содействия общему благосостоянию, закрепленного в преамбуле Конституции США. Разрешить эту коллизию с помощью логических средств было невозможно, что и заставило использовать метод взвешивания ценностей. Такое взвешивание осуществляется не на основе правовых норм, а путем учета социального контекста. Судьи Верховного Суда США, осуществляя взвешивание ценностей в социальном контексте, отдали предпочтение свободе договора. Но среди судей нашелся один, который видел дальше других, настаивал на принятии противоположного решения и написал особое мнение. Это был О. У. Холмс. Последующие 30 лет были в практике Верховного Суда тем, что можно назвать освоением метода взвешивания ценностей. На чаше интересов рабочих появились новые не осознаваемые ранее ценности: социальная стабильность, социальный мир. Помогли осознать эти ценности революция 1917 г. в России, рост забастовочного, рабочего и профсоюзного движения во всем мире. Результаты взвешивания ценностей Верховным Судом США в середине 30 годов XX века оказались противоположными тем, которые были получены в 1903 г. Теперь уже Суд приходит к выводам о том, что законодательное ограничение продолжительности рабочего времени, законодательное регулирование минимальной заработной платы не противоречат принципу свободы договора.

Взвешивание ценностей как сложный метод правотолкования и разрешения коллизий осуществлял Конституционный Суд Украины. В начале XXI столетия Суд неизменно признавал неконституционными законы о государственном бюджете на соответствующие годы, которыми приостанавливалось действие законов, предпола-

гавших некоторые виды выплат из бюджета. В 2011 г. Конституционный Суд Украины при тех же подлежащих применению конституционных положениях пришел к противоположному выводу. При этом на одной чаше весов находились права человека и гражданина, которые в соответствии со ст. 22 Конституции Украины не могли сужаться по содержанию и объему, а на другой – финансовая стабильность в государстве, которое оказалось не в состоянии из-за отсутствия средств выполнять требования многих законов, предусматривавших денежные выплаты в пользу граждан. Результаты взвешивания ценностей, произведенного в 2011 г., представляются более правильными. Хотя в условиях разбалансированности государственного аппарата в Украине можно предположить влияние на принятие решения Конституционным Судом в 2011 г. и других факторов.

Требуется осмысления и обсуждения в научной среде с участием судей-практиков проблема обращения к существенным социальным ценностям как с целью доказать неприменимость определенных нормативных положений, так и с целью доказать необходимость их применения. На наш взгляд, это – неприемлемо. В качестве материала для дискуссии предлагается следующий случай. Судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев в особом мнении обратил внимание на необходимость применения приведенного выше положения п. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». Однако эту необходимость он аргументировал не тем, что оно не противоречит Конституции, а тем, что неприменение противоречащих Конституции законов представляло бы собой «появление судебного права, развитие которого крайне необходимо для российской правовой системы в целях преодоления позитивистских подходов». Эта аргументация и есть проявление подтверждения юридической силы положения закона ссылкой на социальную ценность, значение которой как таковой также требует обсуждения, особенно с учетом того, что установленные Конституцией правовые нормы не могут быть исключены из системы позитивного права. А поэтому применение судами общей юрисдикции Конституции и неприменение противоречащих ей законов – это не преодоление позитивистских подходов, а самое настоящее их проявление.

Применение как средства правотолкования и разрешения коллизий в праве взвешивания ценностей обусловлено также наличием в праве коллизий, которые логически не могут быть разрешены. Есть определенная сфера, где не могут быть использованы правила *lex superior derogat inferiori*, *lex specialis derogat generali*, *lex posterior derogat priori*. Более конкретно эта сфера обозначается как сфера коллизий между правовыми нормами, сферы которых частично совпадает, если эти нормы установлены одним актом законодательства или разными актами законодательства одинаковой юридической силы, принятыми в один и тот же день. Покажем это на следующем примере.

Уголовное законодательство, и ранее действовавшее (советское) и действующее, устанавливало (и устанавливает) уголовную ответственность за умышленное убийство. Устанавливается более высокая ответственность за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, в частности уголовная ответственность за убийство двух и более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 действующего УК). Устанавливается также менее строгая уголовная ответственность за умышленное убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах: при превышении пределов необходимой оборо-

ны (ст.108 УК), убийство матерью новорожденного ребенка (ст.106 УК). Имеет место частичное совпадение сфер действия п. «а» ч. 2 ст. 105 УК с одной стороны и ст. 106, 108 УК – с другой в случае убийства при смягчающих обстоятельствах двух и более лиц.

В период действия Уголовного Кодекса РСФСР 1960 г. подобной была коллизия между п. 3 ст. 102 (умышленное убийство двух и более лиц) и ст. 104 (умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения). А. Ф. Черданцев пытался разрешить эту коллизию с помощью правила о преимуществе при правоприменении специальной нормы перед общей, хотя это правило в подобных случаях применить было нельзя. Ученый пришел к таким выводам: «Пункт “з” ст. 102 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за убийство двух и более лиц». Возникает вопрос: во всех ли случаях умышленного убийства двух или более лиц должна наступать ответственность по п. “з” ст. 102? Если толковать эту статью изолированно от других норм УК, то ответ по буквальному смыслу этого пункта должен быть положительными. Но если мы будем толковать указанный пункт ст. 102 УК РСФСР в совокупности со ст. 104 (умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения) или со ст. 105 УК РСФСР (убийство при превышении пределов необходимой обороны), то ответ будет иным: не каждое убийство двух или более лиц включает ответственность по п. “з” ст. 102 УК РСФСР» [4, с. 129]. Этот вывод, сделанный в 1972 г., А. Ф. Черданцев повторил в 1979 г. [5, с. 73] и в 2009 [6, с. 172].

Свои выводы А. Ф. Черданцев подкрепил ссылкой на постановление Президиума Верховного Суда РСФСР: «Убийство двух лиц, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, не может быть квалифицировано как совершенное при отягчающих обстоятельствах» (Бюллетень Верховного Суда РСФСР.–1970. – № 9. – С. 8–9). Но Президиум Верховного Суда никакой аргументации в пользу этого вывода не приводит. И больше оснований утверждать, что Президиум Верховного Суда, скорее всего, пришел к этому выводу путем взвешивания ценностей, а не путем преимущественного применения специальной нормы.

Не подлежит никакому сомнению, что п. «з» ст. 102 УК РСФСР распространялся на все без исключения случаи убийства двух и более лиц, в том числе и на такие случаи, которые подпадали под действие ст.104 УК РСФСР. Также не подлежит сомнению, что ст. 104 УК РСФСР распространялась на все случаи убийства в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, в том числе и на случаи убийства двух и более лиц. Таким образом, сферы действия п. «з» ст. 102 УК РСФСР и ст. 104 того же Кодекса частично совпадали (при убийстве в состоянии сильного душевного волнения двух или более лиц). В сфере этого совпадения ни одному из указанных законодательных положений по законам логики нельзя было отдать предпочтение.

При таких условиях следует попробовать эту логически не разрешимую коллизию разрешить методом взвешивания ценностей. Речь идет об уголовной ответственности. Правоотношения, в которых эта ответственность реализуется, – это ответственность публичная. Сторонами этих правоотношений являются лицо, совершившее преступление, с одной стороны, и государство. Логично будет предположить, что государство в этом правоотношении представляет меньшую ценность,

чем лицо, совершившее преступление, ибо это лицо, хоть и совершило преступление, все же остается человеком, который признается в Конституции РФ (ст. 2) высшей ценностью, а обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека. Поэтому логичным было бы утверждение о том, что в правоотношении по поводу уголовной ответственности государство должно было поступиться в пользу лица, совершившего преступление. Неудобство положения государства в этом правоотношении заключается только в том, что к реализации уголовной ответственности в этом правоотношении имеет интерес и потерпевший. Государство, поступаясь в уголовном правоотношении перед лицом, совершившим преступление, не может игнорировать интересы потерпевшего, нравственное чувство которого вызывает к мщению.

Проблема коллизий между интересом лица, совершившего преступление, и интересом лица, потерпевшего от преступления, осмысливалась в юридической науке. В частности, поднявшийся до уровня классика мировой юридической мысли Р.ф. Иеринг писал: «...Уголовное право, возможно, представляет несравненно больше благоприятствования преступнику, чем потерпевшему от преступления» [8, с. 586]. Замеченная классиком тенденция особенно четко проявилась после второй мировой войны. По крайней мере, в странах с де-факто господствующей христианской моралью указанная тенденция проявилась в декриминализации многих видов правонарушений, в сокращении сроков лишения свободы, в более широком применении мер наказания, не связанных с лишением свободы, в ограниченном применении смертной казни, отказе от ее применения и т. д.

От принципа талиона человечество отказалось почти полностью. Одновременно оно отказалось от идеи достижения эквивалентности наказания тяжести преступления, особенно в случаях совершения тяжких преступлений против личности, в частности умышленных убийств. Для обществ и государств стало нравственно неприемлемым проявление к лицу, совершившему преступление, той же степени жестокости, которую проявило это лицо в отношении потерпевшего. Это и заметил Р. Ф. Иеринг еще в XIX веке.

Поэтому судебная практика еще в советское время пошла по пути разрешения коллизии между п. «з» ст. 102 УК РСФСР и ст. 104 того же Кодекса с помощью не логических умозаключений, а взвешивания ценностей: государство само создало неразрешимую коллизию между правовыми нормами, о которых идет речь, создало ситуацию правовой неопределенности. А поэтому данная неопределенность должна разрешаться не в пользу государства, а в пользу человека, который при эквивалентности наказания утратит все или почти все. А для государства утрата от уступки в пользу человека в данном правоотношении является минимальной. Взвешивание ценностей приводит к выводу о недопустимости разрешения коллизии между п. «з» ст. 102 УК РСФСР и ст. 104 того же Кодекса в пользу первого из названных законодательных положений. Она правильно была разрешена в пользу ст. 104 УК РСФСР. Сегодня таким же образом должны разрешаться коллизии между п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ с одной стороны и ст. 106, 108 УК РФ с другой.

Частично совпадают сферы действия правовых норм, которые текстуально закреплены в п. 1 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод и в п. 1 ст. 10 той же Конвенции. Совпадение сфер действия этих норм имеет место в

той части, в которой п. 1 ст. 10 Конвенции предоставляет право получать и передавать информацию, и это право касается частной и семейной жизни (п. 1 ст. 8 Конвенции). Логически разрешить эту коллизию невозможно. Она разрешается методом взвешивания ценностей. Определенный опыт такого взвешивания дает нам практика разрешения немецкими судами, включая Федеральный конституционный суд, и Европейским Судом по правам человека дел по заявлениям принцессы Монако Каролины фон Ганновер о нарушении права на уважение к частной и семейной жизни. Существо этих дел заключалось в следующем. В ряде немецких журналов были опубликованы с комментариями фотографии принцессы, в том числе с детьми, касающиеся ее частной жизни, без ее разрешения. Принцесса полагала, что соответствующие издания нарушают ее право на уважение к частной и семейной жизни, и просила запретить распространение ее фотографий. Однако немецкие суды не нашли оснований для удовлетворения исковых требований принцессы.

Федеральный конституционный суд несколько уточнил «вес ценностей». Он пришел к выводу о том, что защита частной жизни детей имеет более важное значение, чем защита такого же права взрослых, а поэтому запретил распространение фотографий, на которых принцесса изображена вместе с детьми, а также фотографий, на которых принцесса изображена с актером в отдаленной части ресторанный двора. В остальном Федеральный конституционный суд пришел к выводу, что принцесса, которая является «публичным лицом», должна толерантно относиться к опубликованию ее фотографий, сделанных в публичных местах, даже если эти фотографии сделаны в сценах повседневной жизни, а не во время исполнения ею публичных обязанностей. Этот вывод ФКС обосновывал ссылкой на свободу прессы и на правомерный интерес общественности, которая имеет право знать, как принцесса ведет себя в обществе.

Дальнейшее взвешивание ценностей производил уже Европейский Суд по правам человека при рассмотрении дела «Ганновер против Германии» (2004 г.). Европейский Суд признал своей задачей сбалансировать применительно к данному конкретному случаю право на уважение к частной и семейной жизни, основанное на ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и право на получение и передачу информации.

Свое решение Европейский Суд мотивировал ссылками на следующее. Свобода выражения взглядов, получения и передачи информации, безусловно, распространяется и на опубликование фотографий. В то же время защита прав и репутации приобретает особое значение, поскольку касается не идей, а изображений, которые были опубликованы, были сделаны в атмосфере настойчивого домогательства, которое вызывало у заявительницы очень сильное ощущение вторжения в ее частную жизнь и даже преследования.

Определяющим, по мнению Европейского Суда, было решение вопроса о том, в какой мере опубликованные фотографии и статьи содействовали обсуждению, которое имеет общий интерес. Суд пришел к выводу о том, что, поскольку фотографии были сделаны во время деятельности сугубо частного характера, когда заявительница не осуществляла каких-либо официальных полномочий, без ведома или согласия заявительницы, эти фотографии не представляли общего интереса. Суд также указал, что общественность не имеет легитимного интереса знать о местонахождении принцессы, о том, как она ведет себя в частной жизни. Право заявитель-

ницы при изложенных обстоятельствах было признано имеющим приоритет перед свободой выражения взглядов, получения и распространения информации.

Логически неразрешимой и требующей взвешивания ценностей является коллизия между правовой нормой, которая текстуально закреплена в ст.1079 ГК и которая возлагает ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, на его владельца, и правовой нормой, текстуально закреплённой в ст.1068 ГК и возлагающей ответственность за вред, причиненный работником при исполнении трудовых обязанностей, на юридическое лицо или гражданина-работодателя. Трудовое законодательство РФ не исключает такого, чтобы стороны трудового договора согласовали условие о том, что в связи с особым характером работы работник будет использовать при исполнении трудовых обязанностей собственный легковой автомобиль. Если при исполнении трудовых обязанностей и эксплуатации транспортного средства такой работник причинит вред третьему лицу, возникает вопрос о выборе для целей правоприменения одной из названных выше статей.

Попытки разрешения коллизии между названными двумя правовыми нормами и выбора одной из них для применения с помощью рациональных средств обречены на неудачу. Обе нормы установлены одним и тем же законодательным актом, что исключает применение для разрешения этой коллизии правил о преимуществе правовых норм, установленных актом высшей юридической силы или позднее принятым актом. Правило *lex specialis derogat generali* не может быть использовано для разрешения этой коллизии, поскольку рассматриваемые конкурирующие правовые нормы не соотносятся как общая и специальная. Эти нормы регулируют разные гражданские отношения и, следовательно, имеют разные сферы действия. Однако есть небольшая сфера, на которую распространяется действие и ст.1068 и ст.1079 ГК. Это случаи причинения вреда работником при исполнении трудовых обязанностей, если при этом работник использовал легковой автомобиль, принадлежащий ему на праве собственности. Поскольку институт возмещения вреда имеет своей целью защиту интересов лиц, которым причинен имущественный и моральный вред, целесообразно было бы отдать предпочтение ст.1079 ГК, которая устанавливает более благоприятные для потерпевшего основания возникновения обязательств, в рамках которых возмещается вред. С другой стороны, при взвешивании ценностей нельзя игнорировать и ст.1068 ГК, которая освобождает работника от ответственности перед потерпевшим за вред, причиненный им при исполнении трудовых обязанностей. В дальнейшем работник будет отвечать перед работодателем, который после возмещения потерпевшему вреда может предъявить требование к работнику. Однако в трудовых отношениях работник несет, как правило, ограниченную материальную ответственность. В этом и заключается смысл ответственности организации и гражданина-работодателя за вред, причиненный их работником при исполнении трудовых обязанностей. Но ст. 1068 ГК при взвешивании ценностей интересна еще одним. Работодатель-организация, да и гражданин в большей мере способен реально возместить вред, причиненный потерпевшему, чем работник. И в этом – интерес потерпевшего в возмещении причиненного ему вреда на основании ст. 1068 ГК.

Изложенное существенно затрудняет выбор одной из двух рассматриваемых правовых норм для целей ее применения. Представляется, что потерпевшему не может быть отказано в иске к организации или гражданину-работодателю, если он в

обосновании иска ссылается на ст. 1068 ГК, поскольку на спорные правоотношения эта статья действительно распространяется. Возможные ссылки работодателя на то, что к спорным отношениям может применяться ст. 1079 ГК, не опровергают утверждения о распространении на спорные правоотношения ст. 1068 ГК.

Равным образом потерпевший может предъявить иск непосредственно к причинителю вреда как собственнику транспортного средства на основании ст. 1079 ГК. Возражения причинителя вреда о том, что эта статья не подлежит применению из-за того, что спорные правоотношения подпадают под действие ст. 1068 ГК, не могут опровергнуть того, что ст. 1079 ГК в соответствии с ее буквой на спорные правоотношения распространяется. Следовательно, какие-либо основания для отказа в удовлетворении исковых требований, основанных на ст. 1079 ГК, отсутствуют.

Но у потерпевшего есть еще один вариант, который удовлетворяет его интересы в наибольшей мере. Он может в обоснование иска сослаться на гипотезу правовой нормы, которая закреплена в ст. 1079 ГК и допускает более широкие основания для возложения на владельца источника повышенной опасности обязанности возместить вред, а требование о возмещении вреда предъявить к лицу, которое несет такую обязанность в соответствии со ст. 1068 ГК. Такое конструирование правовых норм было бы неоправданным отходом от буквы закона. Заимствовать гипотезу, диспозицию или их часть возможно только в порядке аналогии закона.

Конкуренция между ст. 1079 и 1068 ГК возникает также в случаях причинения вреда источником повышенной опасности, техническое обслуживание которого собственник поручил путем заключения соответствующего договора третьему лицу. Предметом судебного разбирательства было дело о возмещении морального вреда, причиненного гибелью ребенка при выходе из лифта. Эксплуатация лифта создает повышенную опасность. Поэтому за причиненный вред должен отвечать собственник лифта (жилого дома). Но в конкретном случае вред наступил в результате ненадлежащего исполнения трудовых обязанностей работником организации, осуществлявшей на основании договора с собственником дома техническое обслуживание лифта. Коллизию между ст. 1079 и 1068 ГК и в этом случае следовало разрешить методом взвешивания ценностей.

В этой статье обращено внимание лишь на некоторые пути сближения научных положений о соотношении логических инструментов и взвешивания ценностей как средств правотолкования и разрешения коллизий в праве. Дальнейшие разработки этой проблемы предполагают существенное расширение эмпирической базы исследования с целью получения новых научных результатов, уточнения ранее полученных результатов и формулирования развернутых рекомендаций по правотолкованию и разрешению коллизий при осуществлении правосудия в Конституционном Суде и судах общей юрисдикции.

Список литературы

1. Бернюков А. М. Здійснення правосуддя. Герменевтичний підхід / Правосуддя. Філософське і теоретичне осмислення. – К.: Інститут держави і права НАН України, 2009. – С. 148–206.
2. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфор, 2002. – 480 с.
3. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – 168 с.
4. Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. – Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. – 192 с.

5. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. – М.: Юридическая литература, 1979. – 168 с.
6. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2003. – 381 с.
7. Здзеницки Б. Эффективность права с точки зрения Конституционного трибунала Польской Республики // Электронный ресурс: http://www.juristlib.ru/book_9463.html.
8. Иеринг Р. Ф. Избранные труды. В 2 т. Т.1. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 618 с.

Rotan V.G. Logical instruments and weighing of values as facilities of interpretation of right and permission of collisions are in a right // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 172–183.

The problem of the legal ways to fix the legal norms in acts of civil legislation has never attracted a proper attention of science. Even E. V. Vaskovsky, who created a powerful rationalist doctrine of the interpretation and application of civil laws, did not lead the study of these methods to the logical conclusion. We meet problems even in the interpretation of textually enshrined legal norms. As for logically fixed legal rules, they are simply ignored both by science and by practice of law-making.

The scientific tools of discovering logically enshrined legal norms is usually replaced by an abstract reference to the meaning or content of the relevant provision of the act of the civil legislation. Therefore, the science of civil law should apply to the study of logically fixed legal rules. Logically embodied in the acts of the civil legislation legal norms can be found in the interpretation by considering the context and using the derivation a contrario, a fortiori, from previous legal phenomenon to the next, and vice versa.

Logically fixed legal norms of civil law are able to compete with the textually enshrined legal norms. However, legal norms, discoverable by using a derivation a contrario could not be applied in contradiction with the textually enshrined legal norms. However, this rule has some exceptions.

Keywords: legal norm; civil law; textually fixed legal norms; logically fixed legal norms; derivation of degree; derivation to the contrary; context; preferential application of the rules; the competition between the legal norms.

Spisok literaturyi:

1. Bernyukov A. M. Zdlisnennya pravosuddya. Germenevtichniy pIdhId / Pravosuddya. Filosofska I teoretichne osmislennya. – K.: Institut derzhavi I prava NAN UkraYini, 2009. – S.148–206.
2. Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskih zakonov. – М.: TsentrYurInfoR. – 2002.
3. Pigolkin A.S. Tolkovanie normativnyih aktov v SSSR. – М.: Gosyurizdat, 1962.
4. Cherdantsev A. F. Voprosyi tolkovaniya sovetskogo prava. – Sverdlovsk, 1972.
5. Cherdantsev A. F. Tolkovanie sovetskogo prava. – М.: Yuridicheskaya literatura, 1979.
6. Cherdantsev A. F. Tolkovanie prava i dogovora. М.: YuNITI, 2003.
7. Zdzenitski B. Effektivnost prava s tochki zreniya Konstitutsionnogo tribunala Polskoy Respubliki // Elektronnyiy resurs: http://www.juristlib.ru/book_9463.html
8. Iering R. F. Izbrannyye trudyi. V 2 t. Т.1. – СПб.: Yuridicheskiiy tsentr Press, 2006. – 618 s.

УДК 349.2

ЗАЩИТА ПРАВА РАБОТНИКОВ НА УСТАНОВЛЕНИЕ НЕПОЛНОГО РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

Сонин О. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье анализируется проблема защиты трудовых прав работников на установление неполного рабочего времени. Автор исследует возможность судебной защиты названного права работников и способы, с помощью которых такая защита может совершаться. Автор делает вывод о том, что недостаточно только установить это право в законодательстве, необходимо также закрепить эффективный механизм реализации этого права.

Ключевые слова: судебная защита, право на установление неполного рабочего времени, работник.

Актуальность проблемы защиты трудовых прав работников вообще и отдельных прав работников, относящихся к институту рабочего времени, обусловлена, на наш взгляд, специфическим подходом, сложившимся в науке трудового права. В рамках исследований, посвященных конкретным проблемам института рабочего времени, как правило, не уделяется достаточного внимания проблематике защиты соответствующих прав работников, в основном анализируется проблематика правового регулирования соответствующих отношений. В работах же, посвященных анализу положений законодательства о труде, закрепляющих конкретные способы защиты трудовых прав работников, и проблемам эффективности таких положений, недостаточное внимание уделяется проблемам защиты отдельных трудовых прав, в том числе относящихся к институту рабочего времени.

С учетом изложенного автору представляется актуальным исследование проблемы защиты права работников на установление неполного рабочего времени: поскольку вопросы защиты права на установление неполного рабочего времени в полной мере до настоящего времени не разрешены в науке трудового права, постольку они не вполне удовлетворительно решаются и в законодательстве о труде.

Поэтому в пределах данной статьи ставится задача проанализировать возможности защиты права работников на установление неполного рабочего времени и способов защиты такого права как в правоприменительном аспекте, так и в аспекте разработки предложений по совершенствованию соответствующих положений законодательства о труде.

Право работника на установление неполного рабочего времени закреплено ст. 93 Трудового кодекса РФ [1]. Такое право признается за работниками, прямо перечисленными в ч. 1 ст. 93 ТК РФ (беременные женщины, один из родителей (опекун, попечитель), имеющий ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка-инвалида в возрасте до восемнадцати лет), а также лица, осуществляющие уход за

больным членом семьи в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации).

Отметим, что в связи с этим едва ли можно согласиться с высказывавшимся в науке мнением о том, что в данном случае законодателем закрепляется не право названных категорий работников, а «конкретный индивидуальный интерес работника», который «не оставляет работодателю возможности реализовать свои интересы, и ему вменяется в обязанность пойти навстречу работнику, если тот требует предоставить ему новые или изменить существующие условия труда» [2, с. 34].

В данном случае речь идет именно о наделении работников конкретным по содержанию субъективным правом, с чем соглашается и судебная практика (см., напр. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 13.04.2015 г. по делу № 33-3491 [3]). Таким образом, следует прийти к выводу о том, что расценивать предоставленную таким работникам правовую возможность как интерес, а не субъективное право в правоприменительном аспекте нет оснований, а в аспекте право-творческом – такой подход тем более сложно признать обоснованным, если преследовать цель повышения эффективности правового регулирования, а не решать сугубо академические задачи.

Другой вопрос, что законодателю, возможно, стоило более ясно выразить эту мысль в положениях ч. 1 ст. 93 ТК РФ путем внесения в нее изменений. Одновременно, возможным было бы закрепление правила о том, что названные категории работников наделяются не только правом требовать установления для них неполного рабочего времени, но и правом решать по своему усмотрению вопрос о виде устанавливаемого неполного рабочего времени (неполный рабочий день, неполная рабочая неделя либо неполный рабочий день наряду с неполной рабочей неделей), а также о продолжительности ежедневной работы и количестве рабочих дней в неделю.

Такая конкретизация правового регулирования сама по себе дала бы возможность избежать значительно количества конфликтов, возникающих на сегодня между работодателями и работниками ввиду одной лишь недостаточной четкости законодательных положений.

За остальными категориями работников, прямо в ч. 1 ст. 93 ТК РФ не наделенными правом на установление по их требованию неполного рабочего времени, закон признает правовую возможность согласования с работодателем условия трудового договора (как при его заключении, так и впоследствии), которым для конкретного работника устанавливается неполное рабочее время и условия труда работника, вытекающие из установления для него неполного рабочего времени.

Иными словами, законодатель признает за работниками, не указанными в ч. 1 ст. 93 ТК РФ как имеющие право на установление неполного рабочего времени, интерес, являющийся по своей сути правомерным, но не подлежащий защите [2, с. 34].

Данный интерес подлежит лишь правовой охране, которая, на наш взгляд, должна состоять в закреплении в ст. 93 ТК РФ (либо положении Трудового кодекса более общего характера, которая распространялась бы на все подобные случаи) обязанности работодателя рассмотреть обращение работника с просьбой установить неполное рабочее время, учесть при принятии решения интересы работника наряду с интересами производства и т. п.

В целом же проблема эффективности правового регулирования процедур согласования интересов стороны трудового договора при установлении ими условий труда работника в договорных процедурах носит общий характер и едва ли может быть полностью решена в рамках настоящей статьи, поэтому считаем возможным ограничиться в данном случае постановкой проблемы и указанием направлений, в которых эта проблема может быть решена.

Главным же является, на наш взгляд, то обстоятельство, что в данном случае мы считаем неправильной постановку вопроса о том, что объектом защиты в рассматриваемых случаях является интерес (желание работника работать на условиях неполного рабочего времени).

Объектом защиты в этих случаях (само собою, – после закрепления в Трудовом кодексе правил об обязанности работодателя рассмотреть обращение работника с просьбой установить неполное рабочее время, учесть при принятии решения интересы работника наряду с интересами производства) будет субъективное право работника на соблюдение работодателем указанных правил. Соответственно, в случае признания судом или иным органом, разрешающим трудовой спор, обоснованными доводов работника о несоблюдении работодателем названных законодательных положений, должны будут удовлетворяться требования работников о понуждении работодателей к исполнению соответствующих обязанностей и при соответствующих условиях, – к установлению неполного рабочего времени.

Возвращаясь к проблеме защиты субъективного права работников на установление неполного рабочего времени, которому корреспондирует конкретная по своему содержанию юридическая обязанность работодателя удовлетворить требование таких работников, отметим, что фундаментальным недостатком положений действующего Трудового кодекса является отсутствие закрепленных в Кодексе конкретных способов защиты этого права (имея в виду материально-правовые требования, которые могли бы быть заявлены работниками непосредственно работодателю либо в суде).

Судебная практика удовлетворительно устраняет часть названных недостатков правового регулирования, признавая возможным удовлетворять требования работников. Так, в названном выше апелляционном определении Пермского краевого суда констатировалась обоснованность требований истца (работника) «о необходимости заключения с ней дополнительных соглашений об изменении условий трудового договора и установлении режима неполного рабочего времени по предложенным ею условиям». Кроме того, суд пришел к правильному выводу о необходимости применения к спорным отношениям ст. 237 ТК РФ и о взыскании с ответчика (работодателя) морального вреда, причиненного нарушением трудовых прав истца (работника) [3].

В то же время за пределами внимания как законодателя, так и правоприменительных органов остаются случаи, когда удовлетворением названных требований работников (применением соответствующих способов защиты трудовых прав) невозможно достичь полного устранения последствий допущенных работодателем нарушений.

Естественно, выбор того или иного способа защиты прав зависит от характера действий работодателя, направленных на нарушение прав, и от последствий такого нарушения. Поэтому необходимо разрешить вопрос о наиболее вероятных послед-

ствиях нарушения прав работников на установление неполного рабочего времени. Для первой группы (праву на установление неполного рабочего времени корреспондирует абсолютная юридическая обязанность работодателя удовлетворить соответствующее требование работника) нарушение может состоять в форме отрицания наличия у работника такого права, в форме отказа работодателя удовлетворить требование работника. Возможными являются также разногласия относительно объема неполного рабочего времени, который должен установить работодатель в отношении данного работника.

В случаях когда работодатель оспаривает сам факт наличия у работника права заявлять требование об установлении неполного рабочего времени, работникам должно быть предоставлено право заявить требование о признании такого права. Это требование в случае его удовлетворения устраняет разногласия между работодателем и работником по поводу наличия либо отсутствия у работника права на неполное рабочее время, вносит необходимую определенность в их отношения, а потому является достаточным для полного восстановления трудовых прав работника.

Более сложным, на наш взгляд, является вопрос о том, какой способ защиты должен быть закреплен в Трудовом кодексе на случай, когда имеет место не оспаривание, а непосредственно нарушение права на установление неполного рабочего времени. Проблема состоит в том, что такое нарушение может повлечь две группы последствий. Поскольку неполное рабочее время в течение длительного (имея в виду обычные сроки разрешения судами трудовых споров) времени не будет установлено, работник в течение этого периода будет вынужден либо работать на условиях нормальной продолжительности рабочего времени, либо реализовывать право на самозащиту трудовых прав.

В таких случаях было бы недостаточным признать за работниками право на такой способ защиты, как заявление требования о понуждении работодателя к исполнению обязанности установить неполное рабочее время (либо «о необходимости заключения с ней дополнительных соглашений об изменении условий трудового договора и установлении режима неполного рабочего времени по предложенным ею условиям», как это было сделано в цитированном выше судебном решении). На наш взгляд, закрепление такого способа защиты является необходимым, поскольку удовлетворение соответствующего требования даст возможность прекратить противоправные действия работодателя и реализовать в натуре закрепленное за работниками право. Однако нельзя игнорировать то обстоятельство, что удовлетворение требования о принудительном исполнении обязанности не способно устранить все последствия противоправного поведения работодателя, которые уже наступили до вынесения судом решения по делу.

Очевидно, что в таких случаях реализация нарушенного права либо устранения последствий нарушения права является невозможной вообще. Применительно к таким случаям необходимым было бы предоставить работникам дополнительные правовые возможности. Речь идет о расширении круга случаев возложения на работодателя материальной ответственности за вред, причиненный работнику.

На наш взгляд, при этом должна приниматься во внимание цель, для достижения которой за работником признается право на установление неполного рабочего времени. Полагаем, что эта цель может быть установлена путем учета категорий работников, которым предоставляется право на установление неполного рабочего

времени, и состоит в создании для этих работников фактической возможности надлежаще выполнять семейные обязанности по уходу за ребенком и иными членами семьи. Соответственно, нарушение данного права может повлечь дополнительные расходы на стороне работника, которые связаны с оплатой услуг третьих лиц по уходу за ребенком и другими членами семьи, которые нуждаются в таком уходе.

Следовательно, при наличии таких дополнительных расходов признание за работниками право их возмещение в порядке возложения на работодателя материальной ответственности было бы целесообразным, поскольку соответствовало бы характеру допущенного нарушения и устраняло бы его последствия.

При этом мы считаем, что достаточным возражением против такого варианта правового регулирования нельзя считать утверждения о том, что работник, право которого на установление неполного рабочего времени было нарушено, выполнял свои обязанности на прежних условиях (на условиях полного рабочего времени), а соответственно и получал заработную плату в полном размере. Выплаченная работнику в таком размере заработная плата в данном случае является вознаграждением за выполненную работу и не может рассматриваться как основание работодателя от обязанности предложенным способом возмещать работнику причиненный вред.

На наш взгляд, предложения, изложенные в настоящей статье, в случае их реализации способны, с одной стороны, повысить соответствие правоприменительной практики законодательству, а с другой стороны, – будут способствовать повышению эффективности правового регулирования трудовых отношений в целом и правового регулирования рабочего времени и порядка разрешения трудовых споров в частности.

В то же время положения, изложенные в статье, нуждаются в дополнительном осмыслении, углублении анализа соответствующего нормативного материала и разработке на этой основе более обоснованных предложений по правотворчеству и правоприменению. Было бы оправданным, если дальнейшие научные исследования проблемы защиты права на установление неполного рабочего времени осуществлялись в направлении исследования конкретных судебных способов защиты права на установление неполного рабочего времени, а также на анализ конкретных способов нарушения такого права (например, на случаи реализации работодателем правовой возможности изменять определенные сторонами условия трудового договора, закрепленной в ст. 74 ТК РФ, после выполнения требования работника об установлении для него неполного рабочего времени, что повлечет понуждение работника работать на условиях полного рабочего времени).

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 // Собрание законодательства РФ. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
2. Еремина С. Н. Некоторые вопросы судебной защиты правомерных интересов работников // Трудовое право в России и за рубежом. – 2015. – № 1. – С. 33–35.
3. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 13.04.2015 г. по делу № 33-3491: [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2996192&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=2872523. (Дата обращения: 18.02.2016).

Sonin O. E. Methods of protection of the right on establishment of underemployment // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2015. – T. 1 (67). № 4. – P. 184–189.

The article deals with the problem of protecting the employment rights of workers on part-time work setting. The author explores the possibility of judicial protection of the rights of the workers named and the ways in which this can occur. The author concludes that it is not enough to just set it right in legislation, there is also a need to consolidate an effective mechanism for the implementation of this right. Justified proposals on amendments to the labour code aimed at consolidating specific means to protect the right to part-time work.

Keywords: method of protection of the right, court protection of the right, right on underemployment.

Spisok literaturyi

1. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 // Sbornik zakonodatelstva RF. – № 1 (ch. 1). – St. 3.
2. Eremina S. N. Nekotoryye voprosy sudebnoy zashchity pravomernykh interesov rabotnikov // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. – 2015. – № 1. – S. 33–35.
3. Apellyatsionnoe opredelenie Permskogo kraevogo suda ot 13.04.2015 g. po delu № 33-3491: [Elektronnyy resurs]. URL: https://oblsud-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2996192&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=2872523. (Data obrascheniya: 18.02.2016).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 341.342. 7

ОСНОВАНИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦА В ФРГ

Адельсеитова А. Б., Плотникова Э. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются актуальные проблемы определения правового статуса беженцев в законодательстве ФРГ. При исследовании оснований приобретения правового статуса беженца в законодательстве государства ФРГ было выявлено отличие беженцев от других категорий мигрантов. Понятие «беженец» включает критерии, при наличии которых лицо либо признается беженцем, либо не может быть признано таковым. Авторы рассматривают основания приобретения правового статуса беженца как в рамках национального законодательства ФРГ, так и в пределах международного права. В работе подробно анализируются требования к соискателю статуса беженца. На основе анализа положений Закона ФРГ «О предоставлении убежища» формулируются выводы и предложения по совершенствованию законодательства ФРГ.

Ключевые слова: беженец, миграция, международные акты, национальное законодательство.

Одной из актуальных мировых проблем является проблема непрекращающегося потока беженцев и мигрантов с Ближнего Востока и Африки. Одной из основных тем 52 Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2016 г.) являлось обсуждение миграционной проблемы и путей ее преодоления. Этот вопрос является особо актуальным для Федеративной Республики Германии, так как именно большая часть миграционных потоков направлена в это государство.

Рассмотрение вопросов о фактическом значении статуса беженца определено лишь формальным подтверждением его права на применение к нему международных способов защиты или убежища. Это право подтверждается в международных конвенциях о статусе беженцев, которые будут рассмотрены далее в статье. Формально приобретение такого права влечет определенные правовые последствия, заключающиеся в правовом положении какого-либо беженца или определенной группы, которые удовлетворяют необходимым правовым критериям. Это означает, что любое лицо признается беженцем с момента, когда его положение будет соответствовать этому определению.

Исходя из сказанного, факт того, что статус беженца установлен, не делает лицо беженцем, а только объявляет его таковым. Зачастую проблемы возникают тогда, когда обязанные государства, не соблюдая международные правовые нормы, отказываются предоставлять человеку статус беженца. Общие правовые нормы предполагают, что защита беженцев заключается не только в принятии государством иностранного гражданина на своей территории, но и в согласии не высылать его в ту

страну, в которой существует угроза преследования человека [1]. Следует отметить, что поток беженцев в развитые страны Европы в настоящее время состоит не только из выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, но и из граждан балканских государств. Власти Германии считают, что они имеют гораздо меньше оснований считаться беженцами, так как им не грозят политические репрессии и на территории их стран не идут боевые действия.

С момента получения формального статуса лицом, которое ищет убежище, у беженца появляется совокупность прав, а также обязанностей. Именно совокупность прав и обязанностей, а также возникший характер правоотношений между субъектами и беженцами, характеризует юридическое положение данного лица в том или ином государстве.

Высшим звеном, которое определяет правовое положение индивида и государства является институт гражданства, существующий в данной стране. Исходя из этого, только наличие гражданства той страны, которая приняла соискателя, дает гарантии его защиты, а также возможность пользоваться полным аспектом предоставленных ему этим государством прав. Сама специфика правового статуса беженца определена его положением, а именно гражданской принадлежностью к той стране, где ему не гарантированы основные права и свободы человека. Именно это и становится причиной поиска убежища и защиты в другом государстве.

Результатом бегства становится то, что страна, дающая убежище человеку, предоставляет ему вместе с этим совокупность прав и обязанностей, которые заменяют аналогичные по юридической значимости права и обязанности в стране гражданской принадлежности.

Исходя из вышеописанного, становится неоспоримым то, что данные отношения выходят за границы национального законодательства и регулируются правовыми нормами международного права, основой которых является признание общечеловеческих прав, а также свобод. Вместе с этим, приобретая статус беженца в конкретном государстве, автоматически определяется и правовой статус беженца исходя из норм национального законодательства, которое действует на территории страны, куда прибывает человек, которое, соответственно, распространяется и на граждан данного государства [6, 10].

Проводимое исследование показывает, что все проблемы правового статуса беженца на протяжении многих лет являются предметом пристального внимания многих ученых правоведов. Однако несмотря на большое количество литературы, которая освещает данные вопросы, исследования носят зачастую фрагментарный и дискуссионный характер бесконечной правовой оценки проблемных и спорных моментов.

Наиболее важным научно-практическим вкладом в изучение проблем правового положения беженцев, который внесли ученые правоведы, являются труды Л. Н. Шестакова, посвященные обзору законодательства, регулирующего вопросы предоставления убежища в ведущих зарубежных государствах, в том числе ФРГ, а также комплексный анализ вопросов гражданства в Германии. Однако в большинстве своем этот анализ проводится исходя из исторических аспектов развития института беженцев и гражданства ФРГ. Также обзорная информация представлена в работе Г. Менца и других ученых. Несмотря на существование достаточно большого количества публикаций и трудов, освещающих данную сферу отношений, на се-

годняшний день специальный и комплексный анализ правового статуса беженца в ФРГ, который был бы предоставлен на основании материалов современной законодательной базы Германии, при учете последних политико-экономических и политико-юридических изменений сделан достаточно ограниченно.

Законодательство Германии о беженцах представляет собой упорядоченную систему законодательных, а также административных актов, которые осуществляют регулирование приема, размещения, а также социальную и профессиональную интеграцию беженцев из разных государств. Правовой статус беженцев регулируется, помимо общих законодательных норм, и специальными законами для данных групп населения. Общие правовые основы, которые касаются вопроса беженцев, заложены в основном Законе Германии. Однако основополагающее значение имеет Закон ФРГ по делам изгнанных и беженцев, принятый 19 мая 1953 года. Данный закон внес четкое толкование понятия «беженец», а также выявил круг лиц, которые попадают под его действие. Следует отметить, что ранее в статье 16 Основного Закона Германии политически преследуемые лица были наделены индивидуальным статусом о праве убежища в ФРГ. Таким образом, следует, что законодательные акты имеют персональную сферу применения. Это означает что свою принадлежность к категории беженцев каждый из них должен доказывать индивидуально.

Правовой статус и понятие «беженец» определены нормами международного права, которые содержатся в двух основных действующих документах: Конвенции ООН 1951 года «О статусе беженцев» (г. Женева 28.07.1951); Протоколе к Конвенции 1967 г.

Правовой основой регулирования отношений между отдельными категориями лиц, составляющих население государства ФРГ, является Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколы к ней. Также регулируют данные отношения: Декларация ООН о территориальном убежище 1967 г., Нью-Йоркский протокол 1967 г., Шенгенское законодательство, Дублинская конвенция 1990 г., Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 г. и еще несколько десятков международных договоров и соглашений.

В системе ООН для содействия решению вопросов, связанных с правовым статусом беженцев, образовано Учреждение по делам беженцев (Устав Управления принят Резолюцией ГА ООН 428 (V) от 14 декабря 1950 г.). Если говорить о возможности получения статуса беженца в ФРГ, то он регламентирован специальным актом – Asylverfahrensgesetz. Этот документ стал основанием для Федерального ведомства, которое занимается вопросами предоставления статуса беженца иностранным гражданам (Bundesamt für die Anerkennung ausländischer Flüchtlinge). Данное ведомство уполномочено принимать решения по этой категории иностранцев, принимать от них заявления, а также препятствовать их депортации. Однако на сегодняшний день у данного ведомства не существуют каких-либо четких инструкций по этому поводу, исходя из чего его служащие могут действовать по своему усмотрению [5]. Протокол 1967 года распространяет действие конвенции 1951 года на новых беженцев, то есть тех, которые хотели получить свой статус после событий, которые произошли после 1 января 1951 года. Этот документ с юридической точки зрения является самостоятельным, и к нему может присоединиться любое государство, которое не является участником Конвенции 1951 года. И если государство

присоединяется к протоколу, то в этом случае оно берет на себя комплекс обязательств по применению конвенции в отношении тех лиц, которые попали под определение конвенции и стали беженцами. Если же государство присоединяется только к протоколу, оно не может вносить географическую оговорку. В протоколе указан перечень статей, в соответствии с положениями которых государство не может вносить оговорки. К таким относятся: определение самого понятия «беженец»; запрет на дискриминацию беженцев по расовым и религиозным признакам, а также стране происхождения; свобода вероисповедания; право на обращение в суд; запрет на принудительное возвращение беженцев; информация о национальных законодательных актах и заключительные положения конвенции.

Практически все основные соглашения, которые регулируют положение беженцев, получили всеобщее признание. Около 150 государств ратифицировали конвенцию 1951 года. И в конце концов Конвенция и Протокол сегодня являются отправной точкой для установления правовых стандартов нуждающимся в получении и получившим статус беженца [7]. Исходя из этого, ратификация Конвенции и Протокола непосредственным образом влияет на национальное право. К примеру, парламентом ФРГ принят закон от 1 сентября 1953 года, которым одобрены положения Конвенции. Германия приняла ряд специальных законов, которыми закреплены все необходимые аспекты, определяющие правомочность лиц на получение статуса беженца [6].

Исходя из этого, национальное законодательство Германии не может принципиально противоречить положениям Конвенции и Протоколу.

Согласно положениям статьи 16 основного закона Германии и условиям Женевской Конвенции (в ее понимании представителями уполномоченных служб Германии), статус беженца предоставляется тем, кто был подвержен политическим преследованиям в стране исхода. Помимо этого, лицо может претендовать на право получения гуманитарного убежища, исходя из положений Европейской конвенции о правах человека, в том случае, если оно было подвержено преследованию, которое выражалось в явном нарушении прав человека.

После прохождения соискателем процедуры, в ходе которой рассматривается его заявление, и определяются основания, которые могли бы стать достаточными для предоставления статуса беженца, и по этому вопросу представители уполномоченного ведомства выносят решение. В случае отказа в предоставлении такого статуса власти Германии могут разрешить лицу остаться на территории страны, если юридические причины препятствуют возможности его высылки (статус *Duldung*). Существует и ряд положений, которые прописаны в Законе «Об иностранцах», устанавливающие основания для получения лицом правового статуса беженца в Германии.

Согласно Закону об иностранцах Германии, такие положения могут касаться:

- Супруга иностранца и его детей (им предоставляется вид на жительство);
- Лиц, которые признаны политическими беженцами и обладают возможностью получить права на пребывание в течение 5 лет в Германии;
- Лиц, которые признаны политическими беженцами, однако по веским причинам могут быть высланы из страны;

- Иностранцев подавших заявление, которые не могут быть высланы из страны до окончания рассмотрения дела об их высылке;

- Лиц, которые не могут быть выдворены из страны, если их жизни и свободе угрожает опасность по каким-либо причинам в их родной стране;

- Высшим органом власти федеральной земли может быть вынесен акт (распоряжение) об отсрочке выдворения лица из страны сроком не более чем на полгода и т. д.

Законодательство Германии предусматривает возможность получения лицом от властей жилья, а также социальной поддержки на время рассмотрения заявления о предоставлении статуса беженца. Некоторые немецкие земли предоставляют и продовольственную помощь, и карманные деньги. В других федеральных землях предоставляют ваучер или кредитные карты, а через год разрешают работать в местах, где отказываются работать люди, имеющие более высокий статус.

Однако законодательство запрещает открывать в этих случаях свое дело, но детям не запрещено посещать школьные и дошкольные учреждения с момента предоставления статуса беженца [5, 12].

Германия предоставляет более высокие социальные льготы тем, кто получил право на «Большое убежище» (Конституция ФРГ). В этом случае беженец получает достаточно большой объем социальных прав (на проживание и т. д.) в сравнении с правами лиц, получивших «Малое убежище» (согласно § 51.1 Закона об иностранцах Германии и Женевской конвенции 1951 г.).

Основным правовым аспектом, который определяет возможность получения статуса беженца в Германии, является соответствие соискателя требованиям Закона «О предоставлении убежища» – *Asylverfahrensgesetz (AsylVfG)*. Согласно многим законам Германии и Закону «О предоставлении убежища», такое право получают лица, которые на своей родине подвергаются различным преследованиям за политические убеждения представителями государственной власти, а также если такие угрозы исходят не только от правящих партий, но и других общественных организаций либо формирований и если такое преследование угрожает жизни и здоровью, человеческому достоинству данного лица.

Основанием для возможного получения статуса беженца, согласно законам Германии, могут послужить и преследования на почве религиозной, расовой или национальной принадлежности, в том числе и принадлежности к каким-либо социальным группам. Фактором, способствующим принятию положительного решения, в этом случае является наличие неоспоримых доказательств всего вышеуказанного. Как правило, представители Федерального ведомства, принимая решение, подходят к наличию оснований достаточно субъективно, и возможность применения четких правовых норм по отношению к заявителю в таких случаях носит со стороны представителей Германии весьма неопределенный характер [3].

Например, представители Федерального ведомства не всегда считают военные действия на территории страны – родины беженца основанием для предоставления заявителю статуса беженца. Однако во многих случаях существуют и исключения, которые могут значительно повлиять на принятие положительного решения властями Германии [5, 6, 12].

Это те обстоятельства, которые делают фактически невозможным для заявителя или его семьи дальнейшее пребывание в родной стране. При этом данные факты

должны быть зафиксированы в предоставленных оригиналах документов. Заявление на предоставление убежища подаются на границе Германии, а также в пограничной службе или на территории страны: в различных региональных представительствах Федерального ведомства, в отделениях полиции, в управлении по делам иностранцев.

Посольство Германии не принимает просьбы о предоставлении убежища. Если заявление подается на погранслужбе с «безопасной» страной, а для Германии все граничащие с ней страны являются «безопасными», или при этом отсутствует немецкая виза, то Дублинская конвенция в этом случае предусматривает выдачу заявителю отказа. Несмотря на то, что подать заявление о предоставлении убежища можно в аэропорту сразу же после прилета самолета, на практике в таких случаях довольно высока степень опасности для заявителя быть депортированным практически немедленно или через некоторое время. Предоставить статус беженца в аэропорту могут только в местах, где есть закрытые лагеря для этой категории лиц (Франкфурт-на-Майне, Мюнхен, Дюссельдорф, Берлин).

Оказавшись в таком лагере, заявитель, как правило, ограничен в получении адвокатской помощи, а также в помощи общественных организаций, а условия в таких лагерях достаточно плачевные. И можно сказать, что вышеуказанная процедура, проходящая в аэропорту, отличается гораздо большей жесткостью контроля, а также сложностью. Она включает в себя большое количество этапов, на которых заявитель может быть депортирован без подробного рассмотрения его дела. Как правило, такую процедуру проходят лица, имеющие билеты в другую страну и через Германию летящие транзитом. При наличии визы в соседнюю, «безопасную» страну пограничники Германии депортируют «беженца» туда.

В процессе прохождения всех процедур заявитель должен дать пограничникам пояснение по поводу того, что он является беженцем и просит предоставления убежища. После такого заявления пограничники проведут допрос заявителя, в котором последний должен сообщить сведения о себе. Как правило, после этого пограничники проводят тщательный обыск. В допросе нужно в общих чертах дать информацию обо всех преследованиях, которым лицо подвергалось, и предоставить подтверждающие документы.

В первую очередь после этого будет принято решение о том, будет ли лицу отказано во въезде в Германию. Такое решение принимают пограничники, после чего с заявителем будет проведено интервью сотрудниками Федерального ведомства. Весь период этого времени заявитель будет проживать в лагере для беженцев, который расположен на территории аэропорта. В период этого времени беженец обладает правом подачи апелляции, однако получить консультацию, как правильно это сделать, у таких людей практически нет возможности.

Государство не берет на себя обязательства в таких случаях предоставлять адвоката. Также такая процедура подачи заявления может быть проведена на территории ФРГ. Заявление будет считаться поданным, если из всех устных либо письменных пояснений будет понятно стремление данного лица получить защиту от всех политических преследований и от возможной депортации в небезопасную страну. Если подобное заявление подается в отделении полиции, то заявитель будет направлен в ближайшее подразделение Федерального ведомства для того, чтобы заявление было заполнено в соответствии с необходимой формой. Такая процедура

должна выполняться в короткий срок заявителем, поскольку пребывание такого лица в Германии заканчивается через 2 недели.

Федеральное ведомство запрашивает паспорт или документ, удостоверяющий личность. При этом сотрудники ведомства отразят данные в заявлении и возьмут отпечатки пальцев заявителя, уточнят язык общения, а также наличие у заявителя места для ночлега в лагере беженцев. При отсутствии удостоверяющих личность документов заявление должно быть все равно принято ведомством, а также лицо не может быть арестовано или депортировано по этой причине. После заполнения необходимой формы заявления о предоставлении убежища заявитель получает статус лица, которое ищет убежища, а также разрешение на проживание.

Именно с этого времени начинается рассмотрение поданного заявления. Сотрудники ведомства на протяжении нескольких последующих дней сообщают заявителю дату прохождения интервью у сотрудника Федерального ведомства [5, 8, 9].

Проведение первого интервью является центральным и наиболее важным с точки зрения властей Германии для определения статуса заявителя. Как правило, принятое Федеральным ведомством решение основано на материалах именно этого интервью. Федеральное ведомство предоставит в случае необходимости переводчика. Также законы Германии наделяют заявителя правом иметь своего переводчика. При наличии доказательств, которые обуславливают бегство заявителя из страны, их необходимо предоставить. Инвалиды могут просить для проведения интервью специальных сотрудников. Женщины могут просить, чтобы их опрос проводила женщина. После исследования предоставленной заявителем информации о личности, составе семьи, профессии и т. д. сотрудники Федерального ведомства тщательно исследуют вопрос маршрута, по которому беженец следовал по пути в Германию. Заявителю в этом случае после окончания интервью высылается протокол, до момента, когда решение будет принято. Федеральные ведомства, как правило, принимают во внимание те обстоятельства, которые препятствуют проведению депортации лица в страну исхода. В случае если представители ведомства или полиция обнаружат доказательства пребывания лица в Германии более длительное время, чем это позволяет закон, то последний будет признан нелегально находящимся на территории Германии и арестован. Ответ Федерального ведомства после проведения интервью заявитель, как правило, получает по истечении нескольких недель. При этом возможны следующие варианты решений:

- Согласно положений статьи 16.1 основного закона ФРГ, заявитель получает статус беженца – так называемое «большое убежище».
- Согласно положений Женевской конвенции 1951 года (статьи 33.1) и параграфа 51.1 Закона об иностранцах, лицо получает статус беженца – так называемое «малое убежище».
- Также, исходя из положений параграфа 53 Закона об иностранцах, заявитель может получить убежище по гуманитарным соображениям.
- Принимается решение о депортации в «третью безопасную страну».
- Заявление о предоставлении убежища может быть отвергнуто.
- Решение о том, что заявление о предоставлении убежища может быть отвергнуто как «очевидно необоснованное».

Большое убежище, или нормальный статус беженца, дает лицу большой объем социальных прав, а также прав на жительство, по сравнению с объемом прав, которым наделяет беженцев предоставление статуса беженца по гуманитарным причинам при предоставлении малого убежища. Последнее предполагает защиту от возможной депортации.

Так же, как и многие европейские страны, ФРГ не берет на себя ответственность за рассмотрение заявления лица, в случае если он имел возможность подать его в безопасной стране на пути в Германию. Согласно применяемых Германией положений Дублинской конвенции, заявление будет рассмотрено положительно, если: лицо, его подавшее, прибыло в Германию непосредственно из страны своего проживания или из небезопасной страны на пароходе или самолете; лицо прибыло по визе, которую выдало посольство Германии; в Германии проживают близкие родственники, получившие убежище; лицо не может быть выслано в страну, которая считается безопасной и через которую он транзитом попал в Германию, поскольку эта страна отказывается принять обратно заявителя.

Положения Дублинской конвенции определяют, что именно страна, предоставившая визу, по которой был осуществлен въезд в Германию, и несет ответственность за рассмотрение заявления лица, которое просит получения статуса беженца.

Исходя из анализа положений Закона о предоставлении убежища в Германии, на наш взгляд, существует проблема определения возрастного ценза в получении статуса беженца, а именно возраста, с которого самостоятельно лицо может подать заявление. Также зачастую соискатели не в состоянии самостоятельно определить реальность той угрозы, которая, по их мнению, является основанием для подачи заявления (согласно законам Германии, в обязанность властей не входит предоставление адвокатских услуг заявителю, который смог бы разъяснить все нюансы законодательства, регламентирующего данную сферу отношений). Достаточно серьезной проблемой является подача заявления лицом, которое прибывает в Германию транзитом через безопасное государство. То есть самолет – это практически единственный способ добраться до Германии, где беженец собирается попросить о предоставлении статуса беженца, минуя «безопасную» страну на пути следования заявителя.

Еще одним мотивированным отказом в предоставлении статуса беженца может являться и то, что до момента принятия решения сотрудниками Федерального ведомства соискатель покидал страну и выезжал на свою родину, то есть место своего предыдущего проживания. С 1 января 2015 года власти Германии отменили запрещающие нормы, которые ограничивали возможности беженца, который ожидает принятия решения, покидать место постоянного проживания. Однако существуют определенные обстоятельства, при которых сотрудники ведомства могут запретить беженцу осуществлять свободное перемещение по стране, нарушение такого запрета приведет к штрафу, а повторное нарушение – к возбуждению уголовного производства в отношении нарушителя (с вытекающими последствиями).

Также любая фальсификация предоставляемых властям сведений может послужить причиной вынесения отрицательного решения по данному вопросу, к примеру, подача в визовый отдел или консульство, посольство, где открывалась шенгенская виза, ложной информации о цели посещения страны [9, 11, 12].

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что опыт построения политики по отношению к беженцам в Федеративной Республике Германии содержит много

противоречивых моментов. Безусловно, национальное законодательство Германии выгодно отличается от других европейских государств умением быстро и своевременно реагировать на меняющуюся международную общественно-политическую, а также международную ситуацию, связанную с беженцами.

Несмотря на это, исходя из анализа последних событий, можно сказать, что немецкая модель национального законодательства касемо вопросов беженцев содержит многочисленные противоречия, так как построена на постоянном взвешивании всех элементов системы льгот и запретов, предоставляемых последним. Так, например, лицам, желающим получить статус беженца в Германии, на время процедурного вопроса предоставляется жилье, в отличие от многих европейских стран, однако при этом на них накладываются достаточно серьезные запреты и ограничения на перемещение внутри страны. Существующие противоречия между реальным положением дел и правовой формализацией негативно отражаются на интеграционном потенциале общества и на самочувствии в нем беженцев, которые в Германию в последнее время прибывают в достаточно большом количестве.

В современной Германии налицо ужесточение миграционной политики, обусловленное, как это объясняют представители власти тем, что беженцы зачастую являются источником угрозы безопасности общества и государства. Анализ немецкой юридической литературы и отдельных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы, связанные с правовым положением беженцев, режимом иностранных граждан и получением политического убежища, свидетельствует о том, что и в будущем можно ожидать ужесточения государственной политики в отношении лиц, претендующих на политическое убежище в ФРГ.

Представители различных партий немецкого государства высказываются за принятие законов, которые бы предусматривали квоты или существенно ограничили количество иностранцев, получающих или желающих получить политическое убежище. То есть существующее национальное Законодательство Германии, регулирующее вопросы беженцев, как и международные правовые нормы в этой сфере отношений, являются жизнеспособными и действенными только в единичных случаях. В условиях же массового «нашествия» беженцев законодательство перестает действовать, проявляя все признаки несостоятельности и несовершенства.

Для того, чтобы реализовать все необходимые положения касемо беженцев, Германия должна на законодательном уровне внести изменения, которые дали бы правовую возможность внедрить определенные процедуры, способствующие справедливому и эффективному рассмотрению заявлений лиц, обращающихся за получением защиты, с включением в этот перечень определенных мер, обеспечивающих доступ к этой процедуре и обозначающих четкую компетенцию представителей власти и Федерального ведомства, ответственных за их проведение. Аналогичные требования перечислены в Резолюции Государств Европейского Союза 1995 г. (Статья 3. III как минимальные гарантии эффективности процедуры предоставления убежища. Также эффективным может быть внесение в национальное законодательство поправок, которые предоставили бы возможность лицам, попадающим под определение субъектов обладающих правом получения статуса беженца, получить большую часть гражданских прав страны, предоставивший им такой статус, а не формального получения гражданства.

Список литературы:

1. Конвенция ООН 1951 года о статусе беженцев и Протокол 1967 года о статусе беженцев // Действующее международное право. В 3-х томах / Сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. Том 1. – М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1996. – С. 283–302.
2. Резолюция Совета Европейского союза от 20 июня 1995. [Электронный ресурс] URL: <http://reflaw.narod.ru> (дата обращения 12.02.2016).
3. Закон о пребывании, трудовой деятельности и интеграции иностранцев на территории ФРГ (закон о пребывании в ФРГ – AufenthaltG) от 30.07.2004 [Электронный ресурс] URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/> (дата обращения 14.02.2016).
4. Конституции зарубежных государств. Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфотропик, 2012. – 640 с.
5. Закон ФРГ «О предоставлении убежища» – Asylverfahrensgesetz (AsylVfG) [Электронный ресурс] URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/> (дата обращения 14.02.2016).
6. Потапов В. И. Правовой статус беженцев в современном международном праве [Электронный ресурс] URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=53634> (дата обращения 14.02.2016).
7. Гудвин – Гилл Г. С. Статус беженца в международном праве / The refugee in international law / Пер. с англ. под ред. М. И. Левиной. – М.: ЮНИТИ, 1997. – 648 с.
8. Протокол, касающийся статуса беженцев (Нью-Йорк, 31 января 1967 года). [Электронный ресурс] URL: <http://old.lawru.info/> (дата обращения 14.02.2016).
9. Дублинская конвенция 1990 года определяющая государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейского Сообщества. [Электронный ресурс] URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/asylum/Reunion3.3.1.html/> (дата обращения 14.02.2016).
10. Воронина Н. А. Международное право и проблемы правового регулирования положения внутри-перемещенных лиц // Юрист-международник – INTERNATIONAL LAWYER. – № 3, 2015. – С. 24.
11. Ануфриева Л. П., Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Международное публичное право. – М., 2012. – С. 501.
12. Андриченко Л. В. Международно-правовая защита беженцев и лиц, перемещенных внутри страны // Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты: Сборник статей / Под ред. д. ю.н., профессора, академика РАЕН и ПАНИ В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2004. – С. 116.

Adelseitova A.B., Plotnikova E. Grounds for the acquisition of legal refugee status in Germany //

Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 191 – 201.

This article raises the question of topical problems of definition of refugee's legal status in legislation of Federal Republic of Germany. Analyzing the legal status of different categories of citizens in the state's legislation, there was revealed a difference between refugees and other categories of migrants. The concept «refugee» includes as positive features when the person is granted refugee status as negative peculiarity – when the person can't be a refugee or stops being a refugee. Article considers the purchase base of getting of refugee's legal status both within the national legislation of Germany and within international law. In article author analyzes in detail the requirements for an applicant for refugee status, the provisions of the German Law "On Asylum".

Keywords: refugee, migration, international acts, national legislation.

Spisok literaturyi:

1. Konventsiya OON 1951 goda o statute bezhentshev i Protokol 1967 goda o statute bezhentshev // Deystvuyushchee mezhdunarodnoe pravo. V 3-kh tomakh / Sost.Yu.M.Kolosov i E.S.Krivchikova. Tom 1. – M.: Izd-vo Moskovskogo nezavisimogo instituta mezhdunarodnogo prava, 1996.– S. 283–302.

2. Rezolyutsiya Soveta Yevropeyskogo soyuza ot 20 iyunya 1995. [Elektronnyy resurs] URL: <http://reflaw.narod.ru> (data obrashcheniya 12.02.2016)
3. Zakon o prebyvanii, trudovoy deyatel'nosti i integratsii inostrantsev na territorii FRG (zakon o prebyvanii v FRG – AufenthG) ot 30.07.2004 [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/>(data obrashcheniya 14.02.2016)
4. Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv. Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Yevropeyskiy soyuz, Soedinennyye Shtaty Ameriki, Yaponiya / sost. sb., per., avt. vved. i vstup. st. V. V. Maklakov. — 8-e izd., pererab. i dop. — M. : Infotropik, 2012. - 640 s.
5. Zakona FRG «O predostavlenii ubezhishcha» – Asylverfahrensgesetz (AsylVfG) [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/> (data obrashcheniya 14.02.2016)
6. Potapov V. I. Pravovoy status bezhentsv v sovremennom mezhdunarodnom prave [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=53634> (data obrashcheniya 14.02.2016)
7. Gudvin – Gill G. S. Status bezhentsa v mezhdunarodnom prave. /The refugee in international law / Per. s angl. pod red. M. I. Levinoy. — M. : YuNITI, 1997. — 648 s.
8. Protokol, kasayushchiysya statusa bezhentsv (Nyu-York, 31 yanvarya 1967 goda). [Elektronnyy resurs] URL: <http://old.lawru.info/> (data obrashcheniya 14.02.2016)
9. Dublinskaya konventsiya 1990 goda opredelyayushchaya gosudarstvo, otvetstvennoe za rassmotrenie khodataystv o predostavlenii ubezhishcha, podannykh v odnom iz gosudarstv-chlenov Yevropeyskogo Soobshchestva. [Elektronnyy resurs] URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/asylum/Reunion3.3.1.html/> (data obrashcheniya 14.02.2016)
10. Voronina N. A. Mezhdunarodnoe pravo i problemy pravovogo regulirovaniya polozheniya vnutriperemeshchennykh lits // Yurist-mezhdunarodnik – INTERNATIONAL LAWYER. — № 3, 2015. — S.24
11. Anufrieva L. P., Bekyashev D. K., Bekyashev K. A. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. — M., 2012. — S. 501.
12. Andrichenko L. V. Mezhdunarodno-pravovaya zashchita bezhentsv i lits, peremeshchennykh vnutri strany // Migratsiya, prava cheloveka i ekonomicheskaya bezopasnost sovremennoy Rossii: sostoyanie, problemy, effektivnost zashchity: Sbornik statey / Pod red. d. yu.n., professora, akademika RAYeN i PANI V. M. Baranova. Nizhniy Novgorod, 2004. — S. 116.

УДК 341.217 "1902/1958"

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО (ПАНАМЕРИКАНСКОГО) САНИТАРНОГО БЮРО (1902–1958 гг.)

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Международное санитарное бюро, предшественник Панамериканской организации здравоохранения, было создано в 1902 г. во время первой международной встречи, посвященной проблемам здравоохранения Западного полушария. Оно имело честь быть первым международным учреждением здравоохранения с собственным секретариатом. Основной функцией бюро было курировать межамериканские карантинные правила и действовать в качестве центра международного обмена информацией об эпидемиях, имеющих международное значение. Членами организации были такие государства как США, Канада, Аргентина, Бразилия, Мексика, Венесуэла, Колумбия и др. Секретарь Панамериканского санитарного бюро д-р А. А. Молльв 1946 г. заявил, что бюро было самым старым из всех международных организаций здравоохранения. Аналогичные заявления делались часто. Например, д-р Фред Сопер двумя годами позже описал бюро как первую международную организацию здравоохранения. На этапе своего формирования организация претерпела различные изменения и даже находилась на краю краха, но все это не позволило ее уничтожить вследствие преследования единой цели – спасения жизней и обеспечения нормальной жизнедеятельности населения не только Американского континента, но и всего мира.

Ключевые слова: Панамериканское санитарное бюро, история здравоохранения, международное сотрудничество, санитарная конференция, санитарная организация, борьба с эпидемиями.

Главы американских стран озабочены быстрым распространением опасного вируса Зика из Южной Америки в другие страны мира. Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Маргарет Чен заявила, что вирус Зика «теперь распространяется взрывообразно» в Америке, с официальной оценкой от 3 млн до 4 млн случаев инфекции в регионе в течение 12-месячного периода. По данным департамента здравоохранения, вирус был подтвержден у путешественников, возвращающихся из Арканзаса, Калифорнии, Флориды, Гавайи, Иллинойса, Массачусетса, Миннесоты, Нью-Джерси, Нью-Йорка, Орегона, Техаса, Вирджинии и округа Колумбия. По словам М. Чен, заболевание распространено в 23 странах и на территории Южной и Северной Америки.

32 задокументированных случая были зафиксированы в 12 штатах и округе Колумбия, хотя все заболевшие здесь люди заразились в других странах [1]. В конце января 2016 г. Панамериканская организация здравоохранения (далее – ПАОЗ) известила о случаях заражения вирусом Зика в Коста-Рике, Кюрасао, Ямайке и Никарагуа [2]. В Бразилии – стране, наиболее пострадавшей от вспышки – расследуется 3,670 предполагаемых случаев микроцефалии у детей, связанных с вирусом Зика. Министерство здравоохранения также сообщило, что под подозрение попало 76 младенческих смертей от микроцефалии, обнаруженных либо во время беременности, либо сразу после рождения [3].

На повестке дня межгосударственных отношений США, а также международных, стоит вопрос о предотвращении распространения опасного вируса, а также недопущении его передачи другим странам. К этой работе активно подключилась Панамериканская организация здравоохранения, которая уже более 100 лет проводит борьбу с инфекционными заболеваниями. Настоящее исследование актуально тем, что предоставит анализ формирования и причины преобразования данной организации, а также обозначит средства и методы, которые были использованы для остановки эпидемий. В свою очередь, такие данные могут стать полезной ресурсной базой в новых не простых эпидемиологических условиях.

Исследованием создания и деятельности организации занимались такие ученые как Т. С. Сорокина, N. Howard-Jones, D. P. Fidler, A. Cliff, M. Smallman-Raynor, M. Cueto, A. Auer, J. E. Guerrero Espinel, B. J. Lloyd M. D., T. Hanrieder, J. Youde, S. Palmer, Y. Beigbeder, K. Lee, J. Fang [4–15].

В течение XIX в. в США неоднократно были зарегистрированы вспышки холеры, завезенной в основном европейскими иммигрантами, которых насчитывалось 6 192 240 человек за период с 1881 по 1890 г., и желтой лихорадки, появившейся вследствие заключения морских соглашений с Южной и Центральной Америкой и Кубой. В Европе попытки достичь соглашения по международным карантинным правилам, особенно в отношении холеры, происходили на санитарных конференциях, все из которых потерпели неудачу из-за недостаточных знаний этиологии и способов распространения эпидемических заболеваний [5, с. 5–6]. США не принимали участия ни в одной из этих конференций и были только одной из 16 стран, которую правительство принимающей страны (Турции) призывало не принимать приглашения на треть заседаний – несомненно, из-за последствий Гражданской войны [5, с. 6].

К 1901 г. этиология и способы распространения холеры, чумы и желтой лихорадки были достаточно изучены, чтобы использовать рациональный подход к их контролю. В этом же году, 22 октября, была открыта вторая Международная конференция американских государств в Мехико.

Среди рекомендаций конференции было то, что руководящий орган Международного союза американских республик (ныне – Организация американских государств), следует назвать «съездом» представителей администрации здравоохранения Америки.

Съезд должен также «назначить постоянный исполнительный совет из не менее 5 членов», известный как «Международное санитарное бюро» (далее – МСБ) и иметь штаб-квартиру в Вашингтоне, округ Колумбия [5, с. 7]. На него же возлагалась задача в дальнейшем разработать «санитарные соглашения и правила», целью которых будет свести к минимуму карантинные требования в отношении холеры, желтой лихорадки, бубонной чумы, оспы и «любой другой серьезной вспышки заболевания». Съезд должен был также «назначить постоянный исполнительный совет из не менее пяти членов», известный впоследствии как «Международное санитарное бюро», имеющий штаб-квартиру в Вашингтоне.

Так, соответственно, со 2 по 4 декабря 1902 г. в отеле Нью Уиллард, Вашингтон, проходил первый всеобщий Международный санитарный съезд американских республик – первая из серии встреч, как правило, проходящая раз в четыре года, позже известная как Панамериканская санитарная конференция. Съезд утвердил

комитет организации, который рекомендовал, чтобы «Международное санитарное бюро состояло из пяти членов, один из которых будет председателем этой конференции». В конечном итоге съезд постановил, что состав бюро должен быть увеличен до семи. Функцией комитета было получать сообщения относительно санитарных условий в портах и на территориях американских республик. Так как не было ни сотрудников, ни помещений, можно предположить, что необходимые средства для первоначальной работы организации были предоставлены службой общественного здравоохранения США. Кроме того, первоначальный бюджет бюро в размере 5000 долларов, который не был увеличен до 1920 г., вряд ли мог покрыть какие-либо другие расходы, кроме предельных издержек [5, с. 8].

Бюро было установлено почти немедленно после научного открытия способа передачи желтой лихорадки, – болезни, оказывающей значительное влияние на регион [15, с. 281].

Начиная с его создания в 1902 г. Панамериканское санитарное бюро (далее – ПАСБ) действовало как организация здравоохранения всех Американских штатов за исключением Канады, Ньюфаундленда и британской Вест-Индии. Бюро управляло рядом американских медицинских соглашений и предоставляло эпидемиологические, консультативные и исследовательские услуги в Латинской Америке. Как и Египетский карантинный совет, оно дополнительно служило региональной эпидемиологической разведывательной службой для Международного бюро общественной гигиены (далее – МБОГ) с 1926 г. ПАСБ было частью широкой американской системы, которая возникла в XIX ст. Создание региональной организации стало выдающимся средством предоставления технической помощи из Соединенных Штатов в Латинскую Америку во время Второй мировой войны, что, безусловно, нашло поддержку в большинстве латиноамериканских государств [11, с. 53].

Развитие Международного (Панамериканского) санитарного бюро [11, с. 54]:

1902 г. – основано как Международное санитарное бюро международных санитарных конференций Американских республик (обычно происходили каждые 4 года), со штабом в Вашингтоне и с семью сотрудниками, расположенными в пяти странах;

1923 г. – переименовано в Панамериканское санитарное бюро (ПАСБ), все еще семь участников;

1926 г. – назначено региональной эпидемиологической разведывательной службой МБОГ;

1947 г. – становится одним из четырех органов недавно установленной Панамериканской санитарной организации (ПАСО); другими органами являются Панамериканская санитарная конференция, исполнительный директор и исполнительный комитет;

1949 г. – интегрировано с ВОЗ как американское региональное отделение (АМРО), продолжает отдельно функционировать ПАСБ в пределах ПАСО;

1958 г. – ПАСО становится Панамериканской организацией здравоохранения (ПАОЗ) [11, с. 54].

Международное санитарное бюро имело честь быть первым международным бюро здравоохранения с собственным секретариатом. Основанное в 1902 г. в качестве регионального бюро здравоохранения для Северной и Южной Америки, название организации в последующем было взято для Панамериканского санитарного

бюро, Панамериканской санитарной организации и на сегодняшний день – для знакомой всем Панамериканской организации здравоохранения. Основной функцией бюро было курировать межамериканские карантинные правила и действовать в качестве центра международного обмена информацией об эпидемиях, имеющих международное значение. Желтая лихорадка была доминирующей проблемой с самого начала, хотя другие вопросы здравоохранения (вакцинация против оспы, малярии, кампании против туберкулеза, национальное санитарное законодательство) появились на повестке дня в более поздние годы [7, с. 42].

На сегодняшний день участниками организации являются такие страны как США, Канада, Мексика, Колумбия, Венесуэла, Аргентина, Бразилия, Чили, Куба, Доминика, Эквадор, Гаити, Ямайка, Панама, Перу и др. [16, с. 131–132].

В сотрудничестве с другими организациями, такими, как Фонд Рокфеллера, МСБ была начата кампания по устранению заболеваний региона. Программа продолжилась в течении 90 лет и, не достигнув поставленной цели, организация начала разрабатывать вакцину против желтой лихорадки для значительного уменьшения случаев заболевания. Бюро также собрало эпидемиологическую сводку в государствах-членах и обменяло эту информацию с МБОГ, Организацией здравоохранения Лиги Наций и Морским санитарным советом Египта. В 1923 г. организация изменила свое название на Панамериканское санитарное бюро, чтобы отличить себя от других международных организаций здравоохранения, работающих во время этого периода.

С изменением имени главные аспекты деятельности организации стали включать: 1) сбор и передачу информации о вспышках эпидемических заболеваний; 2) подготовку повестки дня для Панамериканской санитарной конференции; 3) деятельность в качестве центрального консультативного учреждения по повышению эффективности работы национальных органов здравоохранения; специальное исследование для борьбы со вспышками эпидемий и улучшение санитарно-гигиенических условий в государствах-членах. Бюро было назначено в качестве одного из региональных бюро МБОГ в рамках Международной санитарной конвенции 1926 г. [7, с. 42].

Решения о политике, программах и бюджете принимались на ежегодных Панамериканских санитарных конференциях, посещаемых государствами-членами ПАСБ [15, с. 281]. Так, например, на седьмой такой конференции, проведенной в Гаване, Куба, в 1923 г. был спроектирован Панамериканский санитарный кодекс как первое соглашение о здравоохранении, ратифицированное всеми странами Америки. Кодекс предоставил широкие функции, обязанности бюро и устойчивое юридическое основание. Он связал бюро с санитарными органами республик и даже позволил организации принимать на работу экспертов для эпидемиологических и медицинских исследований. Бюро также имело право по просьбе санитарных властей стран, подписавших документ, способствовать обмену преподавателями, врачами и экспертами в области медицины и санитарной администрации. Информация была распространена в ежемесячном бюллетене, опубликованном на всех языках, на которых говорят на континенте: английский, испанский, французский и португальский [14, с. 3] Кодекс позже послужит документом, который предотвратит попытки ликвидировать организацию [15, с. 281].

Бюро было, по существу, средством для информирования о санитарных условиях стран американского континента. Также оно было занято проведением и продвижением научных исследований по любой вспышке смертельной болезни на севере, юге, центральной Америке и Карибах, предлагало помощь в поддержке и защите здоровья населения и санитарии морских портов.

Международные органы власти в сфере здравоохранения поняли, что международная организация с широкой медицинской программой была просто необходима, чтобы справиться с мировыми проблемами здравоохранения, но ее работу все больше затрудняла слабая организация. Ввиду этого XII Панамериканская санитарная конференция создала Панамериканскую санитарную организацию – которая позже стала ПАОЗ – и установила Панамериканское санитарное бюро как его действующий орган [17, с. 38].

ПАСБ как часть американской традиции сохранилось, даже когда Панамериканский союз превратился в Организацию Американских государств в 1948 г. Однако во время создания ВОЗ независимость ПАСБ как континентальной организации здравоохранения была под угрозой. США начинали терять свои обязательства. Перед Второй мировой войной американское сотрудничество было частью изоляционизма США, все же американский вход в войну уже обозначил приоритетную смену от регионального до глобального уровня. Строя послевоенный международный порядок, американское правительство фактически отворачивалось от его обязательств перед странами Западного полушария и прекратило свою установленную практику консультации через панамериканские форумы [11, с. 53]. Начальные планы по оказанию предпочтения региональным глобальным учреждениям в пределах ООН были быстро отложены и Черчиллем и Рузвельтом, которые совместно стремились к системе ООН как к главной арене послевоенного принципа многосторонних отношений [11, с. 53–54]. Эта общемировая тенденция к объединению усилий, которая сформировала учреждения безопасности ООН, Бреттон-Вудскую систему и ранние специализированные агентства, такие как Организация ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, была очевидной угрозой для американской традиции, основанной на изоляционизме.

Обязательства США также сокращались относительно своей континентальной организации здравоохранения, которая в любом случае никогда не была сильной организацией. ПАСБ действовало с крошечным регулярным бюджетом приблизительно 115000 долларов США. И пострадало от его близкой полной зависимости от прикомандированных сотрудников службы здравоохранения США. Для всех целей и задач главный врач службы здравоохранения США служил директором бюро, которое с 1924 г. было обеспечено одним сотрудником, и средства бюро состояли из одного одноместного номера в учреждении Панамериканского санитарного союза. Однако далее, с 1942 г., американское правительство все более и более отворачивалось от бюро и начало работать через двусторонние каналы вместо бюро. Финансирование Америкой международного здравоохранения таким образом было перемещено к ее недавно созданному Институту межамериканских дел, и были сделаны приготовления для того, чтобы работать через ВОЗ, как только она начнет функционировать. Как следствие, финансовое положение ПАСБ стало настолько острым, что в 1947 г. оно было на краю краха [11, с. 54].

Тем временем Экономический и Социальный Совет Организации Объединенных Наций принял решение созвать международную конференцию для создания единой международной организации здравоохранения, и в марте 1946 г. Технический подготовительный комитет встретился в Париже, чтобы подготовить предложения для конференции. Первое предложение, за которое девять членов комитета голосовало, было то, что должна быть «трансформация уже существующих организаций», чтобы стать региональным бюро ВОЗ. Согласно второму предложению, которое получило шесть голосов, «специальные меры» должны быть предприняты к существующим региональным организациям, которые сохраняли бы их самостоятельную принадлежность. Решением Международной конференции здравоохранения, как сформулировано в Конституции ВОЗ, было то, что каждая региональная организация должна быть «составной частью» ВОЗ (ст. 45), и, в частности, что Панамериканское санитарное бюро должно быть «интегрировано» с ВОЗ «в кратчайшие сроки» (ст. 54). Эти статьи в своем понимании обозначают слово «интегрироваться» как «целиком и полностью стать частью единой организации» [5, с. 17–18].

На это решение отреагировало ПАСБ, собрав двенадцатую панамериканскую конференцию, которая проходила в Каракасе, Венесуэла, с 11 до 24 января 1947 г. Участвовали делегаты из 20 республик Западного полушария, все из которых подписали устав (Конституцию) ВОЗ. Можно предположить, что первой задачей этих делегатов было рассмотреть, как конституционное требование ВОЗ об интеграции и, как следствие, роспуск Панамериканского санитарного бюро могут быть достигнуты наиболее благополучно. Однако региональная сплоченность участников была сильнее развита, чем верность букве устава ВОЗ. В итоге появилось решение объединить отдельные единицы Панамериканского санитарного бюро в «Панамериканскую санитарную организацию» (ПАСО), состоящую из четырех органов: Панамериканской санитарной конференции, Управляющего Совета, Исполнительного комитета и Панамериканского санитарного бюро. Таким образом, в новой Конституции Панамериканской санитарной организации Панамериканское санитарное бюро было формально не «исполнительным советом», а штаб-квартирой и секретариатом региональной организации [5, с. 17–18].

Для новой организации осталось прийти к рабочему соглашению со Всемирной организацией здравоохранения, и это было достигнуто 22 апреля 1949 г., когда Генеральный директор Панамериканского санитарного бюро (д-р Фред Сопер) подписал официальное соглашение, которое было утверждено 30 июня того же года на второй Всемирной ассамблее здравоохранения. Оно обеспечило, что Управляющий совет (и каждый четвертый год – Панамериканская санитарная конференция) и ПАСБ должны «служить соответственно в качестве регионального комитета и регионального бюро» ВОЗ для Западного полушария, и что «в знак уважения к традициям, обе организации сохраняют за собой свои соответствующие имена...» (ст. 2) [5, с. 17–18].

После 45 лет существования в различных формах ПАСБ наконец-то обзавелось собственным помещением в 1947 г. в виде арендованного дома на 2001 Коннектикут-Авеню в Вашингтоне, округ Колумбия. В течение следующего года бюро арендовало также два соседних дома, но и этого скоро оказалось недостаточным, и в 1952 г. приобрело, с помощью беспроцентных займов от компании «Келлогг» и Фонда Рокфеллер, соседние здания на 1501 по 1515 на Нью-Гэмпшир-Авеню (Дю-

пон-Серкл). В 1965 г. ПАСБ переехало, благодаря 5 000 000 дол. субсидии из Фонда Келлога, в его настоящую элегантную специально построенную штаб-квартиру на Вирджиния-Авеню [5, с. 18].

На пятнадцатой Панамериканской санитарной конференции в 1958 г. было изменено название организации на Панамериканскую организацию здравоохранения [5, с. 18–19].

На сегодняшний день ее миссия состоит в том, чтобы способствовать и координировать усилия стран в Западном полушарии, бороться с болезнями, удлинять жизнь и содействовать физическому и психическому здоровью населения. Чтобы выполнить эти задачи, организация сотрудничает с государствами-членами в: 1) идентификации непосредственных и долгосрочных угроз здоровью и развитию подходов, чтобы преодолеть их; 2) делая итоговую научно-техническую информацию о здоровье; 3) обеспечивая помощь для развития и улучшения национального и местного медицинского обслуживания; 4) способствуя научным исследованиям и технологиям; 5) предоставляя дотации и поощрения и организовывая семинары и учебные курсы; 6) поддерживая национальные действия и программы, которые рассматривают проблемы здравоохранения. ПАОЗ также работает с министерствами здравоохранения государств-членов, агентствами по социальному обеспечению и другими учреждениями общественного здравоохранения в сфере здоровья, образования, защиты окружающей среды и аграрных секторах [17, с. 38].

Об организационной структуре ПАОЗ. Секретариат организации возглавляется директором, который избирается каждые 4 года Панамериканской санитарной конференцией. Штат Секретариата составлен из членов органов здравоохранения государств-участников, которые избираются, прежде всего, но не исключительно, из стран Западного полушария. Секретариат ответственен за выполнение политики и программ, одобренных руководством организации. У ПАОЗ есть 8 научно-технических центров и 28 местных отделений. Один из офисов расположен в Эль-Пасо, Техас [17, с. 38–39].

Из вышеизложенного следует, что формирование международного санитарного бюро проходило в непростых условиях. На второй Международной конференции американских республик (Мехико, октябрь 1901 – январь 1902 гг.) было рекомендовано, чтобы медицинские представители американских республик выработали санитарные правила и учредили постоянный исполнительный совет (Международное санитарное бюро) со штаб-квартирой в Вашингтоне, округ Колумбия. В декабре 1902 г. в Вашингтоне оно было создано. Реорганизация бюро была предпринята в годы, последовавшие за Первой мировой войной. С изменением имени на Панамериканское бюро главные аспекты его деятельности включали сбор и передачу информации о вспышках эпидемических заболеваний, подготовку повестки дня для Панамериканской санитарной конференции и др. С созданием ВОЗ бюро стало функционировать под эгидой Панамериканской санитарной организации, а с 1958 г. – Панамериканской организации здравоохранения.

Список литературы:

1. Zika virus 'spreading explosively,' WHO leader says [electronic resource] //official website of CNN International Edition. – URL: <http://edition.cnn.com/2016/01/28/health/zika-virus-global-response/> (датаобращения: 09.02.2016)

2. Zika virus infection – Region of the Americas [electronic resource] // official website of WHO. – URL: <http://www.who.int/csr/don/8-february-2016-zika-americas-region/en/> (дата обращения: 09.02.2016)
3. Zika virus infection 'through sex' reported in US [electronic resource] // official website of BBC News Services. – URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-35478778> (дата обращения: 09.02.2016)
4. Сорокина Т. С. История медицины: Учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений / 9-е изд., стереотип. (гриф Минобразования РФ). – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 560 с.
5. Norman Howard-Jones. The Pan American Health Organization: Origins and Evolution. – Geneva: World Health Organization, 1981. – 20 p.
6. Fidler D. P. International law and infectious diseases. – Oxford: Clarendon Press, 1999. – 412 p.
7. Andrew Cliff, Matthew Smallman-Raynor. Oxford Textbook of Infectious Disease Control: A Geographical Analysis from Medieval Quarantine to Global Eradication. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 193 p.
8. Marcos Cueto. The Value of Health: A History of the Pan American Health Organization. – Washington, DC: Pan American Health Organization, 2007. – 177 p.
9. Annella Auer, Juan Eduardo Guerrero Espinel. The Pan American Health Organization and international health: a history of training, conceptualization, and collective development // Rev Panam Salud Publica. – 2011. – № 30 (2). – p. 122–132.
10. Bolivar J. Lloyd, M. D. The Pan American Sanitary Bureau // American Journal of Public Health and the Nation's Health. – 1930. – Vol. XX, No. 9. – p. 925 – 929.
11. Tine Hanrieder. International Organization in Time: Fragmentation and Reform. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 272 p.
12. Jeremy Youde. Global Health Governance. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 240 p.
13. Marcos Cueto, Steven Palmer. Medicine and Public Health in Latin America. A History. – New York: Cambridge University Press, 2014. – 318 p.
14. The World Health Organization. International Organization and the Evolution of World Society / Yves Beigbeder [et. al.]. – Vol. 4. – Dordrecht: MartinusNijhoff Publishers, 1998. – 216 p.
15. Kelley Lee, Jennifer Fang. Historical Dictionary of the World Health Organization. – Lanham: Scarecrow Press, Inc., 2013. – 201 p.
16. Basic documents of the Pan American Health Organization. Eighteenth Edition. – Washington, D. C.: PAHO, 2012. – 159 p.
17. United Nations U.S. participation in five affiliated international organizations : report to the Chairman, Committee on Foreign Relations, U.S. Senate. – Darby PA: Diane Publishing Co, 1997. – 84 p.

Klimenko K. P. The formation and the reorganization of the International (Pan American) Sanitary Bureau (1902–1958) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – P. 202–210.

The International Sanitary Bureau, the predecessor of the Pan American Health Organization, was created in 1902 during the first international meeting devoted to the health problems of the Western Hemisphere. It has the distinction of being the first international health bureau with its own secretariat. A primary function of the Bureau was to oversee inter-American quarantine regulations and to act as a centre for the international exchange of information on epidemic diseases of international importance. Such states as the USA, Canada, Argentina, Brazil, Mexico, Venezuela, Colombia, etc. were members of the organization. In 1946 it was stated by Dr. A. A. Moll, then Secretary of the Pan American Sanitary Bureau, that his was the oldest of all international health organizations. Similar claims have often been made. For example, Dr. Fred Soper two years later described the PASB as the first international health organization. At a stage of the formation the organization has undergone the various changes and even was on the brink of crash, but all it has not allowed to destroy it owing to prosecution of a uniform purpose – rescue of lives and maintenance of normal ability to live of the population not only the American continent, but also the whole world.

Keywords: Pan American Sanitary Bureau, history of public health, international cooperation, sanitary conference, sanitary organization, fight against epidemics.

Spisok literature:

1. Zika virus 'spreading explosively,' WHO leader says [electronic resource] // official website of CNN International Edition. – URL: <http://edition.cnn.com/2016/01/28/health/zika-virus-global-response/> (data obrashcheniya: 09.02.2016)
2. Zika virus infection – Region of the Americas [electronic resource] // official website of WHO. – URL: <http://www.who.int/csr/don/8-february-2016-zika-americas-region/en/> (data obrashcheniya: 09.02.2016)
3. Zika virus infection 'through sex' reported in US [electronic resource] // official website of BBC News Services. – URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-35478778> (data obrashcheniya: 09.02.2016)
4. Sorokina T. S. Istorijamediciny: Uchebnikdlja stud. vyssh. med. ucheb. zavedenij / 9-e izd., stereotip. (grifMinobrazovaniya RF). – M.: Izdatel'skij centr "Akademija", 2009. – 560 s.
5. Norman Howard-Jones. The Pan American Health Organization: Origins and Evolution. – Geneva: World Health Organization, 1981. – 20 p.
6. Fidler D. P. International law and infectious diseases. – Oxford: Clarendon Press, 1999. – 412 p.
7. Andrew Cliff, Matthew Smallman-Raynor. Oxford Textbook of Infectious Disease Control: A Geographical Analysis from Medieval Quarantine to Global Eradication. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 193 p.
8. Marcos Cueto. The Value of Health: A History of the Pan American Health Organization. – Washington, DC: Pan American Health Organization, 2007. – 177 p.
9. Annella Auer, Juan Eduardo Guerrero Espinel. The Pan American Health Organization and international health: a history of training, conceptualization, and collective development // Rev PanamSaludPublica. – 2011. – № 30 (2). – p. 122 – 132.
10. Bolivar J. Lloyd, M. D. The Pan American Sanitary Bureau // American Journal of Public Health and the Nation's Health. – 1930. – Vol. XX, No. 9. – p. 925 – 929.
11. Tine Hanrieder. International Organization in Time: Fragmentation and Reform. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 272 p.
12. Jeremy Youde. Global Health Governance. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 240 p.
13. Marcos Cueto, Steven Palmer. Medicine and Public Health in Latin America. A History. – New York: Cambridge University Press, 2014. – 318 p.
14. The World Health Organization. International Organization and the Evolution of World Society / Yves Beigbeder [et. al.]. – Vol. 4. – Dordrecht: MartinusNijhoff Publishers, 1998. – 216 p.
15. Kelley Lee, Jennifer Fang. Historical Dictionary of the World Health Organization. – Lanham: Scarecrow Press, Inc., 2013. – 201 p.
16. Basic documents of the Pan American Health Organization. Eighteenth Edition. – Washington, D. C.: PAHO, 2012. – 159 p.
17. United Nations U.S. participation in five affiliated international organizations : report to the Chairman, Committee on Foreign Relations, U.S. Senate. – Darby PA: Diane Publishing Co, 1997. – 84 p.

Адельсеитова А.Б.	к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Алиева З. Г.	студент юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бекирова Э. Э.	к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Благодатная Е. Ю.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бугаев В. А.	к. ю. н., доц., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Буткевич С. А.	к. ю. н., старший научный сотрудник; заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе
Волошин И. А.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Герасименко В. А.	доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Геращенко А. В.	курсант 2 курса 213 взвода Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; рядовой полиции
Губанова Е. В.	к. ю. н., доцент к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Давиденко С. А.	студент юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Доборез И. А.	к. ю. н., доц. к-ры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»
Евсикова Е. В.	к. ю. н., старший преподаватель к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; лейтенант полиции
Змерзлый Б. В.	д. и. н., д. ю. н., проф. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Клименко Е. П.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Коноплев В. В.	д. ю. н., проф. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Курабцева А. П.	к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Лаговская Е. В.	студент юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Мидловец М. В.	преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пархоменко Л. В.	к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Поддубняк А. А.	к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Ротань В. Г.	д. ю. н., проф., заведующий к-рой гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Роттина Е. И.	студент 3 курса юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Рышкова Л.В.	к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Скворцова О.В.	к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Скребец Е. С.	начальник кабинета специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел России
Сонин О. Е.	к. ю. н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Сычева А. В.	преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Соляной А. В.	к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Чернецкий О. К.	к. ю. н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Чернядьева Н. А.	к. ю. н., доц. к-ры Трудового и Международного права, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), докторант кафедры Международного права МГЮА
Шармоянц А. Н.	к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

СОДЕРЖАНИЕ	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО	
Благодатная Е. Ю.	Упорядочение фрахтовой деятельности в СССР в 1925 – начале 1926 гг.....3
Буткевич С. А.	Чрезвычайное законодательство Республики Крым: состояние и пути совершенствования.....15
Змерзлый Б. В.	Регулирование права собственности на суда в 1917–1930 г.24
Курабцева А. П.	Создание арестантских рот военного и военно-морского ведомства в Российской империи.....33
Шармолянц А. А.	Особенности правового статуса автономных округов в советский период50
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА	
Бугаев В. А.	Обман и злоупотребление доверием как способ причинения имущественного ущерба.....57
Волошин И. А., Давиденко С. А.	Особенности регулирования уголовным законодательством брака в Российской Федерации.....63
Губанова Е. В., Роткина Е. И.	Исторический анализ уголовной ответственности за изнасилование.....67
Доброрез И. А.	Прокурор в делах о несостоятельности (банкротстве).....77
Мидловец М. В., Соляной А. В.	Возмещение вреда, причиненного предметом дорожно- транспортного преступления.....83
Пархоменко Л. В.	Актуальные вопросы влияния алкогольного опьянения на назначение уголовного наказания.....89
Поддубняк А. А.	Процессуальные аспекты применения оперативно-розыскной информации при производстве по уголовному делу.....94
Скворцова А. В., Лаговская Е. В.	Криминализация и декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности.....98
Сычева А. В.	Коррупция в сфере высшего образования: коррозия правосознания.....109
Скребец Е. С.	Некоторые особенности классификации экстремизма на современном этапе развития общества116
Чернядьева Н. А.	К вопросу об институциональном оформлении контртеррористического противодействия на советском пространстве.....122
Чернецкий О. К.	Участники следственного эксперимента.....131

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Бекирова Э. Э., Алиева З. Г.

Правовой статус холдингов в Российской Федерации:
перспективы развития.....135

Евсикова Е. В., Геращенко А. В.

Предупреждение административных правонарушений в Республике Крым.....149

Коноплев В. В.

Теоретические подходы к определению понятия административной
деятельности органов внутренних дел.....164

Ротань В. Г.

Логические инструменты и взвешивание ценностей как средства
правотолкования и разрешения коллизий в праве.....172

Сонин О. Е.

Защита права работников на установление неполного рабочего времени....184

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Адельсеитова А. Б., Плотникова А. Д.

Основания приобретения правового статуса беженца в ФРГ.....191

Клименко Е. П.

Формирование и организация международного (Панамериканского)
санитарного бюро (1902–1958).....202